

Дмитрий
СКИРЮК

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФЭНТЕЗИ

ЖУГА
ОСЕННИЙ ЛИС

Гиганты фантастики

Дмитрий Скирюк

Жуга. Осенний лис

«ЭКСМО»

1997-1999, 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Скирюк Д. И.

Жуга. Осенний лис / Д. И. Скирюк — «Эксмо», 1997-1999,
2023 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-178952-7

Травник Жуга потерял семью, свой род и понимание, кто он на самом деле. Дорога стелется под ноги, и, устремив взгляд в горизонт, Жуга пытается найти ответы на вопросы судьбы, обретая друзей и врагов, узнавая, что такое любовь и ненависть. Его путь кажется долгим, а небо бескрайним, но море бесконечно, а надежда не умирает никогда. Жизнь меняется, сотрясаются основы, правители раздирают мир в клочья – отыщет ли Жуга свое место среди подступающего хаоса?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178952-7

© Скирюк Д. И., 1997-1999, 2023
© Эксмо, 1997-1999, 2023

Содержание

Жуга. Осенний лис	7
От автора	7
Оправа: Говорящий	9
Оправа: Говорящий	55
Оправа: Говорящий	82
Оправа: Говорящий	105
Оправа: Говорящий	141
Оправа: Говорящий	194
Конец ознакомительного фрагмента.	203

ЖУГА ОСЕННИЙ ЛИС

Дмитрий Скирюк
Жуга. Осенний лис

© Скирюк Д.И., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Жуга. Осенний лис

От автора

К роману «Осенний лис» у меня отношение особое. Двадцать лет прошло со времени его публикации и почти двадцать пять – с момента написания первых строк. Так сложилось, что у него никогда не было нормального редактора – всё ограничивалось литературной правкой, не всегда качественной. Сегодня многое изменилось. Я стал старше, прибавилось опыта. Курсы литературного мастерства, которые я много лет веду один и в соавторстве, заставляют меня строже относиться к своим старым текстам. Сейчас я вижу недостатки, которые ранее скрылись от моего внимания.

Я благодарен издательству «ЭКСМО» и лично Дмитрию Малкову, с подачи которого произошло переиздание этого романа в наши нелёгкие времена. К новому изданию я настолько серьёзно переработал текст, что впору говорить о второй авторской редакции. Велико было желание вообще всё переписать, но я отказался от этого соблазна. Что сделано, то сделано.

Глядя с высоты прожитых лет на себя, двадцатилетнего, я вижу порывистого, угловатого, но яркого и самобытного автора. Главной трудностью оказалось сохранить эту «непричёсанность», которая выделяет книгу из ряда ей подобных и за которую, вероятно, её до сих

пор хвалят и ругают. Конечно, мой дебютный роман несовершенен, но почему-то именно он остаётся самым популярным из всего, что написано мной. Может быть, причина в этой самой «несовершенности»? Искренность чувств, свежесть подачи, обаяние юности, желание раздвинуть каноны жанра, попробовать новое, пусть даже в ущерб читательскому восприятию, – вот главные достоинства этого романа.

Всему своё время. Тогдашний «я» не смог довести его до ума: ему не хватило знаний и опыта, он был слишком упрям и самоуверен. Но сегодняшний «я» ни за что не написал бы подобный роман: он разучился смотреть на мир так наивно и восторженно. И это прекрасно, что сегодня мы встретились и поладили, хотя это было нелегко.

А теперь читайте. Предисловие не должно быть длинным.

Искренне ваш

Дмитрий Скирюк

Оправа: Говорящий

1

Человек на вершине холма наблюдал, как рождается день.

Он сидел здесь неподвижный, словно камень, на фоне медленно светлеющего неба. Казалось, он возник ниоткуда, будто родился этой ночью – лишь только первые лучи рассвета тронули макушку старого холма, а там уже маячил этот тёмный силуэт. У ног человека лежали мешок и посох, за спиной был приторочен меч.

Минуло полчаса. И час. И полтора. Июльское солнце выпило росу, воздух потеплел. Утренний туман пополз в овраг. Поднявшийся ветер зашуршал листвой, волнами всколыхнул высокую траву, коснулся длинных спутанных волос человека на холме.

Человек не шевелился. Он ждал.

От леса, зеленеющего невдалеке, отделилось маленькое тёмное пятно. Помедлило, пересекло дорогу и двинулось через луга к холму, постепенно увеличиваясь. Вскоре можно было различить – по лугу шёл медведь. Приблизился – огромный, бурый, косматый, долгое мгновение смотрел на человека пристально и цепко, словно спрашивал, затем уселся прямо где стоял, на склоне, в двух шагах от человека.

«Зачем позвал?»

Вопрос растаял в воздухе, прежде чем он был произнесён, осталось только эхо. Но человек его услышал.

– Мне нужен твой совет, – сказал он вслух и, помолчав, добавил: – Я знаю, если ты пришёл, значит, согласен мне помочь.

«Ты знаешь, что тебе придётся заплатить?»

– Я знаю. – Человек кивнул.

Медведь уселся поудобнее, затем и вовсе лёг на траву. Вздохнул.

«Рассказывай».

– Какая будет плата?

«О плате поговорим потом. Рассказывай».

– С чего начать?

«С начала».

Человек задумался. Взъерошил рукой непослушные рыжие волосы.

– Это будет долгая история, – сказал он. – Хватит у тебя терпения и сил дослушать до конца? Я слышал, будто вы должны есть сутками, с утра до вечера...

Медведь в ответ на это лишь нетерпеливо отмахнулся.

«Времени у нас достаточно, – сказал он. – Ты выбрал земляничную поляну – это хорошо. К тому же я чувствую мёд в твоём мешке».

– Да, я принёс.

«Тогда начнём».

Жуга

Вечерело.

Красное закатное солнце, медлительное в середине лета, уходя за горизонт, последними мягкими лучами освещало пологие уступы Хоратских гор. Тёмный хвойный лес на их склонах казался издали пушистой шубой, которой закат придавал дивный оттенок старого вина. Лесные

птицы сбивчиво и спешно допевали дневные песни, и где-то в чаще ухнул, просыпаясь, филин – птица мудрая и мрачная: для него начиналось время охоты.

За узким ручьём, посреди зеленеющей долины притулилась деревушка – десятка полтора глинобитных домиков, крытых золотистой соломой, ветхие, но ещё прямые плетни, увитые хмелем и выюнком и увенчанные крынками и горшками, хлевы, сараи, деревянная церквушка и придорожная корчма, немногим уступающая ей в размерах. Квохтали куры, мычала скотина, но не громко и суматошно, а спокойно, с ленцой. Бранились две хозяйки, что-то не поделившие. Детей на улицах не было – вечер, большинство же мужчин, влекомые жаждой, желанием почесать языки и быть подальше от сварливых жён, спешили навестить корчму. Трое-четверо из них уже подпирали спинами столбики навеса, выйдя то ли проветриться, то ли просто от нечего делать. За околицей начинались зеленеющие поля – начинались и тянулись на юг и на запад, сменяясь тёмной зеленью лугов и длинными островами ещё более тёмного леса. Всё дышало миром и спокойствием.

По пыльной жёлтой ленте дороги, спускавшейся в долину с горных склонов, пружинистой походкой пастуха-горца шёл юноша с котомкой за плечами. Правая его рука сжимала гладкий ясеневый посох, сбитый и потёртый оконечник которого мог бы многое рассказать знающему человеку. Холщовые штаны и рубашка, ещё крепкие кожаные царвули¹ и овчинный кожух-безрукавка – всё было ношеным и выцветшим, но простым и добротным. Сам путник, хоть и загорелый, казался чересчур светлым для этих мест, наверное, из-за выгоревших рыжих волос, уже изрядно отросших. А может, виной тому были пронзительно-синие глаза или ещё что. На вид ему было лет семнадцать-двадцать – тот неуловимый возраст, когда год-другой, а то и все пять не играют роли, не важно, в какую сторону от двадцати. Усов и бороды путник не носил.

Узкий белёсый шрам, рваные края которого тянулись от запястья к локтю на левой руке, слишком бросался в глаза на загорелой коже – короткий рукав рубахи, наверняка с чужого плеча, не прикрывал его. Намётанный глаз быстро углядел бы и второй шрам – над ключицей, такой же рваный и нехороший, нечестный, а когда парень останавливался смахнуть рукавом пот со лба и светло-рыжие пряди цеплялись за ухо, открывался ещё один косой белый рубец – на правом виске, где под кожей пульсировала синяя жилка. Владелец умной головы смекнул бы, что у путника наверняка есть и другие отметины, да и шёл он странной походкой, не поймёшь сразу, чем именно странной.

У ручья, через который был переброшен лёгкий мостик без перил, юноша постоял в задумчивой нерешительности, оглядывая деревню, напился воды, смыл с лица дорожную пыль и, подхватив посох, зашагал к корчме.

* * *

Влашек отлепился от стены, приметив интересное, и попытался сфокусировать пьяный взгляд. Кто-то шёл по дороге, то и дело оглядываясь по сторонам. Посох глухо постукивал в такт шагам.

Сегодня у Влашека с утра ничего не ладилось. Сначала разругался с женой из-за непечённой ковриги, а когда стервоза принялась бить посуду, плюнул на всё и ушёл в поле. Но и там не везло – коса как заговорённая врезалась в землю, да так, что поломался черенок. Потом конь («У, мешок травяной!» – у Влашека даже сейчас кулаки зачесались), когда его запрягали, ухитрился укусить хозяина. И в довершение всех напастей – будто этого было мало! – после третьей... нет, четвёртой кружки проиграл в кости Яну-закорючке пять менок. Пять менок!

¹ Царвули – лёгкие открытые кожаные башмаки с обмоткой, распространённые у южных славян, болгар и некоторых других народов (болг.).

Он мрачно закричал, прикидывая, как встретит это известие жена, и даже малость протрезвел, но только самую малость. Впрочем, и этого оказалось достаточно, чтобы разглядеть одинокого странника, остановившегося неподалёку.

Влашке до смерти хотелось кого-нибудь поколотить.

Путник, остановившись, улыбнулся, не разжимая губ. Кивнул:

– Вечер добрый.

– Для кого добрый, а для кого и не очень, – буркнул Влашек, почёсывая волосатой рукой потную красную шею. – Откуда путь держишь и куда?

– Иду издалёка. – Парень мотнул вихрастой рыжей головой в сторону гор. – А куда – судьба подскажет. Заночевать тут у вас хочу, а может, и пожить с недельку. Сеновал да хлеба ломоть – мне многого не надо. Если что, отработаю. Работы я не боюсь, вот только...

– Что «только»? – ехидно осведомился Влашек.

– Ничего. Может, чего подскажешь?

Влашек ухмыльнулся, подбоченился и, оглянувшись на своих дружков, стоявших у крыльца, объявил во всеуслышание:

– За проход в Чедовуху платить надобно – приказ такой вышел, ежели не слыхал. А не хочешь – ходи стороной. Так что плати. Две менки.

Улыбка юноши стала холодной. Казалось, улыбаются одни глаза – сжатые в усмешке губы не сулили ничего хорошего.

– Где ж это видано, чтобы за проход платить? – спросил он. – Да и кому? Уж не тебе ли?

– Можно и мне, – снисходительно согласился Влашек.

– А ты кто будешь? – всё ещё миролюбиво спросил пришелец.

– Кто, кто! – Влашек начинал сердиться уже по-настоящему. – Не твоё дело. Сказано: плати или проваливай. Ну!

Трое отделились от корчмы и подошли, почуяв забаву. Юноша коротко взглянул на них и снова повернулся к Влашке. В вечерней тишине коротко упали слова:

– Денег у меня нет.

– Тады, – хмыкнул Влашек, – развязывай мешок. Сами поглядим, чего с тебя взять. – Он ухарски подмигнул приятелям и расплылся в ухмылке. Те засмеялись.

– Не развяжу, – спокойно и безо всякого вызова ответил рыжий. – Уйди с дороги.

– Ха!

– Платить я тебе не стану. Отойди.

– Да ты, я вижу, борзый! – Влашек размашисто шагнул вперёд и попытался цапнуть мальчишку за ворот, но ухватил лишь воздух – двумя быстрыми шагами парень отступил назад и вбок и, взяв посох в обе руки, поднял его перед собой.

– Дубинкой, так? – В кулаках Влашека заплясал весёлый зуд. – Ах, ты значит, так? Ну так на тебе!

Влашек недаром слыл забиякой. Ещё мальцом он верховодил в потасовках с парнями из соседних деревень, и многие помнили его затрешины. Силой его Бог не обидел, он был выше этого нахального паренька и намного шире в плечах, но сегодня полоса неудач, видимо, ещё не кончилась.

Влашек готов был поклясться, что метил в лицо, но в последний миг противник непонятно как извернулся, и тонкий конец посоха ткнул Влашека в грудь так, что потемнело в глазах. Влашек изловчился, сграбастал парня за рубаху, рванул, ударил... и опять промазал: чужак присел, коротко двинул плечом, вырвался, а в следующий миг посох, описав дугу, ударил Влашека под колени. Он рухнул на спину и остался лежать, ошалело вращая глазами.

«Влашко бьют!» – крикнул кто-то, и трое приятелей бросились на подмогу. Один потянул из плетня кол, его примеру поспешил последовать второй. Третий кол был вбит крепко,

и последний из троицы, чернявый курносый недомерок, поспешил за остальными с голыми руками. Из дверей корчмы, привлечённые шумом, показались головы любопытных поселян.

В двух шагах от незнакомца они остановились, напряжённо дыша, переминаясь и прикидывая, как сподручнее его обойти. Рыжий поднял взгляд, криво, невесело улыбнулся. Во рту его не хватало нескольких зубов.

– Дайте пройти, – сказал он. – Я не хочу с вами драться.

– Может, не надо? – спросил один, покосившись на приятелей. – Он же сам...

– Чё с ним цацкаться! – крикнул самый горячий, а может, просто самый пьяный. – Бей его, ребята!

Троица ринулась в атаку.

Чужак шагнул вправо, влево, посох в его руках взметнулся, как живой, и пока драчуны соображали, что к чему, гибкий ясень уже гудел в воздухе, отбивая беспорядочные удары, гуляя по спинам и бокам, сбивая с ног. Рыжий парень кружил, отступал, уклонялся, отбивался и бил сам, отделяваясь царапинами и ушибами, пока все трое не растянулись на земле.

И тут случилось неожиданное. Побивая буйную троицу, паренёк забыл про Влашека. Тот меж тем поднялся, метнулся вперёд и вцепился в его заплочный мешок, сам не зная зачем. Пришелец рванулся, ветхие завязки лопнули, и мешок остался в руках растерянного Влашека. Мгновение он стоял, соображая, что делать, и бегом припустил по дороге.

– Стой! – с отчаянием вскричал юноша. – Эй, погоди! Да стой же! Ах... – Он бросился вдогон, но пробежал несколько шагов и встал, бессильно застонав. И сразу стало ясно, отчего походка его казалась странной: парень хромал. Хромал на правую ногу, несильно и даже не очень заметно, но бежать он не мог.

А Влашек убегал. Бросив посох, странник оглянулся на корчму, на три лежащих тела, которые уже начинали шевелиться, на появившихся на улице поселян, снова на убегающего Влашека... Лицо его исказилось. Он вытянул руку Влашеку вослед и выкрикнул непонятное – не то ругательство, не то угрозу с раскатистым «р» посередине.

Пальцы простёртой руки сжались в кулак.

Влашек бежал уже из чистого упрямства, изредка оглядываясь и скаля зубы. Мешок болтался у него за спиной на уцелевшем ремне. И вдруг поселяне ахнули: ноги Влашека стали заплетаться, он ускорил шаги, но бежал уже назад спиной вперёд. Ещё два шага – и он взвыл: «Ай-я!!!» Лицо его исказила гримаса. Не в силах устоять, он упал, горстями хватая жёлтую пыль, но неведомая сила волокла его назад на место драки, где стоял и словно бы вытягивал невидимую лесу угловатый рыжий паренёк. Влашек корчился, чертил руками борозды, ломая ногти и сдирая кожу. «Карваш!» – ахнули в толпе. Народ задвигался, зашептался. Кто-то бросился бежать, многие поразевали рты: «Чур меня!», «Господи Иисусе!» Хмель быстро выветривался.

...Опомнился Влашек у ног незнакомца. Деревенские притихли, окружив обоих полукольцом, насторожённо ожидая, чем всё кончится. Подходить близко, однако, опасались.

Парень оглянулся на них, присел, забрал мешок, похлопал по нему, сбивая пыль. Встал, поднял посох.

– Мир, поселяне, – устало сказал он. – Я не хотел драки. Где живёт деревенский голова? Старый Шелег вышел вперёд, подслеповато шурясь.

– Мир и тебе, путник. Я здесь старостой, говори, чего хочешь.

– За проход через вашу деревню и вправду надо платить?

Влашек закричал, посмотрел на ладони. Пальцы были в крови. Трое его приятелей, потирая бока, угрюмо стояли поодаль. Шелег нахмурился.

– Вы, трое, – он поманил пальцем, – сказывайте, как дело было. Кто свару затеял? Говори ты, Илеш.

Длинный и тощий Илеш замялся:

– А что мы? Ну, Влашко, он же пошутить... Да дурасть это всё... вот...

– А я сразу понял, – затараторил самый младший. – Не, когда он меня дубиной... это... Я сразу понял – неспроста это! Он, поди ж ты, один против нас, а мы... А я его...

Затрещина прервала словесный водопад.

– Угомонись, – рассудительно сказал третий приятель, опуская руку. Все кругом невольно заулыбались – троих забияк отлично знали в деревне. Ухватистый темноволосый Балаж, получивший в драке невиданных размеров фингал, оглядел односельчан и опустил взгляд.

– Сам Влашко полез, – нехотя признал он. – А мы не разобрались спьяну, что да как. Оно, конечно, зря. Волох это, не иначе. А только прав он, чё говорить...

– Волох не волох, а задираться не след! – Шелег оглядел побитую троицу. – Хороши богатыри, неча сказать – один малец четверых побил... Звать тебя как, прохожий человек?

– Жуга, – поколебавшись, ответил тот, роняя ударение на «а». Все невольно посмотрели на его рыжую шевелюру, смекая, что к чему.

– Влашек озоровал, – признал старик. – Хоть и вырос, да ума не нажил. А и ты тоже хорош: где кудесничать решил! Ты смотри не балуй! А за проход да погляд денег не берём – дело известное... Откуда идёшь, чего ищешь?

– На постой остановиться хотел, работу сыскать на время. Сам с гор я, а иду издалёка, долго рассказывать.

Шелег нахмурился, пожевал усы.

– Ну, добро, – наконец решил он. – Поступай как знаешь, мы угрозы чинить не будем... Да крест-то есть на тебе? – вдруг спохватился он. Жуга кивнул, похлопал себя ладонью по груди.

Старик совсем успокоился. Зашевелились и другие – мало ли что на свете бывает!

– Ну, пошли, что ль, – сказал Шелег и первым направился в кабак. Остальные поспешили за ним. Илеш задержался на секунду, наклонился к Влашеку.

– Слышь, ты это... вставай, – неуверенно сказал он, словно боялся, что тот уж не встанет. Влашек опёрся оземь дрожащими руками, поднялся на четвереньки, затем во весь рост.

И только теперь заметил, что штаны у него мокрые.

Насквозь.

* * *

Корчма была светлой, с белёными стенами и низким чистым потолком. В воздухе витал холодный табачный дым – многие, вернувшись, снова закурили. Летали мухи. На столах тут и там стояли глиняные кружки с недопитым пивом. Жуга направился в угол у окна, сел за стол. Поселяне с лёгким опасением поглядывали, как он развязывает мешок. На столе появились хлеб, лук, кусок козьего сыра и короткий, с резной ореховой рукоятью нож. Харч у прохожего был свой, но деньги, видно, у него водились, что бы он ни говорил. Кабатчик, добродушный лысоватый толстяк по имени Михеш, сейчас, правда, несколько мрачноватый, подошёл к нему, когда о доски столешницы звякнула монетка.

– Будь здоров, путник, – сказал он. – Чего желаешь?

– Будь и ты, хозяин, – сказал он. – Почём пиво твоё?

– На менку кружку налью... – Монета не двинулась с места. – Э-э... две, – поспешил поправиться он. Кругом заусмехались.

– Годится, – одобрил Жуга. – Принеси одну.

Менка скрылась в кошеле у Михеша, а перед пришельцем появилась глиняная кружка с шапкой пены и полушка на сдачу. Жуга пригубил, кивнул довольно: «Доброе пиво» – и принялся за еду. Ел он неторопливо, совершенно обыкновенно, и вскоре это зрелище всем наску-

чило. За столами возобновились прерванные разговоры, сдвинулись кружки. Кто-то засмеялся. Забрякали кости в стаканчике.

– Хлеб да соль, – послышалось рядом.

Жуга поднял взгляд.

У стола стоял такой же, как и он, парень лет двадцати, с курчавой русой бородой, одетый в длинную чёрную свитку. Кружку свою он уже поставил на стол и теперь усаживался на скамейку напротив. Жуга не стал возражать, лишь кивнул в ответ.

У его нового собеседника были весёлые карие глаза, добродушное лицо и длинные волосы, когда-то подстриженные под горшок. Сложением он был покрупнее, чем Жуга, а вот в росте уступал, говорил сильно окая – и вообще выглядел нездешним.

– Меня Реслав зовут, – продолжал он.

– Жуга, – кивнул Жуга.

– Откуда родом будешь?

Жуга обмакнул луковое перо в солонку, с хрустом сжевал. Запил пивом. Ничего не ответил, лишь покосился на посох у стола – здесь ли. Но собеседник оказался не из обидчивых.

– Я сам с севера, с Онёры-реки, может, слышал? Тоже, вот, брожу по свету. Видел я, как ты драчуна потянул. Ловко! Где волховать-то сподобился?

– Где – долго рассказывать, – нехотя сказал травник. – Да и зачем тебе?

Реслав широко, по-доброму улыбнулся.

– Это можно. Ходил я в Марген, к Тотлису-магу, думал колдовской премудрости обучиться, потому как сызмальства к наукам тягу имею...

Жуга так резко вскинул голову, что мелькнул в разлёте волос шрам на виске.

– К магу? – прошептал он и уже нормальным голосом спросил: – И что у мага? Учился?

– Да в учениках у него недолго пробыл, – усмехнулся Реслав. – Как деньги кончились, уйти пришлось. Может, ещё поглядел бы маг, оставить меня или прогнать, да приятель мой, Берти Шварц, бестолочь, даром что папаша у него богатый, взорвал всю его лабораторию на хрен. Ну, Тотлис и осерчал. Я в чудесах не мастак, но чему успел, научился, потому и интересуюсь – ты тоже, гляжу, в этом кумекаешь.

Жуга слегка расслабился, черты его лица смягчились.

– С гор я иду, – сообщил он.

– Вижу, что с гор, – кивнул Реслав. – Посошок, вон, твой на макушке стёртый, там, где валашка была – топорик ваш горецкий... А вот какого ты роду-племени, в толк взять не могу. На волоха вроде не похож. Карваши, хоть и с ведовством знаются, черноволосые, словно дёгтем намазаны. Вазуры одеваются не так и бороду носят, а у ладов серыга в ухе и ростом они пониже тебя... Кто ты будешь?

– У волохов я рос, – Жуга отодвинул кружку, – а что лицом с ними не схож – не моя в том вина. Как отца с матерью звали, не ведаю – подкинутый я. Старик один меня вырастил, сам травознай да заговорник был, он и учил всему, что знаю... Потом пастухом был. Такое вот...

– А-а...

Реслав помолчал, заглянул в кружку, покачал на ладони тощий кошель. Вздохнул.

– Лет тебе сколько?

Жуга пожал плечами:

– Я не считал, другие и давно. А тебе?

– Мне-то? Девятнадцатый идёт... Ты, я слышал, подработать хотел?

– Было дело.

– А что делать можешь? Грамоту, цифирь знаешь?

– Какой пастух счёта не знает! Только, наверное, ни к чему это здесь. Что могу? Пасти могу, само собой. Белишь-красить тоже. Дрова рубить могу, сено косить... Изгородь ставить...

– А крышу?

– Что?

– Крышу крыть можешь? Меня тут хуторянин зазывал хату его наново перекрыть. Я бы взялся, да одному несподручно. Видишь, вон сидит, усатый.

Жуга печально покачал головой:

– На крыше не смогу. – Он похлопал ладонью по ноге. – Не дай бог грохнусь, век потом не заживёт.

Реслав кивнул с пониманием.

– Где покалечил-то? – спросил он. Жуга закричал, ничего не ответил. – Ну, ладно, на крышу сам полезу. Снизу-то подмогнёшь?

– Надо думать... А платят сколько?

– Сейчас прознаем. – Реслав повернулся к соседнему столу. – Довбуш! Эй, Довбуш!

Через полчаса оба уже шагали вслед за Довбушем на недалёкие выселки, подрядившись работать за харчи, ночлег и десять менок на брата – хозяин клюнул на дешёвизну.

Стемнело. Высыпали звёзды, яркие, мерцающие в тёплом воздухе. Реслав старался не спешить, принаравливаясь к спутникам. Жуга, казалось, видел в темноте что твоя кошка, в то время как хуторянин поминутно спотыкался и поругивался. Довбуш был полноват, пыхтел, отдувался – немудрено, что сам не мог сработать кровлю.

– Эй, чудодей, как там тебя... Жуга! – окликнул он. – Посветил бы – луны-то нет сегодня... А, пропасть... – Нога его попала в очередную колдобину.

Жуга задумался на секунду.

– *Альто-эйя*, – негромко сказал он. Макушка посоха вдруг осветилась синеватыми сполохами. «Эва!» – ахнул хуторянин. Жуга повёл пальцами, пытаясь сделать свет поярче, но добился лишь того, что огонёк вовсе погас.

– Ах, незадача. – Реслав остановился. – Теперь не повторишь... Ну-тко, я попробую. – Он забормотал что-то вроде: «Это сюда... надо быть на конец, значит... От... Ага...», затем скомандовал: «*Эт'Северерес!*» – и замер в ожидании результата.

Перед лицом его заплесал в воздухе на тоненьких крыльях ночной светлячок. Реслав крикнул смущённо. Довбуш хохотнул.

Появилась вторая светящаяся точка. Через миг к двум добавилась третья, пятая, десятая... Вскоре перед Реславом клубилось, плясало целое облачко.

– Хватит! Довольно! – замахал он руками, но облако продолжало расти. – От чёрт! – ругался Реслав, отмахиваясь от мошкары, и лишь когда все трое добрались до хаты, махнул рукою. – Сгинь! – И светлячки рассеялись в ночи.

– Ну, это...

– Да, дела, – крикнул хозяин. – Вы тут со своими наговорами не очень-то, не очень! И мне спокойнее, и вам охоты озоровать меньше.

Для ночлега Довбуш выделил работникам сеновал. Реслав долго ворочался, бормотал, шлёпал комаров. Окна хаты давно уже погасли. Где-то далеко стонала ночная пичуга.

– Жуга, – позвал Реслав. – Эй, Жуга! Или спишь?

– Мм... Чего?

– Я всё спросить хотел – если у тебя в мешке одна дребедень, что ж ты на того задиру так осерчал?

– Травы у меня там, – сонно ответил Жуга, – колено лечить, да и вообще. Я и забоялся: ну как этот дундук со злости всё повыбрасывает, денег не нашедши... Можно, конечно, ещё насобирать, но ведь год на это уйдёт... А зачем ты два «ре» в наговор поставил?

Реслав смущённо заворочался.

– Это когда «Северерес»? Ну, эт-та... навроде эха, значит. Эх, забыл, как по-научному. Ранез... Ноза... Чтобы сильнее было, в общем. Ах, леший! – Он сел, с шорохом разметав сено. – Так вот отчего светляков не остановить было!

Жуга помолчал.

– Мудрёно, – наконец сказал он. – А цвет?

– Жёлтый... Как глина.

– Мудрёно, – задумчиво повторил Жуга.

Реслав захихикал, толкнул приятеля локтем.

– Слышь, Жуга, а как ты битюга этого заставил... ну, это... в штаны, а? Как, а?

– Не заставлял я, – засопел травник. – Сам он... – И тоже засмеялся. Смех его был тихим, словно шуршащим, но искренним. Отсмеявшись, оба зарылись поглубже в сено и погрузились в сон.

В раскрытых дверях сарая показался неясный сгорбленный силуэт, постоял секунду-другую, прислушиваясь к доносящемуся сверху сопению, и исчез бесшумно, будто не был вовсе, только ветерком повеяло. Где-то в деревне – еле слышно было отсюда – забрехал пёс, и всё стихло.

Ночь вступила в свои права.

* * *

Реслав проснулся поздно и некоторое время лежал неподвижно, полузакрыв глаза. Вставать не хотелось. Под высокой шатровой крышей плясали в солнечных лучах пылинки – кровля была худой. «Уж не её ли мы чинить подрадились?» – мелькнула беспокойная мысль, мелькнула и пропала, но намётанный глаз деревенского паренька уже высматривал прорехи – вот тут закрыть нужно, и тут, и вот тут... А здесь и вовсе перестилать...

Потревоженный раздумьями, сон ушёл окончательно. Реслав сел, разбрасывая сено, потянулся. Зевнул. Осмотрелся по сторонам.

Жуга исчез. Примятое сено ещё хранило форму тела, но и только. «Ранняя пташка!» – одобрил Реслав, подобрал полы своей свитки, подполз к краю сеновала и потянул к себе лестницу.

Жуга отыскался во дворе. Длинный, поджарый, одетый в одни лишь выцветшие штаны, он только вытянул из колодца ведро воды и теперь умывался до пояса, шумно фыркая и трясая головой. Брызги летели во все стороны. Взгляд Реслава скользнул по его спине, невольно задержавшись на чудовищном шраме – такой же белёсый и рваный, как остальные, он косо спулся от шеи через лопатку и исчезал, немного не доходя до правого бока. Мышцы здесь спросились неровно, и спина казалась искривлённой. «Эва как приложило! – ошеломлённо подумал Реслав. – Может, и рёбра поломало... Чем это?»

Сейчас, без рубашки, Жуга казался вовсе даже не худым. Мускулы его сидели как-то по-особенному плотно и ладно, жира не было вовсе – он казался гибким и ловким. Реслав, коренастый и широкоплечий, как все северяне, никогда не видел ничего подобного. Заслышав шаги, Жуга обернулся.

– А, Реслав! – Рыжие его волосы топорщились, словно пакля. – Долго спишь, скажу я тебе.

– И тебе доброе утро. Куда спешить-то? – Реслав тем не менее почувствовал себя уязвлённым. Вдобавок собственная одежда после ночёвки в сене показалась ему мятой и пыльной до безобразия. Стянув свитку через голову, он остался в одних портках и подвинул к себе ведро.

– И то верно, – согласился Жуга и огляделся. – Какая крыша-то? Эта, что ли?

– А? – Реслав покосился на хату Довбуша. Кровля и впрямь была хуже некуда. Рядом под навесом лежала большая копна свежей соломы на перестилку. – Может, и она... Фс-с!..

Вода оказалась уж очень холодной. На миг у Реслава захватило дух, но вскоре он вошёл во вкус, вымылся с головой и лишь после этого напялил свитку, предварительно её встряхнув.

В воздухе облачком за клубилась пыль, бродившие по двору куры в панике бросились врассыпную.

Жуга, отставив ногу и задравши голову, рассматривал из-под ладони крышу хаты. На его груди, на волосяной верёвочке висел крестик из прозрачного жёлтого камня, похожий на букву «Т» с ушком на верхушке. Реслав видел такой впервые, но камень признал сразу – электрон². Он приблизился и вновь не удержался – покосился на шрам. Словно почувствовав, Жуга обернулся, перехватил его взгляд.

– Кто это тебя так? – неловко спросил Реслав. – Звери?

– Люди, – угрюмо буркнул травник и, подумав, добавил непонятно: – И земля.

– А-а... – протянул Реслав.

– Эй, работнички! – послышалось за воротами. Оба обернулись.

Довбуш на телеге, влекомой серой в яблоках лошадью, привёз новый ворох соломы, остановил колымагу посреди двора, скомандовал:

– Сгружайте, я сейчас! – и направился в дом.

«Ганка! Хэй, Ганка!» – послышалось затем. «Оу!» – отозвался звонкий девичий голосок. «Еды работникам дашь, нет?» – «Несу!»

Реслав сбросил под навес очередную охапку, поднял руку утереть пот, да так и замер.

– Эй, ты чего... – начал было Жуга и тоже смолк.

Перед ними с глиняной миской в руках стояла Ганна.

Стройная, загорелая, с лентой в волосах, в простой домотканой юбке и вышитой рубашке, она была необыкновенно, чудо как хороша! Чёрная коса, небрежно переброшенная через плечо, юная грудь, так и распирающая рубашку, алые губы, а глаза... Казалось, в ней было всё очарование юности в тот момент, когда в девочке просыпается женщина, и чувствовалось: ещё год-полтора – и не будет краше её никого во всей округе. Реслав почувствовал, как бьётся сердце, и подумал, что ещё миг – и он утонет в этих больших, широко раскрытых, васильково-синих...

– Ну, что уставились? – рассмеялась та, поставила миску наземь, снова сбегала в дом и вернулась с ложками, краюхой хлеба и большим арбузом. – Ешьте, работяги! – сверкнула белозубой улыбкой и исчезла окончательно.

– Дочь его? – спросил Жуга, глядя ей вслед.

– Н-да... – вздохнул Реслав. – «Хороша Маша, да не наша...» Слыхал я про Довбушеву дочку, но такой красоты увидеть не чаял!

– А что так? Что она?

– Да Балаж вроде как к ней посвататься хочет по осени. Слыхал я краем уха, что и он ей люб. Вот...

– Да... – Жуга кивнул, улыбнулся невесело. – А хороша!

– Истинный бог, хороша! – согласился Реслав.

В миске оказалось густое крошево из овощей, яиц и лука, щедро сдобренное солью и сметаной и залитое холодным квасом. Приятели быстро очистили её, умяли хлеб и разрезали арбуз. Тот оказался красным и сладким. Реслав довольно крякнул – Довбуш оказался щедрым на харчи. Жуга тем временем позвал хозяина.

– Закончили трапезничать? – осведомился тот.

– Воды горячей не найдётся ли? – спросил Жуга.

– А сколь тебе?

– Кружку... нет, две.

Довбуш скрылся в избе, вернулся с дымящей кринкой.

– На. Да не мешкайте – солнце уж высоко.

² Электрон – янтарь (греч.).

– Уж постаремся, – заверил его Реслав и поволок с сеновала лестницу.

Жуга развязал свой мешок, разложил на доске связки сухих трав и кореньев. Заинтересованный Реслав подошёл. Тут были полынь, тысячелистник, веточки можжевельника с ягодами, костенец, остролодочник, борец... Чуть в стороне лежали пижма, бедренец-камнеломка, карагана, кора с дерева и ещё много трав и корешков, названия которых Реслав не знал. Жуга налил кипятку в миску, бросил трав, положил чистую тряпицу. В крынке тоже заварил что-то тёмно-коричневое, с колючим мятным запахом. Настой из крынки выпил, а тряпкой, завернув штанину, повязал колено. На всё про всё ушло минут десять, после чего травы снова скрылись в мешке.

– Ну, пошли, что ли.

Реслав приставил лестницу и полез на крышу.

* * *

За день сделали четверть всей работы. Крыли в два слоя. Реслав скидывал старую солому, киянкой подколачивал где надо стропила, укладывал новые вязки – тугие, золотистые, пахнущие терпкими летними травами. Босоногий рыжий Жуга суеился внизу, подгребая солому, увязывая её в пучки и споро подавая наверх. Отсюда, с крыши, его хромота была особенно заметна.

Вечером, отужинав кашей с маслом и молоком, сдали работу хозяину и полезли спать на сеновал.

Так прошло два дня. Работа двигалась помаленьку. Жуга каждое утро и вечер запаривал свои травы. Легконогая Ганка появлялась то тут, то там, поспевая по хозяйству, и исчезала по вечерам: то и дело у ворот мелькал Балаж. Реслав часто глядел ей вслед, вздыхал; Ганка смеялась, ловя его взгляды, подшучивала над неуклюжестью Реслава, над шевелюрой Жуги. Как вскоре узнали друзья, Довбуш был вдовцом, и дочка вела хозяйство – кормила кур и скотину, смотрела за домом, готовила еду. Реслав предложил было прогуляться в корчму – попить пивка, послушать поселян, но Жуга отказался, и он тоже не пошёл. Был Жуга молчалив и мрачен и лишь по вечерам долго лежал с открытыми глазами и грустно улыбался.

Третий день выдался таким же погожим и ясным, как и прежние. С утра пораньше взялись за крышу, а к полудню в гости наведился сосед – долговязый усатый Янош-закорючка, местный сплетник.

– Здорово, Довбуш! – с порога начал он. – Новости слыхал?

– А что?

– Пёс у Юраша сдох.

– Ну, сдох и сдох, мне-то что? – беспечно бросил Довбуш и вдруг насторожился. – Погоди-ка, погоди... У какого Юраша? С околицы?

– У него, у него, – закивал Янош, присел на лавочку, вынул трубку и закурил. – Совсем ещё молодой пёс был – двух лет не исполнилось.

Заинтригованный, Жуга отложил недовязанную охапку соломы и прислушался. Янош покосился на него, понизил голос.

– Отравили, может? – предположил Довбуш. – Злодий какой повадился?

– Может, и отравили, – согласился Янош. – А может, и нет. А скажи-ка ты мне, друг Довбуш, работнички твои не озоруют? А то, гляди, мало ли что...

– Бог с тобой! – Довбуш оглянулся на Жугу с Реславом. – Добрые хлопцы и работают споро... Не они это.

– Как знаешь. А только сказывают, не травил пса никто. Слышал, как выл он последние ночи? Леший балуется, люди говорят, как есть лешак! Не они ли накликали?

– Ты, эта... думай, что говоришь! – Довбуш перекрестился. – Тьфу на тебя. Не зря тебя, Янош, закорючкой прозвали. Как черед – уцепишься, не выдернешь. Ну, сдох пёс, эка невидаль! А ты сразу – леший...

– Ну сам посуди – все повадки его! Собаки с цепей рвутся, молоко киснет у коров. Крынки на заборах кто-то бьёт, стреху дерёт, грядки топчет...

Теперь уже и Реслав перестал работать. Заметив это, Янош засуетился, поспешил сменить тему и вскоре, сославшись на дела, ушёл.

– Н-да, – заметил Реслав, – неладное творится. Что скажешь, Жуга?

– Не знаю, – нахмурился тот, поскрёб босую пятку. – Что до собаки, так ведь и вправду была. А только... Только не было *Хозяина* в деревне.

– А ты почём знаешь?

– Знаю – и всё, – отрезал он. – Не *Хозяин* то был.

– А кто ж?

Жуга промолчал, скрутил очередную связку, забросил на крышу.

– Не к добру всё это, – пробормотал он. – Не к добру.

Неожиданная мысль пришла Реславу в голову.

– Жуга! – окликнул он. – Слышь, Жуга, а отчего тебе не сделать так, чтобы вязки наверх... ну, это... чтобы сами летали, а?

– Тебе надо, ты и пробуй.

– Да ты не обижайся! Я ж сурьёзно. Сложный наговор, боюсь, не рассчитаю.

Теперь уже Жуга заинтересовался. Свернув новую связку, он положил её на землю и отошёл в сторонку. Похромал вокруг, нахмурившись, вытянул руки и пошевелил пальцами.

– *Велото-велото*, – начал он, – *энто-распа!*

Вязанка пошевелилась слабо, будто в ней кто сидел – хомяк, там, или крыса, но с места не двинулась. Реслав с любопытством наблюдал сверху за его действиями.

– Не то... – пробормотал Жуга, походил вокруг и снова произнёс что-то не менее зако-выристое.

Реслав почувствовал, как в воздухе разлилось напряжение, но вязанке, видимо, и этого было мало.

– Тут, ежели по-синему брать... – начал было Реслав, но Жуга отмахнулся: «Погоди!»

– *Виттеро-авата-энто-распа!* – выкрикнул он.

Вязанка зашевелилась и вдруг вспыхнула с торцов яркими язычками пламени, занялась и запылала. Жуга ахнул и принялся затапывать огонь. Реслав кубарем скатился с лестницы, метнулся до колодца, подоспел с ведром воды, после чего совместными усилиями вязанку потушили.

– Ф-фу, – облегчённо вздохнул Реслав. – Переборщили малость.

– Да, сплеховал я, – признал Жуга, – зелёный не надо было брать.

– Травник ты, Жуга, – с неодобрением заметил Реслав. – И наговоры у тебя чудные. Маг Тотлис меня как учил – семь трав есть, силой наделённых, остальные стихии в камнях ищи – минералах да металлах разных... Электрон, вон, смотрю, сам носишь, а заговоры не по науке строишь.

– Не обучен я наукам, – буркнул Жуга. – А что до трав, то каждый корешок свою силу имеет. Ты, эвон, смотрю, каждый наговор по пальцам считаешь, словно овец: то – туда, это – сюда... А я так не могу. Что в голову приходит, то и говорю.

– Нешто наугад? – поразился Реслав. – Как так?

– Всяко бывает. – Жуга покосился на вязанку. – Не знаю как. Чую иногда, аж до дрожи – верные слова, вот и получается. А ты, школяр, что ж сам сказать не мог?

Реслав вздохнул:

– Не обучен я такие длинные вирши составлять. Не успел.

– Я тоже хотел в обучение пойти, – задумчиво произнёс Жуга, – да вот, на тебя посмотревши, что-то раздумал. Так ли уж умён был маг твой? Семь трав – скажешь тоже... А этот ещё... что за эл... элрон такой?

– Электрон? Да камень жёлтый, морской. Крестик у тебя из него сделан, иль не знал? Эллинское слово.

Жуга нахмурился:

– Про крест не ведаю: сколько себя помню, всегда он при мне. Может, и впрямь электрон. Ну, хватит языки чесать. Лезь давай наверх – может, закончим сегодня.

– Дай-то Бог...

* * *

Реслав работал на крыше и потому первым заметил неладное: от деревни к выселкам Довбуша направлялась толпа человек в двадцать, одни мужики. Шли быстро, возбуждённо жестикулируя и размахивая руками. Возглавлял шествие вездесущий Янош.

Жуга тоже их заприметил.

– Плохо дело, – отметил он. – Уж не по наши ли души идут?

Реслав промолчал от греха подальше, лишь свернул аккуратно свитку и положил в сторонку.

В ворота застучали.

– Довбуш! Открывай, Довбуш! – крикнули оттуда. – Беда!

Довбуш поспешно откинул засов, и толпа ворвалась во двор. Первым вбежал Балаж, сразу за ним другой старый знакомый – Влашек.

– Вон они! – крикнул он, увидев Жугу с Реславом.

– Что? Что стряслось? – метался Довбуш меж пришедших.

– Ганка пропала, Довбуш! – выкрикнул Балаж. – Сгинула прямо у меня на глазах, как вихорь унёс, вот те крест!

Жуга вздрогнул, вскинул голову. Желваки на его лице задвигались.

Довбуш отшатнулся, побелел, схватил Балажа за рубашку.

– Да ты в уме ли?! – вскричал он. – Видано ль такое? Ты пьян, должно быть! Где Ганна?

– Он-то, может, и пьяный, – вмешался Янош, – да только вот у Григораша мать не пьёт! Рядом была, всё видела – правду Балаж говорит, ведовство это! Где... а, вон они стоят!

Взгляды толпы остановились на двух работниках. Воцарилась тишина.

– Ваших рук дело? – выкрикнул Влашек. – Сказывайте, куда Ганну девали?

– Ты погоди кричать-то! – ответил за обоих Реслав. – Объясни сперва толком, что случилось! Как так пропала? Когда?

Толпа зашевелилась, загомонила: «Да они это!», «А ну, как нет?», «Вяжи, братва, после разберёмся!»

– Будут бить, – тихо сказал Жуга, придвинувшись в Реславу. В руках его был посох.

– Думаешь? – покосился на него Реслав, нахмурился. – Может, не будем драться? Сами пойдём?

– Всё равно будут бить. Это не люди. Стадо... Сейчас начнётся. Бей без ножа.

Толпа, угрожающе притихнув, надвинулась с двух сторон. Друзья оказались стоящими спиной к спине. Жуга перехватил поудобнее посох. Реслав сжал кулаки.

– Хромого – мне! – крикнул Влашек и первым ринулся в драку. Остальные устремились следом. Говорить с ними было поздно.

Жуга отступил в сторону, взмахнул посохом. Кто-то взвыл от боли, схватился за ушибленную руку. Реслав сперва бил вполсилы, затем разошёлся. Напиравший больше всех Влашек схлопотал пару-тройку ударов по голове, свалился, за ним последовали ещё трое, потом селяне

навалились скопом, сбили с ног. Реслав и на земле отбивался, словно медведь. Жуга, весь изодраный, исцарапанный, продержался чуть дольше – его никак не удавалось схватить. Слышалось пыхтение, мелькали руки, ноги, колья из плетня. «Верёвку, верёвку давай!» – кричал кто-то. «У, вертлявый, чёрт рыжий!», «По ногам бей, по ногам!», «Кусается, с-сука!»

Через несколько минут всё было кончено – связанных по рукам и ногам пленников притащили в деревню и бросили в сарай возле дома Балажа.

– Посидите пока тут, – презрительно бросил Влашек. – Если Ганну не отыщем, пеняйте на себя, чудодеи говённые! А вздумаете озоровать ещё – прибьём, ясно?

Примерившись, он отвесил Жуге пинок под рёбра и вышел, хлопнув дверью. Лязгнул засов.

Реслав с трудом перевернулся на спину, извиваясь, как червяк, пополз к стене. Сел, пошевелил связанными за спиной руками – крепко... Сплюнул, пощупал языком шатающийся зуб.

– От сволочи, – пробормотал он. – Словно и впрямь не люди... Жуга! Ты как там? Эй, Жуга!

Жуга молчал. Реслав забеспокоился было, уж не насмерть ли забили приятеля, но тут в темноте раздался тихий шелестящий смех.

– Пошто смеёшься?

– Вот и спрашивай теперь... про старые рубцы, – послышалось из угла. Присмотревшись, Реслав разглядел в сумраке нескладный силуэт. Извиваясь немыслимым образом, Жуга ухитрился встать и пропрыгал к Реславу. Упал рядом, придвинулся спина к спине.

– Попробуй мне руки развязать.

– Может, наговор какой? – неуверенно предложил Реслав. – Само развяжется?

– Не хватало, чтоб ещё верёвка загорелась... Ну, как?

Реслав некоторое время на ощупь пытался развязать ему руки, пыхтел. Ругнулся, сломав ноготь.

– Не... Крепко связали.

– Ч-чёрт... – Жуга повёл плечами. – Без рук ничего не могу. Ты-то цел?

– Вроде... – Реслав прислушался к своим ощущениям. – А как твоя нога?

– Как всегда, – буркнул травник.

– Слышь, Жуга, – позвал Реслав. – Как ты думаешь, куда Ганка подевалась?

Жуга промолчал.

* * *

Стемнело.

В томительном молчании тянулись ночные часы. Свитка Реслава осталась у Довбуша на дворе, и его нещадно ели комары. Жуга был в рубахе, но и он то и дело кривил губы, сдувая назойливых кровососов. Руки и ноги у обоих затекли. Хотелось пить.

– Как думаешь, Жуга, что с нами сделают? – наконец нарушил молчание Реслав.

– Коли Ганку не отыщут, то прибьют, наверное, – нехотя отозвался травник. – А с судом ли, без – всё едино.

– А ежели отыщут?

– И тогда хорошего не жди.

– Да... – Реслав помолчал. – Знать бы, что на деле случилось! Может, спросить... Кто там, на страже? – Он подполз к дверям, несколько раз ударил пятками в доски. – Эй, караульный!

Послышались шаги, скрипнул засов.

– Чего тебе?

Реслав крякнул досадливо:

– Влашек!

– Выйти надо, – буркнул он. – По нужде.

– Лей под себя, погань, – процедил караульщик сквозь зубы и захлопнул дверь. Шаги смолкли.

– У, морда! – Реслав сплюнул, подвинулся к стене. – Этот расскажет, жди-дожидайся... Эх, угораздило!

Некоторое время оба молчали. Реслав привстал, попробовал дверь плечом на прочность – устояла. За стенками сарая назойливо трещали цикады – ночь выдалась тёплая и светлая. В маленькое окошко под потолком виднелся клочок звёздного неба.

– Полнолуние сегодня, – словно услышав мысли Реслава, сказал Жуга. – Для нечисти самое раздолье.

– Так ты думаешь, Ганка... – начал было Реслав и смолк.

– Ведьма? Ты это хотел сказать? Нет. Наоборот, пожалуй...

– Это как? – опешил Реслав. – Это ты о чём?

– Ни о чём. Ей ведовство вообще не дается.

– Откуда знаешь?

– Оттуда.

Опять воцарилось молчание.

– Жуга, – позвал Реслав. Ответа не было. – Жуга!

– Чего тебе?

– За что они нас так? Мы же ничего плохого не сделали. Неужто ворожба – такой грех? Жуга засопел сердито, заёрзал.

– Может, и грех, – наконец сказал он. – Хрен его знает.

– А я так думаю, – продолжил Реслав, – ежели дано умение, значит, так и надо и винить тут некого. Разве что из зависти.

– Когда-то и я так думал, – пробормотал Жуга. – Умение! Эх сказал... Попробуй разберись, награда это или наказание. Нам самим не понять, а остальным – и подавно... Спроси вон у Влашека – он тебе растолкует, что к чему. Эх, руки связаны!

– Жуга.

– Ну?

– Расскажи о себе.

Жуга блеснул белками глаз, опустил голову.

– Зачем?

– Сдаётся мне, ты что-то знаешь про Ганну, да и вообще. Откуда ты? Чего ищешь? Почему с гор ушёл? Может, навредил кому?

– Вреда не чинил, – криво усмехнулся Жуга, – да только люди сами на тебя грех повесят, дай только повод. Дед Вазах всё понимал. Много знал старик, ох, много...

Жуга говорил медленно, нехотя, словно пересиливая боль, часто сглатывал сухим ртом, умолкал на полуслове, глядя в темноту. Реслав слушал, затаив дыхание.

Жуга и вправду был подкидышем. Старик Вазах – деревенский знахарь – взял его к себе. Маленькая деревушка высоко в горах, козы да овцы – вот и вся жизнь у горца. Жуга рос, не похожий на других детей – длинный, рыжий, молчаливый. Был он сметлив не по годам и знахарскую премудрость усваивал быстро и с охотой, а со временем пришло к нему и умение. Да и Вазах заметил в приёмыше силу: и наговоры его были крепче, и дело ладилось лучше. Сам всё творил, по чутью. Как подрос, пошёл в пастухи, отличился и тут. У других – то овца пропадёт, то волк повадится, то болезнь какая стадо косит, у Жуги словно бережёт кто. А своим так и не стал среди валашских поселян – уважали, но побаивались: не он ли, мол, на соседские стада порчу наводит?

Была в том селе одна девушка – дочь деревенского головы. Всем взяла – и красой, и умом, и уменьем, да замуж всё не спешила. Парни из соседних селений свататься приходили, да всё без толку.

– Ну а ты? – спросил Реслав, когда Жуга умолк.

– А что я? – горько усмехнулся тот. – Они все на приданое зарились да на хозяйство. А я... Любил я её, понимаешь? Любил я Мару!

– А она?

– Бог её знает... Встречались, верно. А только глупо всё. За меня, сироту, только рябая пойдёт. Кто я такой? Пастух, приёмыш, травник-недоучка... дурак рыжий... Отец её не позволил бы.

Реслав вдруг почувствовал, как что-то тревожное, непонятное ширится и растёт в груди. Страх! – внезапно понял он. Зачем спустился в долину паренёк с глазами старика?

– С ней что-то случилось? – словно по наитию спросил он.

Жуга вскинул голову: «Откуда знаешь?!» – и поник: «А, не всё ли равно...»

В тот вечер Жуга встретился с Марой в последний раз. Они расстались перед тем, как стемнело. Больше её никто не видел, лишь слышали за околицей крик, да полуслепая бабка Ляниха божилась, что «вихорь девку унёс». Искали – не нашли.

– А ты, стало быть, на поиски ушёл? – предположил Реслав.

– Я? Не совсем, – замылся Жуга. – Тогда, в горах всё так же было: людей ведь долго поднимать не надо, кликни только – налетят. И крайнего найдут, и судилище учинят... На меня поклёп и навели. Вазах заступился было, а не пощадили и его. Много ли старику надо? Крепко били, в полную силу – со страху, всем миром навалились, с камнями, с дубьём.

– А потом?

– Потом? – с усилием переспросил Жуга. – В лесу я прятался. Сдох бы, наверное, с голоду, да повезло – родник был близко да лабаз я нашёл беличий: орехи там, грибы... Как раны подживать стали, я в деревню ночью пробрался. Дом стариковский растащили, унесли, кто что мог, только травы не тронули – я собрал да посох взял...

У дверей внезапно послышались тихие шаги. Заскрипел засов, дверь приоткрылась, и голос позвал: «Жуга! Реслав! Вы здесь?» Реслав сердито засопел – будто они могли быть где-нибудь ещё!

– Кого там принесло? – буркнул он.

– Это я, Балаж... Где вы тут?

Дверь открылась шире, в проёме показалась понурая фигура. Разглядев пленников, Балаж опустил наземь рядом с ними, обхватил голову руками и замер.

– Чего пришёл? – спросил Реслав. – Или нашли Ганну?

– Нет... – Балаж всхлипнул. Голос его дрожал. – Я Влашека домой услад, сказал – сам постерегу... Что мне делать теперь, а? Что?

Реслав не знал, что сказать.

– Что ж ты... – в сердцах бросил он. – Сам кашу заварил, а теперь к нам... Тьфу, пропасть.

– Не я это! Янош, старый чёрт... Как в тумане всё. Ганна! Ганночка моя! – Он рванулся вперёд, схватил Реслава за плечи, затряс. – Помоги, Реслав! Жуга! Меня Довбуш послал к вам, говорит, не виноватые вы! Что с Ганной? Где она?!

– Да не ори ты так! – поморщился Реслав.

Неожиданно подал голос Жуга:

– Селяне спят?

– По домам все...

– Проведи нас к Довбушу.

Балаж кивнул, вынул нож и перерезал верёвки.

* * *

В хате у Довбуша царил полумрак, лишь горела, потрескивая, свеча в глиняном подсвечнике да теплилась у икон лампада. Тёмные лики святых еле виднелись сквозь слой копоти. Тускло поблёскивал золочёный оклад.

Довбуш осунулся и словно сразу постарел лет на десять. Усы его обвисли. Грузный, хмурый, небритый, он сидел за столом не шевелясь и лишь поднял взор, когда скрипнула дверь. На столе перед ним стояли большая глиняная бутылка и кружка.

Реслав сел, растирая вспухшие багровые запястья. В драке ему основательно расквасили нос, его усы и борода запеклись коркой засохшей крови. Заприметив в углу висящий на цепочке медный рукомойник, он оглянулся на Довбуша – тот кивнул, – встал и принялся отмываться. Отпил воды прямо из носика, крякнул.

Жуга обошёл горницу, пощёлкал пальцами, остановился у икон. Обернулся.

– Кто заходил в хату? – резко спросил он.

Довбуш посмотрел удивлённо.

– Никто... – и покосился на Балажа. – Только он вот.

Он встал, снял с полки ещё три кружки, разлил из бутылки густое тёмное пиво, буркнул: «Пейте!» – и снова сел. Жуга и Реслав жадно осушили кружки, Балаж лишь пригубил и оставил пиво в сторону.

– Ну, вот что, – начал Довбуш. – Верю, вы тут ни при чём. Сказывайте сразу, можно Ганну сыскать?

Реслав посмотрел на Жугу, Жуга – на Балажа.

– Рассказывай по порядку, – потребовал Жуга.

Балаж нервно хрустнул пальцами, начал:

– Да почти нечего рассказывать. Ну, гуляли мы за околицей, как обычно, потом домой она пошла. Я и не провожал: идти-то два шага! Я вслед глядел. Тут вижу: ровно рябью воздух подёрнулся, поплыло всё, да страшно так, непонятно!.. Она остановилась, назад шагнула... Пыль да листья закружило, словно ветром, я сморгнул, рукой прикрылся, а продрал глаза – нет её. Нет – и всё. А тут и Григораша мать заохала, запричитала – на крыльцо вышла крынку вымыть, да крынку-то и грохнула. «Балаж, – кричит, – это что ж такое творится, господи боже!» Я туда, я сюда – нет Ганки! Я к Влашеку, а потом уже и Янош прибежал.

Жуга нахмурился, побарабанил пальцами по столу.

– Где это случилось? – спросил он.

Балаж вытянул руку:

– Там...

– А где Юраш живёт, у которого пёс издох? В той же стороне?

Балаж побледнел, кивнул.

Жуга встал, ещё раз осмотрелся. Глаза его возбуждённо блеснули. Он вскинул руки, сплёл пальцы в хитрый узел, нахмурил лоб.

– *Авохато!* – вдруг воскликнул он. – *Эванна-эвахор!*

Пол хаты вспыхнул, замерцал голубыми сполохами. Балаж вскрикнул испуганно, влез с ногами на лавку. Довбуш разинул рот, перекрестился дрожащей рукой.

– Не двигайтесь! – крикнул Жуга, не расплетая пальцев. – Реслав, соль! Скорее!

Теперь стало видно множество пятен на глинобитном полу, больших и малых, светящихся, как гнилушки в лесу. Реслав метнулся к столу, схватил берестяную солонку, глянул вопросительно. «Бросай!» – Жуга мотнул головой. Реслав швырнул солонку наземь. Мелкого помола соль взметнулась в воздух, растеклась тонким облачком, осела. Жуга разжал пальцы. Призрачное сияние погасло. Стало тихо, лишь под потолком зудели комары.

– Свят, свят... – Довбуш перевёл дух, нащупал кружку, сделал несколько глотков. Балажа трясло.

Жуга взял со стола свечу, осторожно ступая, обошёл хату, внимательно глядя в пол. Остановился, опустился на колени.

– Вот они! – сдавленно воскликнул он. Свеча жёлтым светом озаряла его лицо и руки. – Идите сюда, только осторожно.

Реслав, Довбуш и Балаж сгрудились у стены, где соль тонким слоем припорошила цепочку узких следов. Чьи-то ноги, обутые в мягкие востроносые башмаки, прошли от входа к печке, затем дальше, к образам, и обратно к порогу. Реслав глянул в красный угол и похолодел: иконы были перевёрнуты.

Все четверо переглянулись.

– Кто это был? – спросил Реслав.

Жуга покачал головой.

– Не знаю, – угрюмо сказал он. – Наверное, человек: *стригой*³ или *Хозяин* башмаков не носят. Кто и откуда, не ведаю. Следы свежие. Вишь, как соль густо легла...

– Н-да...

– Гм!

– Жуга! – окликнул Довбуш. – Это он? Он Ганну уволок?

Жуга кивнул, грустно посмотрел ему в глаза.

– Мне жаль, Довбуш, – сказал он, – но я сейчас ничем не могу тебе помочь. Прости.

Довбуш пошатнулся, опёрся о стол. Обвёл всех беспомощным взглядом серых глаз. Гулко сглотнул.

– Но... она жива? – выдавил он.

Жуга пожал плечами:

– Кто знает!

– Где она? Что с ней?! – подскочил к нему Балаж. – Говори!

Жуга повёл плечом, стряхнул с плеча его руку.

– Больно мало я знаю, Балаж, чтобы помочь... Может быть, это тот, кого и я... ищу.

– Мара... – начал было Реслав, но перехватил испепеляющий взгляд Жуги и поспешно умолк.

Довбуш поднял седую голову. По щекам его текли слёзы.

– Что ж это? – прошептал он дрожащими губами. – Средь бела дня... – Он протянул широкую мозолистую ладонь, взял Жугу за рукав. Рыжий не пошевелился. – Жуга... Реслав... Хлопцы, помогите! Я старый дурак, но я многое повидал, я знаю, вы можете... Денег не пожалею, всё отдам! Помогите! Возверните её, хлопцы... хлопцы...

Он спрятал лицо в ладонях.

Реслав стоял, глядя то на Жугу, то на Довбуша. Перед ними сидел старый, убитый горем вдовец, у которого только и была отрада, что дочь-красавица, и вот теперь отняли и её. Перед его взором вдруг возникла Ганка как живая – весёлое лицо, задорная улыбка, глаза... Господи, глаза... И голос: «А что, Реславка, не упадёшь ли, коль побежишь в своей хламиде?»

И смех – звонкий, залиvistый...

Жуга, мрачный, взъерошенный, молчал, глядя в сторону. В свете свечи виднелись шрамы, свежие ссадины, большой синяк под глазом. Рубашка висела на нём клочьями, кое-где запеклась бурыми пятнами кровь. Был он побитый, оборванный, хромым, но Реславу не хотелось бы сейчас оказаться у него на пути – такая была в нём злость, такая сила его вела, мрачная, тёмная... «Кто же он?» – в который раз спросил себя Реслав.

– Довбуш, – тихо позвал Жуга. Старик поднял голову. – Для этого нам надо уйти.

³ Стригой – в Прикарпатье – домовый. Хозяином же именовали иногда медведя, иногда – лешего (*молд.*).

– Куда?

– Не знаю... Впрочем... – Он встрепнулся, обернулся к Реславу. – Что там, на западе?

– Город, – ответил тот, – Марген. А что?

– Марген... – повторил Жуга. Нахмурился, взъерошил ладонью и без того растрёпанные волосы. – Стало быть, пока пойдём в Марген. А там видно будет. Пойдёшь, Реслав?

Тот кивнул.

Балаж растерянно переводил взгляд с одного на другого. Вскочил.

– Нет, погодите! Довбуш, они же уйти хотят! Уйти! Пускай... пускай Реслав останется!

Или Жуга...

Довбуш нахмурился, потрепал ус, покачал головой:

– Не прав ты, сынок. Пусть идут.

– Тогда... я тоже с ними пойду! Эй, слышите?

Реслав посмотрел на Жугу. Тот пожал плечами:

– Пускай идёт. Правда, помочь ты нам не сможешь ничем. Останься лучше.

– Нет!

– Как знаешь. Тогда собирайся – надо уйти до рассвета, пока деревня спит. Что селянам скажешь, Довбуш?

– Ничего, – понуро произнёс тот. – Шелег вот вернётся из Ветелиц, он меня поймёт. Остальные – вряд ли. Ступайте, хлопцы. С Богом.

Через полчаса поспешных сборов все трое уже шли по дороге прочь от деревни. Свитку Реслава спёрли, Довбуш дал ему свою рубашку и Жуге тоже, взамен изодранной. Котомка и башмаки травника отыскились на сеновале, а вот посох поломали в драке. В дорогу взяли хлеба, сыру, шмат солёного сала, луку да огурцов с Довбушева огорода. Дал Довбуш и денег – менок тридцать на брата – и долго стоял у ворот, глядя им вслед.

Шагов через сорок-пятьдесят миновали погост. В свете полной луны резко чернели старые, покосившиеся кресты. Балаж торопливо и мелко перекрестился, ускорил шаги.

– Не беги: не поспеваю, – мрачно усмехнулся Жуга. – Да ты никак забоялся?

– Я ничего не боюсь... на этом свете, – набычился Балаж. – А что до мёртвых да ваших колдовских дел – тут и впрямь боязно...

– Привыкай.

Жуга шагнул к ограде, выдернул дрын, прикинул на руке и забросил в кусты – тяжёл. Потянул другой, кивнул довольным, наступил ногой и выломал посох.

– Ну, пошли, что ль, – сказал он и зашагал вдоль по дороге.

Реслав оглянулся напоследок на деревню. Была она темна, лишь в крайней избе у Довбуша светился огонёк. На околице звонко запел петух, сразу за ним другой. Близилось утро. Реслав поправил мешок за плечами и ускорил шаг, догоняя спутников и не задаваясь вопросом, что ждёт их впереди.

Всё равно ответа он не знал.

* * *

Вечер застал троих путников у большой дубовой рощи. Село осталось далеко позади. Весь день дорога вела их вдоль зелёных лугов, бежала кромкой леса, вилась хитрыми петлями меж невысоких холмов, а когда над головой раскинулись могучие кроны вековых деревьев, Реслав остановился.

– Ну, довольно пыль глотать, – объявил он, скидывая котомку. – Тут я уже был однажды – место доброе, да и родник рядом. Здесь и заночуем.

Спорить с ним никто не стал. Облюбовали одно дерево, расположились подле. В небольшом распадке за кустами журчала вода.

Балаж опустился на траву, прислонившись спиной к шершавой тёплой коре, скинул башмаки и с наслаждением подставил босые ноги вечернему ветерку. Огляделся окрест. Реслав ушёл. Жуга уселся рядом, устроив поудобнее больную ногу, засучил порточину, ощупывал колено. Морщился.

– Откуда шрамы эти? – с ленивым любопытством спросил Балаж.

Жуга вскинул голову.

– И это спрашиваешь ты? – поразился он. – ТЫ?!

Балаж открыл было рот, чтобы ответить, да вспомнил, как всей толпой били двоих чудодеев, и промолчал, лишь покраснел, как редиска. Жуга сплюнул, развязал мешок, вытащил помятый котелок и отправился в ложбину за водой. Балаж остался один.

Было тихо. Нагретая земля дышала теплом. Высоко над головой шелестели листья. Дуб, под которым они устроились, был столетним исполином в несколько обхватов. Старую кору избороздили дупла и трещины; мощные узловатые сучья уходили, казалось, в самое небо. Крона желтела спелыми желудями. Балаж лежал, глядя вверх, и грустные думы его постепенно уходили, словно некое умиротворение было здесь разлито в воздухе, стекало вниз по могучему стволу и расходилось окрест. Балаж задремал и не сразу заметил, как подошёл Реслав.

– Зачаровало? – спросил он так неожиданно, что Балаж вздрогнул. Сбросив хворост, Реслав отряхнул рубаху и покосился наверх. – И то сказать, дивное место. Заповедное... Слышишь – птицы не поют? То-то! – Он улыбнулся по-доброму. – Ну, подымайся. Кажись, кресало у тебя в мешке?

Балажу стало неловко, что он разнежился, в то время как двое друзей обустроивали ночлег; он встал и принялся помогать.

Развернули одеяла. Чуть в стороне Реслав потоптался, потянул за траву, и толстый пласт дернины отвалился в сторону, обнажив полузасыпанное кострище. Валежник сложили туда, надёргали из-под корней сухого мха. Жуга не появлялся.

– Слышь, Реслав, – позвал Балаж. – Вот мы с тобой идём сейчас, куда Жуга скажет, а кто он такой? Откуда взялся? Почему ты его слушаешь? Зачем он мне и Довбушу помочь решил?

Реслав помолчал, сломал сухую ветку. Почесал ею в затылке.

– Не трогай ты его, Балаж, – наконец сказал он. – Чужая душа – потёмки, а что я знаю о нём, то пусть при мне и останется. Время покажет, кто чего стоит. Я и сам его только на днях повстречал, недели не прошло. Станный он человек, не смотри, что молодой – жизнью он ломанный, это верно говорю. И сила в ём даже для меня чудная, непонятная. Наговоры, и те по-разному творим... Да где огниво-то твоё?

Балаж с головой залез в мешок, перебирая припасы, ругнулся.

– Никак не найду, – пропыхтел он.

– Э, захоронил! – укоризненно бросил Реслав. – Дай я.

– А вот, когда чудеса творятся, как это у вас выходит? – вернулся к прежнему разговору Балаж.

– Чудеса-то? – хмыкнул Реслав. – Да тут вроде просто. Слова надо верные сказать, ну, вроде как имя угадать. Наговор составишь, а после цвет измыслить надо подходящий. Ежели особенно трудное дело, то сразу два цвета или три.

– Да как угадать-то?

– Помнить надо, думать, просчитать... Жуга вон – у него это само собою выходит, и не поймёшь даже как. А я порой не могу всё вместе подобрать, а порой – сил не хватает.

– Сил? – опешил Балаж.

– Ну да! Человек, он... ну, как кувшин с водой. Когда наполнится, когда прольётся. Чудеса сами не выскочат, не грибы, чай, в человеке начало берут. Потому и руки тут важны – сила через пальцы течёт. Видал, как Жуга пальцы складывал давеча? Большие силы сдерживал

– по кругу они ходили, из руки в руку. Малую толику только выпустил, а ежели бы все вырвались, не знаю, что и было б. Жуга – это, друг мой, умелец! Да... Да куда ж ты запихал-то его?!

Потеряв терпение, Реслав схватил мешок за углы и вытряхнул содержимое на одеяло. Поворошил, поскрёб в затылке.

– Неужто забыли? – пробормотал он, потянул к себе свою котомку, вывернул и её тоже. – Твою мать... И впрямь – нету.

– Может, Жуга взял?

– Может быть. – Реслав покосился на полураскрытую третью котомку. – Не хочется без спросу соваться... А, ладно, авось не осерчает.

Осторожно выложив лежавшие сверху связки трав и корней, Реслав выгреб содержимое травникова мешка. Глазам их предстала россыпь странных предметов: замысловатые деревянные закорючки, горстка разноцветных камушков, кожаный ремешок, завязанный затейливыми узелками, кроличья лапка, знакомый уже нож, кое-какая провизия, клубок смолёной дратвы с шилом, камышовая пастушеская свирель и браслет тускло-зелёного металла, без разъёма, увешанный по ободу маленькими непонятными мисюрками. Огнива не было.

Балаж потрогал лапку, отложил в сторону краюху хлеба, потянул руку к браслету. Отдёрнул, словно уколовшись, удивлённо посмотрел на Реслава. Реслав нахмурился, поднял браслет.

Он был овальным, размером как раз чтобы прошла кисть руки. Держать его было занятно и немного боязно – кончики пальцев ощутимо покалывало, казалось, что в руках крапивный лист. Подвесок было девять – крестик, кольцо, бусинка, какая-то тройная восьмёрка и совсем уж непонятные фигурки. Снаружи в оправу был вставлен плоский, синий до черноты камень, играющий поверху дивными малиновыми бликами. Чарующая красота его так завороживала обоих, что с минуту они молча сидели и разглядывали находку, вертя её так и этак. Реслав ковырнул краешек камня ногтем, хмыкнул.

– Опал это, – сказал он наконец, – только чёрный. Я такой только раз до этого видал. Редкой красоты камень. А вот из чего браслет, не ведаю: сплав какой-то. Ну вот что: давай-ка обратно всё сложим.

– Давно пора, – послышалось вдруг за их спинами. Оба вздрогнули и обернулись.

Прислонившись к дереву и сложив руки на груди, там стоял Жуга.

– Наигрались? – хмуро спросил он. – Что нашли? Половину – мне.

У ног его стоял котелок и лежала охапка трав. Никто не слышал, как он подошёл. Реслав покраснел до корней волос, закричал смущённо. Балаж готов был провалиться сквозь землю.

– Огниво мы искали, – сказал Реслав, запихивая вещи обратно в мешок. – Ты не потерял, часом?

– Я и не брал, – ответил Жуга. – Зачем оно мне? Да и тебе ни к чему. Дай сюда. – Он взял котомку, завязал ремень. – Помнишь вязанку у Довбуша? Чего ж тебе ещё надо? Разжигай, я сейчас, только с травами управлюсь.

– А ведь и верно! – спохватился Реслав. – Сколько времени прошло – должно сработать. Ты какой цвет подбирал?

– Зелёный! – донеслось из-за дерева.

Про случай с мешком Жуга, казалось, забыл, а может, не хотел заводить разговор.

Балаж подошёл к кострищу:

– О чём это вы толковали? Какое время прошло?

– А? – оглянулся Реслав. – Время? Да видишь ли, наговор действует один только раз. Чтобы он потом снова заработал, должен срок пройти, чтоб сила накопилась. Думаю, сейчас получится.

Реслав сложил ветки шалашиком, нахмурился, припоминая слова. Представить в лесу зелёный цвет было проще простого. Он вытянул руки и приказал:

– *Виттеро-авата-энто-распа!*

Балаж вытаращил глаза. Результат превзошёл все ожидания: куча дров в едином порыве взметнулась вверх, словно подброшенная невидимой рукой, и со стуком запуталась в раскидистой дубовой кроне. Через миг сверху дождём посыпались палки, листья, жёлуди. Реслав охнул, когда узловатый сук треснул его по лбу, и с гудящей головой сел на землю.

– Ишь ты... – ошеломлённо пробормотал он, потирая ушибленный лоб. – Вот ведь...

Показался Жуга с мохнатым корнем в одной руке и ножом в другой.

– Что у вас тут? – спросил он. – Не загорается, что ли?

Реслав помотал головой. Жуга пожал плечами, положил нож и корень на траву. Вытер руки, собрал рассыпанные щепки.

– *Виттеро-авата-энто-распа!*

Повалил дымок, костёр вспыхнул, запылал, успевай подкладывать. Реслав покачал головой, пробормотал: «А всё-таки...» – и занялся готовкой.

...Кашу съели быстро. Очистили котелок, оближали ложки. Жуга отослал Балажа за водой и, когда котелок снова нагрелся, стал складывать в кипяток травы. Реслав лениво наблюдал, похрустывая малосольным огурцом, как вдруг рванулся и перехватил руку травника с зажатым в ней знакомым вздутым корневищем. Огурец бултыхнулся в котёл.

– Эй, эй, ты что делаешь?! – воскликнул Реслав. – Это ж цикута – отравка, каких поискать! С ума сошёл?

Напрягшийся было Жуга расслабился, затряс головой. Высвободил руку, брезгливо выудил из воды огурец.

– Ну, напугал, ирод, – выдохнул он и бросил корень в котёл. – Чего разорался? Ну, верно, вех это, отравка. Да много ли ты в травах смыслишь? Ведь яд от лекарства что отличает? Количество. Вот. – Он помешал варево ложкой, бросил туда тряпку. – Ну-ка, скидавай рубаху, – неожиданно потребовал он.

– Зачем?

– Скидавай, говорю.

Реслав выбросил огрызок огурца, потянул через голову рубашку. Показалась широкая мускулистая спина с дюжиной разновеликих ссадин и ушибов. Почти все уже стали подживать, но две рваные раны под лопаткой, оставленные ржавым гвоздём, загноились и покраснели. Жуга потыкал в них соломинкой. Реслав поморщился.

– Больно?

– Не... Терпёж-то есть.

– «Терпёж-то есть», – передразнил Жуга. – Балда ты, Реслав. Что верно, то верно, ежели корень веха слопать – дуба дашь. А коль рана воспалилась, жар пошёл, приложи отвар, да с умом приготовленный, – всё вытянет-вычистит сам собой. Ну-ка, повернись.

Жуга выловил из котелка тряпицу, протёр обе раны, наложил примочку. Узкой полосой чистой ткани обвязал Реславу грудь и спину, перебросил край через плечо.

– Завтра снимешь, а пока поспишь на брюхе.

Выудив ещё один клочок, Жуга сложил ткань вчетверо, закатал штанину и перевязал колено. Мелькнула узкая, распухшая от давности ссадина. Балаж смотрел во все глаза.

– А это что ж не заживает? – спросил он.

– Эту рану, – невесело усмехнулся Жуга, – так просто не залечишь.

Реслав нахмурился, мучительно припоминая, где мог видеть раньше нечто подобное, и вдруг вспомнил, как его приятель, молотобоец Микита, оступившись, угодил голой рукой на раскалённую докрасна болванку.

– Ожог это, – хмуро сказал Балажу Реслав, – и сильный притом. Так, Жуга?

Травник нахмурился, ничего не сказал.

– Где ж тебя так прижгло? – поразился Балаж. – С огнём, брат, поосторожней надо... Вона костёр-то...

Жуга вскинул голову. На лице его заходили желваки. Протянув длинную руку, он взял свой посох, концом его разворошил полупогасший костёр. Тлеющие красными точками угли рассыпались узкой дорожкой. Реслав никак не мог взять в толк, что он собирается делать.

– Осторожней, говоришь? – с непонятной злостью сказал Жуга. – Я тебе покажу сейчас, что такое огонь.

И, прежде чем его успели остановить, ступил босой ногой на угли.

Балаж ахнул, дёрнулся к нему, но Жуга уже шёл по алой дорожке неспешным шагом. Похрустывали под ногами угольки, мигали, вспыхивали, синими язычками лизали растрепавшиеся бахромой штанины. Жуга дошёл до конца, вернулся и сошёл в траву. Балаж и Реслав переглянулись.

– Может, хватит расспросов? – язвительно произнёс Жуга, вытер ноги рукою, улёгся и потянул на себя одеяло. – Давайте спать. Поздно уже.

Балаж молчал, потрясённый.

– А ты говоришь – костёр... – сказал ему Реслав и тоже залез под одеяло.

Под шелест листвы все трое вскоре погрузились в сон.

* * *

Реслав проснулся, как от толчка, среди ночи. Сел, поёжился от сырого холодка, огляделся. Ночь выдалась ясной. Над головой чёрным куполом висело звёздное летнее небо. Луна шла на ущерб. По правую руку от него мирно сопел во сне Балаж. Слева лежало скомканное одеяло. Жуга исчез.

Реслав посидел некоторое время, глядя в темноту и гадая, что могло его разбудить. Уж во всяком случае не Жуга – тот двигался тише мыши.

Внезапно Реслав осознал, что в ночи раздаётся тихий, неясный звук. Он прислушался.

Где-то далеко тонко и печально пела свирель.

Реслав осторожно выбрался из-под одеяла, отполз в сторону. Балаж заворочался, но не проснулся, лишь закутался плотнее. Реслав встал. Повязка присохла к спине, раны под ней зудели и чесались. Он повёл плечами – терпимо. Углубился в лес.

Дубовая роща ночью выглядела призрачно и таинственно. Серебрились в свете луны массивные шершавые стволы. Было тихо, лишь ручей журчал неподалёку да похрустывали сучья под ногами. Реслав спустился в ложбину, перебрался на другую сторону. Прислушался. Звук стал яснее, и Реслав двинулся вперёд, осторожно ступая и глядя под ноги: в этих местах он ещё не бывал.

Мелодия лилась, тихая и холодная, как лунный свет, то замирая на низкой ноте, то призывно взлетая и рассыпаясь лёгкой трелью; звуки сталкивались, кружились, сбегали вниз, вторя переливам оставшегося позади ручья, умирали, чтобы воскреснуть, и воскресали, чтобы умереть. У Реслава защемило сердце. Он вдруг почувствовал себя безумно одиноким, внимая голосу ночи, и невольно ускорил шаги, идя на этот чарующий зов. Вскоре музыка уже раздавалась так близко, что Реслав стал хорониться за деревьями и, выглянув из-за второго или третьего, понял, что пришёл.

Здесь была большая, совершенно круглая поляна, по краям которой на равном расстоянии друг от друга росли исполинские дубы. На самой поляне не было ни кустика, ни деревца, лишь короткая ровная трава. Кроны деревьев смыкались правильным кольцом, в центре виднелось звёздное небо. Реславу показалось, что он попал в храм – так величественно выглядело это место. Он затаился, внимая терпким летучим звукам, и вгляделся в темноту.

Дубов было девять. Меж двумя из них промежуток был гораздо шире остальных, словно здесь когда-то росло ещё одно дерево. Но дерева не было.

Вместо него там стоял Жуга.

В лунном свете он не казался рыжим, скорее седым. Худой и длинный, травник был неподвижен, лишь пальцы рук танцевали, плели мелодию из тонкого камышового стебля. Реслав утратил чувство времени – прошло минут, наверное, пять, а может, целый час, как вдруг музыка смолкла. Жуга опустил свирель.

Несколько мгновений царила тишина, затем в ночи раздался тихий, бесцветный голос.

– *ты звал меня*, – сказал он. Не спросил, не ответил, просто *сказал*. Реслав напряг взор, и ему показалось, что в центре поляны шевельнулось нечто, мерцая серебристой звёздной пылью. Оно двигалось, сливаясь с темнотой, в воздухе возникали и тут же таяли, подобно стихнувшей мелодии, полужнакомые очертания: неясный абрис человеческой фигуры в длинном плаще, белая цапля, раскинувшая крылья, олень – ветвистые рога вдруг слились в один длинный и прямой на широком конском лбу, завились двумя бараньими кренделями... Снова не разбери-поймёшь кто.

– Я звал тебя, Авелиста, – подтвердил Жуга.

– *ты всё ещё пытаешься угадать моё имя*

– Я не теряю надежды, Армина. Я знаю, на какую букву гадать.

– *ты дерзок*

– Это так, Аставанна. Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне.

– *чего ты хочешь*

– Помоги мне, Араминта.

– *не могу*

– Тогда ответь на мои вопросы, Атахена.

– *спрашивай*

Жуга помолчал, раздумывая.

– Ты знаешь, кто идёт за мной? – спросил он.

– *да*

– Знаешь его имя?

– *нет*

Жуга опять промолчал. Переложил свирель из руки в руку.

– Ты знаешь, за кем иду я, Алаванна?

– *да*

– Они связаны меж собою?

– *да*

– Я так и знал! – Жуга сжал кулаки. – Где мне его искать?

– *иди на закат*

– Это я знал и раньше! Куда именно?

– *ты узнаешь*

– Что он хочет?

– *всё*

Жуга постоял в угрюмом молчании, зачем-то посмотрел на небо. Серебряная тень пульсировала, мерцала неярко.

– Я твоё оружие, Аренита, но я тебе не принадлежу, – сказал Жуга. – Я благодарен тебе, но не обязан. Твои цели – не мои цели, но порой они переплетаются так, что я не могу их различить, и ты этим пользуешься. Скажи лишь, верну ли я потерянное?

Голос некоторое время не отвечал.

– *рано или поздно всё вернётся на круги своя*, – наконец сказал он, – *старые боги уходят, новые рождаются. жертва может стать охотником и наоборот. ты звал меня, но мы здесь не одни. у тебя впереди свой путь. близится утро. я ухожу, но мы ещё встретимся. прощай.*

– Стой! погоди! – Жуга метнулся вперёд, сделал несколько шагов, но серебристая тень уже растаяла в воздухе, как соль в воде, и он остановился. Постоял, глядя в землю, повернулся к лесу. Огляделся.

– Реслав, ты, дурак? – окликнул он. – Всё испортил! Ну, где ты? Давай вылезай.

Реслав, чувствуя себя страшно неловко, вышел из-за дерева.

– Я это... Я не знал, Жуга. Прости.

– А... – махнул рукою тот. – Ладно. Я и сам должен был смекнуть, что ты придёшь. А ты, оказывается, чуткий малый! Балаж спит небось?

– Без задних ног.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел на Реслава.

– А я тебя *недооценил*, – сказал он. – Хорошо, что ты пошёл со мной... Помоги мне, Реслав.

– Я? – опешил тот. – Кабы я мог...

– Ты можешь. Если пришёл на свирель, не испугавшись, значит, можешь. Будем друзьями, Реслав.

Реслав, несколько робея, пожал протянутую руку. Жуга улыбнулся необычно по-доброму.

– Идём.

– Слышь, Жуга, – окликнул его Реслав. – Кто это был там, на поляне? *Хозяин?*

Жуга обернулся.

– А? Нет, что ты... Это – древнее. Оно... – Он замялся. – Я как-нибудь потом расскажу. Реслав, ты в Маргене был?

– Вестимо, был!

– А я вот не был. И Балаж не был. Что там, как, я ничего не знаю. Я, если хочешь знать, вообще в городах не бывал. Так что ты у нас теперь за старшего.

– Ну смотрите, – усмехнулся Реслав. – Коли так, слушаться меня там, как отца родного. Ясно?

– Да уж, не темно... А вот и ручей уже!

Оба напились и умылись. Небо уже посерело, на востоке занялась заря. Растолкали Балажа.

– Эх вы, охламоны, – проворчал он, широко зевая, – в такую кромешную рань подняли... Выходим, что ль?

– С рассветом пойдём. – Жуга взял котелок, ушёл за водой. Реслав раздул костёр, вспомнил при этом о вчерашнем происшествии и, когда Жуга вернулся, спросил:

– Такая нелепица тут, Жуга. Помнишь наговор вчерашний?

– Ну.

– Я ведь вроде всё правильно сказал... Да только дрова, вишь ты, нет чтоб гореть – вверх понеслись. С чего бы, а?

– Вот как? – Жуга поднял бровь. – Забавно. А я-то думал, что за шум был... Ты какой цвет выбрал? Зелёный?

– Зелёный. Может, твой наговор только для одного человека годен?

– Может быть... – Жуга бросил устанавливать котелок, потёр подбородок. – Вверх, говоришь?

В голове у Реслава будто щёлкнуло; он вдруг вспомнил, для чего Жуга затеял ворожбу на дворе у Довбуша, и изумлённо покосился на приятеля.

– Чудно... – пробормотал тот, тряхнул рыжей головой и улыбнулся виновато. – Я не знаю, Реслав. Правда не знаю. Как-нибудь потом разберёмся.

Больше об этом не говорили. В котелке заварили душистый взвар, добавили мёду из горшочка – Довбуш дал в дорогу. Каких там трав Жуга понапихал в котёл, друзья не знали, но

в голове сразу прояснилось, остатки сна улетучились без следа. Быстро собрались, закрыли чёрную проплешину дёрном. Напоследок сняли с Реслава повязки. Ткань побурела, напилась гноем, зато раны были чистыми. Балаж уважительно промолчал. Жуга кивнул довольно, поднял посох.

– Ну, двинули, – скомандовал на сей раз Реслав.

– Далеко Марген-то? – полюбопытствовал Балаж.

– К полудню там будем. – Реслав обернулся на Жугу. – Куда пойдём сперва?

– На базар, – ответил травник.

– На базар? – опешил Балаж. – Это так ты хочешь Ганну искать?! Да что нам делать там, на базаре?!

– Смотреть. Слушать.

– А ещё что?!

Жуга посмотрел ему в лицо, криво усмехнулся.

– Молчать.

* * *

Незадолго до полудня, как и предсказывал Реслав, показались серые стены, островерхие крыши и шпили Маргена. Город был не то чтоб очень уж велик, но для Жуги и Балажа и такой был в диковинку. Балаж был здесь всего раза три, Жуга вообще видел город впервые.

– Экая громадина, – пробормотал он. – Одного камня только сколько пошло...

Друзья миновали перекрёсток, другой. Всё чаще стали попадаться гружённые товаром повозки, люди – пешие и верховые. Вокруг города тянулись поля, зеленели сады. Возле стен петлёй изгибалась река – неширокая, но глубокая Длава. Огромные, высотой в несколько сажень, ворота были открыты. Реслав остановился.

– Значится, так, – сказал он. – Смотреть за вами везде и всюду я, знамо, не смогу. Ежели потеряем друг дружку, то встретимся аккурат у этих ворот – уж их-то вы отыщете. Кошельки суньте за пазуху, что ли, а то сопрут, ахнуть не успеете. То же и мешки – по сторонам глазейте, да за котомки держитесь. Панам да ляхам дороги не заступайте. Всё вроде... Да! Лошадей да телег берегитесь – зашибут, улицы здесь узкие. Ну что, на базар?

Жуга кивнул, хотя уверенность его несколько поколебалась, и трое приятелей, миновав ворота, вошли в Марген.

Реслав сразу свернул в путаный лабиринт узких, вымощенных камнем городских улочек, уверенно направляясь к базару. Множество прохожих шли в обе стороны, на троих путников никто не обращал внимания. Было прохладно, высокие дома в несколько этажей отбрасывали густую тень. Иные улочки были узки до невозможности – переплюнуть можно, но попадались и кварталы мастеровых, где могли разъехаться две телеги.

– Богатые дома ближе к центру стоят, – пояснял Реслав. – Там, конечно, просторнее и улицы пошире, только делать нам там нечего.

– Далеко ещё? – спросил Жуга.

– Да нет, квартала два... Слышите?

Сквозь перестук молотков в мастерских и поскрипывание вывесок и флажков на крышах слышался шум базара – крики, гомон людской толпы, музыка, смех. Реслав свернул ещё пару раз, друзья миновали булочную с большим жестяным кренделем на вывеске, откуда доносился сытный хлебный дух, и втянулись в людскую круговорот городского рынка.

Жуга впервые оказался среди такого большого скопления народа, да и Балаж почувствовал себя неудобно. Толпа бурлила на площади, щупальцами заползала в близлежащие улочки, кружилась водоворотами меж ларьков и палаток.

– Базарный день! – заметил Реслав.

На углу жарили требуху, продавали на менку целую горсть. Балаж примерился подзакусить, да Реслав отговорил. Пошли дальше.

Тянулись палатки торговцев, кричали зазывалы. Друзья не знали, куда смотреть, столько всего было вокруг. Вот весёлый бородач развесил под навесом яркие лубки, рядом продают глиняные свистульки – толчётся ребята. Тут куски крашеной ткани, там платье, дальше – больше: обувь на любой вкус и размер, крынки-корчаги, стекло, корзины плетёные, шляпы разные, вёдра-бадьи, шайки-лейки... Узколицый голубоглазый малый в немецком платье торговал зеркалами. Зеркала были на диво ровные, ясные, бросали в толпу яркие солнечные зайчики. Жуга поднял голову, посмотрел на отразившуюся в зеркале скуластую физиономию с копной рыжих волос. Поджал губу.

Подошёл Реслав.

– Что, залюбовался? – добродушно осведомился он.

– Да уж, что и говорить – неказист. – Жуга постыдился сказать, что видит зеркало впервые в жизни. То есть своё отражение он, конечно, видел – и в лужах, и в реке, но чтобы так...

Реслав вдруг резко обернулся и отвесил затрещину оборванному чумазому пацану, вертевшемуся за его спиной.

– А ну, сгинь, пострел! – Пощупал кошелёк за пазухой – не стащили ли.

Из толпы вынырнул Балаж.

– Ф-фу! Насилу вас нашёл. – Он вытер пот рукавом. – Жарко! Пошли дальше, что ль?

Потянулись ряды с разной живностью: утки-гуси, свиньи, прочая скотина. Здесь стояло множество телег, воняло мокрой шерстью и навозом, продавцы и покупатели торговались, спорили, бранились, ударяли по рукам. Троим приятелям тут тоже делать было нечего, и Реслав поспешил свернуть в обжорный ряд, где румяные разбитные торговки сбывали фрукты-овощи, масло, яйца и молоко. Здесь тоже толпился народ, шныряли нищие. В воздухе тучами летали мухи.

– А почём твоё масло, хозяйка? – подмигнув приятелям, подъехал Реслав к одной из них.

– Три менки крынка, хлопчик.

Реслав состроил озадаченную мину:

– У! Дорого... Да хорошее ли масло-то?

– Как не хорошее! Да ты попробуй, сердешный, попробуй, коль не веришь...

Реслав выудил из кармана добрый ломоть хлеба, подцепил ножом кус масла. Размазал, сжевал.

– Ну?

– Чтой-то не разобрал, – неуверенно сказал он. – Может, у соседки лучше?

– Лучше? Да разве ж у неё масло?! Это ж обрат один! Глянь-ка сам!

Соседка затеяла перебранку. Реслав незаметно перешёл к следующему лотку.

– Смекаете? – обернулся он к Жуге и Балажу. – Только шибко не жадничайте, понемножку берите. Базар большой.

Дважды повторять не пришлось. Приятели двинулись вдоль рядов, пробуя масло, творог, сметану. Зачерпнули жменю семечек, закусили яблоками, грушами. Напоследок выпили квасу на полушку и, заморивши червячка, пришли в хорошее настроение. Дела и заботы на время отступили, людской поток вынес троицу на окраину, где близ широких богатых улиц крутились разные веселья. По пути попалась пёстрая толпа цыган. Пели, плясали, водили медведя. Медведь фыркал, мотал длинной узкой мордой, вставал на задние лапы, тоже плясал, косолапо, неумело. Народ веселился, но почему-то было жаль топтыгина.

– Береги кошельки, хлопцы! – весело прикрикнул Реслав, рассекая плечом толпу. – Цыгане, они ушлые – детей в рванину обряжают, да золото возами возят!

Молодая белозубая цыганка в ответ на это зыркнула весёлыми чёрными глазами, рассмеялась и исчезла в толпе, лишь взметнулись вихрем цветастые юбки. Пиликали скрипки. Через

минуту Реслава и Балажа вынесло к столбу. Народ вокруг хихикал, подзуживал. Невысокий, простоватого вида паренёк лез наверх, где в плетёной клетке сидел большой золотисто-зелёный петух. Хозяин петуха – толстый бородач в красной рубахе – прохаживался вокруг, растревлял публику:

– А ну, честной народ, не гляди друг другу в рот! Кто сильней, кто ловчей – не скажи, не ворожи! Достань петуха – силу покажи да подарок заслужи! Сей каплун – знатный калкун, курячий топтун, он же лакомый кус на пирушку, а на носу имеет завитушку! Ай, хлопец-молodeц, лезет – не долезет! Эй-эй, гляди, вниз не упади!

Столб, видно, был смазан, а может, просто гладко стёсан – под свист и улюлюканье парнишка съехал вниз, не добравшись до клетки двух саженей.

– Эк слетел, звать, мало каши ел! – развеселился хозяин. – Народ честной, деревенский-городской, не смотри да не стой, коль карман не пустой! Менку бросай да наверх полезай! Молод или стар, добудь самовар!

Только теперь друзья заметили награду победителю – около столба, на столике сиял колобокой медью полуведёрный самовар. Вещь, что и говорить, дорогая да и в хозяйстве полезная. Парень с вислыми усами выдвинулся из толпы, бросил в шапку менку, поплевал на ладони и полез наверх.

Реслава разобрало.

– Ну, шпарит толстопузый, как по писаному! – Он приставил ладонь козырьком, посмотрел наверх. – Не, не долезет... А добрый самоварчик! Слезать, что ль, за пятаком? А может, ты, Балаж, попробуешь?

Из толпы вынырнул Жуга.

– Эк растащило вас на дармовые самовары! – усмехнулся он, но тоже поглядел наверх с интересом. – Вишь, чего придумали...

– Ты где был?

– Так... шатался окрест. Что, Реслав, полезешь?

– А ты?

– С моей-то ногой? Не...

Усатый меж тем тоже до петуха не добрался. Реслав шагнул вперёд.

– Ну-ка, дай я! – Скиданул рубаху, сапоги и сунул всё Балажу. – Присмотри. – Бросил хозяину менку.

– А вот хлопец добрый, сильный, хоробрый! Долго не спешил, да вишь-таки решил. Полезешь, стало быть? – разошёлся зазывала.

– Будет цокотать-то. – Реслав обошёл столб, вытер о штаны потные ладони. – Расчесал язык... Скажи лучше по чести, отдашь самовар, коли залезу?

– Вестимо, отдам!

Реслав под смех толпы с дотошностью осмотрел самовар и полез наверх, по-медвежьки обхватив гладкий столб. Лез он неторопливо и, хоть скользок был путь, к цели помаленьку приближался. Вскарabкавшись саженей на пять, остановился, перевёл дух. «Лезь давай! – кричали снизу. – Слабó?»

Реслав попал на скользкий участок, съехал чуток. Толпа засвистела, засмеялась. Реслава разобрала злость. Он рванулся, ухватился за клетку. Дверца не поддавалась. Реслав крикнул, рванул что было сил, и вся плетёная стенка с треском вылетела вон. Реслав от неожиданности чуть не свалился.

Толпа ахнула радостно. Петух вырвался наружу, встряхнулся, расправил крылья и неуклюже слетел вниз. Следом съехал Реслав.

– Ай, молодец! – вскричал в притворной радости хозяин. – Достал-таки! Возьмёшь самовар аль другой какой товар? Может, деньгами хочешь? Два талера даю.

– Ну, нет! – усмехнулся Реслав. – Коль обещал, давай обещанное.

Народ развеселился, Балаж насилу вытащил Реслава из толпы. Потный, красный, тот стоял, сжимая в охапке круглое пузо самовара, и улыбался.

– Во как!

– Трудно было? – поинтересовался Балаж.

– А, ерунда... Брюхо только занозил. – Реслав нырнул головой в рубаху, надел сапоги и огляделся вокруг. – А где Жуга?

Рыжая долговязая фигура Жуги маячила у маленькой полосатой палатки, где полный лысоватый человечек торговал травами и амулетами. Балаж и Реслав подошли поближе.

– А вот оберёг возьми, хлопец. – Продавец покачал на кожаном шнурке шутовину – курячий камень «с дырочкой». – Недорого отдам – четыре менки всего прошу, зато от сглазу сохранит.

Жуга равнодушным взглядом обвёл лежащий на прилавке товар.

– Баловство всё это, хозяин, – с неодобрением сказал он и взъерошил волосы рукой. – Камушки, деревяшки пустые... Да и травы собраны бестолково. Ежели хочешь знать, у тебя только одна тут вещь стоящая.

– Да? – насторожился торговец. – Какая?

Реслав хотел было вмешаться (Жуга явно нарывался на завышенную цену), но передумал и остался в стороне.

– А вот! – Жуга указал в угол лавки.

Брови торговца удивлённо поднялись: там не было ничего, лишь спал, свернувшись на одеяле, растрёпанный, похожий на самого Жугу рыжий котёнок.

– Кот, что ли? – пробормотал толстяк.

– Продашь?

– Отчего не продать? Продам, – оживился продавец, протянул руку, подхватил кота. Тот сонно жмурился, зевал. Вытянул шею, с любопытством обнюхал протянутую руку Жуги, потёрся об неё и заурчал. Это был ещё почти котёнок – рыжий, с белыми тапочками на лапках и смешным чёрным пятнышком на мордочке, будто ткнулся в сажу и позабыл умыться. Ярко-зелёные глаза его смотрели просительно и доверчиво.

– Сколь просишь?

Торговец замялся.

– Десять менок, – наконец объявил он.

Жуга покачал головой:

– Много! Не жадничай – это ж кошка, не корова. Три менки дам.

– Да ты что! – поперхнулся торговец. – За такого кота... Семь менок – и баста!

– Четыре, и ни менки больше, – упирался Жуга.

– Шесть – и расстанемся друзьями.

– Пять.

– Ну, хорошо, – сдался хозяин, – пусть будет пять. Забирай.

Жуга отсчитал деньги, взял котёнка и посадил его за пазуху. Двинулись дальше.

– С ума сошёл! – накинулся на него Балаж, едва лишь отошли в сторону. – Такие деньги за облезлого кота! Пять менок!..

– Остынь, – осадил его Жуга. – Я заработал, я и трачу как хочу.

Начало темнеть. Выбравшись с базара, снова закружили по улицам.

– А ну, разойдись! – послышался окрик. Дородный шляхтич в богатом зелёном жупане прогарцевал на сером в яблоках коне. Жуга замешкался, и спину его пребольно ожгла плеть. Отшатнувшись, он злобно посмотрел вслед всаднику и потёр плечо.

– Я же упреждал... – начал было Реслав и смолк: Жуга переменялся в лице, вытянул руку и пробормотал что-то, тихо – не разберёшь.

Через миг окно над заносчивым шляхтичем распахнулось, и судомойка сослепу выплеснула на него таз грязной воды, охнула испуганно и подалась назад. Шляхтич разразился отборной бранью.

– Ну ты даёшь! – поражённо сказал Реслав.

Жуга насупился.

– Я совсем не то хотел, – словно оправдываясь, сказал он. – Я думал, у него подруга лопнет, а тут таз...

Послышался шум. Друзья обернулись и успели увидеть, как шляхтич, хоть и наездник был добрый, вместе с седлом мешком повалился на мостовую, запутавшись в стремянах. Реслав прыснул и отвернулся.

– Уйдём, – сказал он. – Не ровён час осерчает, накинется с саблей...

Свернули поспешно за угол.

Впереди по улице шла стройная черноволосая девушка с цветастым платком вокруг бёдер. Оглянулась на миг. Жуга побледнел и вдруг рванулся за нею бегом.

– Мара! погоди, Ма... – догнал, ухватил за плечо.

Девушка вздрогнула испуганно, обернулась.

Жуга опустил руку.

– Прости, обознался я... – смущённо потупился он.

Девушка быстро пришла в себя, улыбнулась.

– Бывает, хлопец! – перебросила косу через плечо. – Да ты не ищешь ли кого?

– Ищу вот... – Он замялся. – Тоже девку одну. Схожи вы больно, вот я и не разобрал в потёмках...

– Да я чем хуже? – игриво улыбнулась та.

Реслав со своим самоваром сердито нахмурился – не успели в город прийти, а уж подцепили продажную девку. Балаж, однако, смотрел на неё с интересом.

– Как звать тебя, рыжий? – спросила она.

– Жуга, – произнёс травник угрюмо – уж очень напоминала эта уличная девчонка пропавшую красавицу Мару и фигурой, и лицом.

– Жуга? – рассмеялась она. – Смешное имя! Что это у тебя за пазухой?

Котёнок шевелился, ёрзал под рубашкой. Жуга вытащил его.

– У меня... Вот...

Повисло неловкое молчание. Девушка ждала, поглаживая котёнка. Тот мурлыкал.

– Сколько ты хочешь? – наконец спросил Жуга. Та вздрогнула, покосилась на Реслава – тот стоял с рожей краснее самовара у него в руках и смотрел зверем, – вздохнула, улыбнулась невесело.

– Двадцать, – наконец сказала она.

– Менок?

– Да.

Жуга оглянулся на друзей.

– Есть тут поблизости комната с ночлегом?

Девушка вытянула руку:

– Вон там корчма добрая, у Ладоса. Да и вино хорошее подаёт. – Стрельнула глазами, потупилась. – Пойдём?

Балаж махнул рукой: мол, чего там, пошли. Реслав хотел вмешаться, но промолчал.

– Знаешь это место, Реслав? – спросил Жуга.

– Ещё б не знать! – проворчал Реслав. – Всё верно: и заночевать можно, и поесть. Только...

– Что?

– А, ладно, пойдём. Всё равно надо где-то остановиться, – сдался он и первым зашагал вниз по улице. Жуга с девушкой двинулись следом.

– Ты не хочешь спросить, как меня зовут? – тихо спросила она.

– Я знаю, – ответил Жуга. – Влана.

Та посмотрела испуганно и промолчала, лишь кивнула согласно.

Позади всех понуро плёлся Балаж.

* * *

Питейное заведение Ладоша оказалось средних размеров двухэтажным строением, крытым красной черепицей. Вместо вывески над входом болталось на цепи выкрашенное в жёлтый цвет тележное колесо. Окна были остеклены. Трое приятелей вошли и огляделись. Сквозь сизые облака табачного дыма виднелись длинные дощатые столы с лавками, громоздящиеся у дальней стены бочки, маленький закуток, где расположились музыканты, и ведущая на второй этаж покосившаяся лестница.

– Га-га-га!!! – гулким басом вдруг захохотал кто-то за дальним столиком, поднялся и направился к ним. – Это же Реслав! Чтоб мне лопнуть – Реслав! Какими судьбами?

Обладателем громового голоса был высоченный широкоплечий детина с чёрной шапкой густых волос, упрямым широким лбом и свороченным в давней драке носом. Добравшись до Реслава, он хлопнул его по плечу так, что тот присел, и осклабился в добродушной ухмылке.

– Здорово, старый чёрт! – гудел он. – Ты где пропадал? Чё это у тебя, самовар, что ли? Ну ты даёшь! А это что там за рожи?

– Здравствуй, Олег, – несколько смущённо сказал Реслав и обвёл взглядом помещение. – Что, Шварц тоже тут?

– Шварц? Да ну его в качель! Пить совсем не умеет... Тотлис-то, слышь, и его тоже выгнал. Ага, ага. Да ты, поди, знаешь! Эти двое с тобой?

– Со мной, – кивнул Реслав. – Это вот Балаж, а это – Жуга.

– Ну, Жуга так Жуга. Меня Олегом кличут, – объявил он. – Мы с Реславом вместе у Тотлиса в подмастерьях ходили. С кем девка-то?

– Со мной она, – нахмурился Жуга.

– Ну, валяйте к нам, не обидим! Вино у Ладоша доброе, а комната найдётся. Эй, хозяин! – крикнул Олег так, что зазвенели стёкла. – Четыре кружки вон за тот стол!

– Про что гуляем? – спросил Реслав.

– Да именины у одного хлыща – вон сидит, Альбином звать, купца Свега Кашилла сын.

– А второй кто?

– Литвин-то? Да Валдис, мокрая спина! Не узнал, что ль? Бороду он отпустил.

– А-а...

Пока петляли меж столов, Реслав поведал друзьям про Олега. Поступили они к Тотлису в обучение, да только Олег недели не продержался – уж больно погулять любил да и нрав имел буйный. Силой же, однако, Бог не обидел – устроился после работать на мельницу.

– Из варягов он, тех, что у нас осели, – пояснил Реслав. – Не чаял я его тут встретить... Ну да ладно, пошли.

По пути остановили хозяина, справились о комнатах. Сторговали две за шесть менок, утвердили самоварище посереде стола и присоединились к Олеговой компании.

Альбин оказался богато одетым молодым человеком с пресыщенной физиономией балованного недоросля. Флегматичный Валдис с рыжей, щёткою торчащей бородой курил трубку. Рядом сидели ещё трое-четверо прихлебателей, крутились накрашенные девицы. Одна из них тут же забралась Балажу на колени, тот не стал возражать. Жуга устроился с краю, положил посох поблизости. Влана села рядом. Хозяин принёс вино – красное, терпкое. С непривычки

у Жуги зашумело в голове, накатила приятная истома. Помещение помаленьку заполнялось народом.

Кутёж Альбина и Олега набирал обороты. Пили за встречу, за здоровье именинника, ещё раз за здоровье. Просто так тоже пили. Закусывали хлебом, салом, жареным мясом, солёными грибами. С лёгкой руки Олега пропили и самовар. Жуга вскоре потерял к пьянке интерес. Котёнок у него под рубашкой царапался, лез наружу, парень вытащил его и посадил на лавку. Посмотрел на Влану.

– Как его зовут? – спросила та, улыбнувшись.

Жуга пожал плечами:

– Не знаю. Торговец не сказал, а я не вспомнил спросить.

– Смешной какой. На тебя похож! И нос будто в саже... Назови его Сажек. Чем не имя для кота?

– Сажек? – Жуга поднял бровь, почесал в затылке, усмехнулся. – Почему бы и нет? Сажек так Сажек... Сколько тебе лет?

– Семнадцать... А как ты угадал, что меня Вланой зовут?

– Долго рассказывать. – Жуга помолчал, хлебнул из кружки. Разговор не клеился. Влана казалась лишь тенью образа, который остался в памяти. Жуга насупился, огляделся вокруг.

Балаж, уже с двумя девицами на коленях, ничем не напоминал того убитого горем паренька, который вызволил их из сарая. Он раскраснелся, реготал, опустошал кружку за кружкой. За окном давно стемнело, зажгли свечи. Вскоре Балаж выпросил у Реслава ключ, прихватил обеих девиц и убрался наверх, в комнату. Сам Реслав с пьяной серьёзностью что-то втолковывал Олегу. Валдис придирчиво разглядывал насаженный на вилку солёный груздь. Альбин спал, уронив голову на стол.

Неожиданно Олег встрепенулся, заметив кого-то у входа. Жуга перехватил его взгляд и обернулся: прямо к ним направлялись четверо мрачного вида парней. Появление их не сулило ничего хорошего.

– А-а, нашли, сволочи! – злорадно вскричал Олег, засучивая рукава. – Мало я вас тогда метелил, ещё хотите? Натё!

Завязалась свара, в которую быстро втянулся ещё десяток человек из-за соседних столов. Реслав бросился на подмогу. Слышались крики, грохот бьющейся посуды. Кто-то поспешно метнулся к двери. С треском и звоном вылетело окно. Перед Жугой возникла из дымной завесы пьяная морда, ослабилась, занесла сивую лапу. Жуга коротко отбил удар и с размаху обрушил кружку на квадратный затылок нападавшего. Схватил Влану за руку: «Наверх! Быстрее!» – вернулся до стола, схватил под мышку посох и котёнка. Отпихивая дерущихся, Жуга и Влана добрались вдоль стены до лестницы и поднялись в комнату. Дверь за ними захлопнулась.

Драка внизу пошла на убыль. Четверых зачинщиков вышвырнули, оставшихся растащили, поставили на место опрокинутые столы. Валдис исчез. Альбин окончательно сполз под стол. Реслав и Олег, понурые и побитые, сидели одни за большим столом и оглядывали разгром.

– Эх, погуляли... – буркнул Реслав. – Кто это были?

– Давняя история, – поморщился Олег. – Муку продавали с песком, гады, а говорили, будто наша. Ну, я потом нашёл двоих, вытряс из них душу, а они, вишь, снова на меня... Где друзья твои? Этот, рыжий... Жуга, что ль?

– Н-наверху... – выдавил Реслав. – С бабами...

– Да... – вздохнул Олег. – Нас на бабу променял... Бабы – это дело гиблое. К-каждая женщина, – он важно поднял палец, – это, брат, сирена... Попадёшься – пропал. Ты м-меня уважаешь?

– У... уважаю.

– Тогда выпьем...

Приятели сдвинули кружки, озадаченно посмотрели внутрь, затем друг на друга: кружки были пусты.

– Плохо, – пожаловался другу Олег.

– Очень плохо, – согласился Реслав.

* * *

Жуга проснулся, едва забрезжил рассвет, и долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Повернулся на бок, посмотрел на Влану. Та лежала, безмятежная в утреннем сне, мягкие волосы рассыпались по подушке. На губах её теплилась улыбка. Жуга погладил рукой шелковистые чёрные пряди, улыбнулся своим мыслям, вздохнул. Поднял голову. В ногах, пригравшись на одеяле, спал Сажек.

Комната была обставлена проще некуда: широкая кровать с верёвочной сеткой и толстым войлочным матрасом, два стула, в углу – табуретка, кувшин и таз для умывания. Полотенца не было. Жуга выскользнул из-под одеяла, натянул штаны и подошёл к окну.

От реки шёл лёгкий туман. Солнце ещё не взошло, но шпили и островерхие коньки высоких крыш уже играли золотом. Жуга постоял в задумчивости и принялся умываться.

Проснулась Влана, потянулась сонно. Улыбнулась.

– Доброе утро, Жуга!

– Утро доброе, – отозвался он. Котёнок спрыгнул на пол, подошёл к нему, потёрся о штанину. Жуга мысленно отругал себя, что забыл его покормить. Наверное, у хозяина можно было найти молока.

– Жуга, – позвала Влана.

– Что?

– Откуда ты пришёл?

– С гор я.

Влана села, зашуршала одеждой. Подошла к нему, положила руку на мокрое плечо. Провела тёплыми пальцами по шраму.

– Откуда это?

– Подарок. От добрых людей. – Жуга перестал плескаться, выпрямился. Посмотрел ей в глаза, улыбнулся с грубоватой нежностью. – Не надо об этом, Вланка.

– Странный ты, Жуга, – задумчиво сказала девушка, перебирая пальцами густые пряди волос. – Скажи, у тебя... были женщины до меня?

– Нет.

– Ты хороший. – Влана подошла к окну, ловкими движениями заплетая косу. – Кого ты ищешь? Чем тебе помочь?

Жуга натянул рубаху. Пригладил мокрые волосы.

– Скажи, – замялся он, – давно ты... так...

– Год, – равнодушно ответила она. – Может, чуть больше. С тех пор, как отец умер.

– Мне очень нужно знать, – продолжил после минутного молчания Жуга, – когда девочки... выходят на улицу, ну...

– Я понимаю...

– Бывает, что они не возвращаются? Пропадают?

Влана задумчиво помолчала. Пожала плечами.

– Наверное... Впрочем, да. Особенно если одна и в первый раз. По неопытности, наверное. А что?

– В первый раз... – Жуга вспомнил, как вчера резвился некогда безутешный Балаж, и в голову ему пришла неожиданная мысль. – Ч-чёрт...

– Что?

– Яд и пламя, как я раньше не подумал об этом?! – Жуга заметался, подобрал котомку, вытащил кошель.

– Не надо... – начала было Влана, но травник лишь махнул рукой. Высыпал деньги на одеяло – менок сорок, отобрал себе две-три, остальное оставил.

– Бери, не перечь, – сказал он, подхватил Сажека, задержался на миг у дверей. – Помоги тебе Бог, Вланка, – сказал он. – Мне пора.

– Может, ещё свидимся, – грустно улыбнулась та. – Будешь в Маргене – заходи к Ладошу.

– Всё может быть. Жизнь долгая. – Он улыбнулся тоже, поднял посох. – Прощай.

– Прощай.

* * *

Внизу было тихо. Двое ранних посетителей закусывали жареной рыбёшкой. За столиком в углу сидели Балаж и Реслав и похмелялись после вчерашнего. Балаж выглядел невыспавшимся, моргал красными глазами. Реслав обзавёлся роскошным синяком под глазом. Кошело у обоих были пусты.

– Говорил я, – укоризненно сказал Реслав, когда Жуга спустился, – не надо было сюда идти. Уж больно вино у Ладоса крепкое.

– С чего вы драку-то вчера затеяли? – спросил Жуга.

– Эт разве драка! – ухмыльнулся Реслав. – Ты скажи спасибо, что Бертольд Шварц не пришёл – тот бы до утра шуровал. Эх, где он сейчас, морда немецкая... Деньги есть, Жуга?

Оба с надеждой посмотрели на него. Тот покачал головой.

– И этот туда же... – неодобрительно заметил Реслав. – Все менки псу под хвост... Э, дурни! Чё дальше делать будем?

Жуга кликнул хозяина, спросил кружку молока и жареной рыбы на всех. Отлил молока котёнку в миску, бросил рядом рыбью голову. Реслав вынул засохший ломоть хлеба. Принялись за еду.

– Вот что, Балаж, – хмуро сказал Жуга, когда с рыбой было покончено. – Ответь мне: девка Ганка или нет?

Тот захлопал глазами:

– Ты что, Жуга, глаза потерял?! Вестимо, девка.

Терпение травника лопнуло.

– Я тебя спрашиваю, кобёл бесхвостый! – рявкнул он. – Девка Ганка или *уже* нет?!

Балаж совсем растерялся.

– При чём тут это? – спросил он и покраснел до кончиков ушей. Промолчал.

– Не успел, стало быть! – удовлетворённо кивнул Реслав. – Ай да Ганка, молодчина, не далась дураку... а правда, при чём тут это?

Жуга уже думал о своём. Посмотрел в окошко.

– Сегодня что, опять базарный день?

– Так ведь базар всю неделю будет: осень, – пояснил Реслав, вздохнул грустно. – Денег только нет.

В углу зашевелились. Жуга обернулся: с брошенного в закутке одеяла поднялся невысокий белобрысый паренёк, зевнул, нахлобучил чёрную катаную шляпу с лентой, вытащил из ниши потёртую скрипку, любовно сдул с неё пыль. Видно, это был один из вчерашних музыкантов, заночевавший прямо тут. Жуге вспомнилось, как лилась вчера, словно густое вино, плачущая вазурская дойна, встал и подошёл к нему.

– Здоров будь, хлопец, – начал он. – Как звать тебя?

Паренёк с некоторой опаской оглядел угловатого рыжего незнакомца и улыбнулся, не почуяв угрозы.

– Здорово, коль не шутишь. Иваш я.
– Меня Жуга зовут. Подзаработать хочешь?
– Кто ж не хочет! А что делать надо?
– Слыхал я твою скрипку вчера. А повеселее можешь?
Скрипач заулыбался. Кудрявые волосы выбились из-под шляпы.
– Шутишь? Конечно могу!
– Кто вчера играл с тобою? Можно сейчас кого сыскать?
– Владек-цимбалист тут вроде оставался ночевать, наверху. А больше всё. К вечеру разве что.

Жуга кивнул:

– Годится. Тащи его сюда. Что заработаем, третья часть ваша.
– Да что делать-то? – не отступал Иваш.
– Вам? – Жуга поднял бровь, рассмеялся. – Играть! Инструменты захватите.
Вернувшись до стола, он подхватил мешок и посох. Реслав и Балаж вопросительно смотрели на него.

– Сколько задолжали? – спросил Жуга.
– Тридцать шесть менок, – ответил Реслав.
– С полушкой, – добавил Балаж и почему-то покраснел.

* * *

На базаре былолюдно. Реслав и Жуга шли первыми, волоча за ручки большую жаровню. Раскрасневшийся Балаж тащил вязанку дров. Последними шли Иваш и дородный чернявый Владек со своими цимбалами.

Реслав начал смекать, что к чему, когда Жуга отыскал ровное место и разжёл жаровню. Балажа усадили за второй вязанкой, а когда вернулся, за третьей. Народ останавливался, с любопытством поглядывал и проходил мимо.

– По углям ходить будешь? – тихо спросил Реслав. Жуга кивнул:
– А что остаётся?
– Ну, покудесничать малость.
– Мало тебя, дурака, били.
– Всё не могу взять в толк, как это у тебя получается, – задумчиво сказал Реслав. – Наговор, что ль, какой?

– Да какой там наговор. – Жуга поворошил угли, подбросил ещё дров. – Тут всё просто. Главное – не бояться и ногу поплотнее ставить, чтобы воздух не попал.

– Гасить их, что ли?
– Вроде как... Ещё мыть не надо ноги, ни до, ни сразу после. А то ещё плохо, если железки в костёр попадут. Вот они обожгут так обожгут.
– Это что ж, – опешил несколько Реслав, – и я б так смог?
– Отчего нет? Потом попробуешь... Помнишь, ты вчера за петухом лазал? Зазывай народ, чем ты хуже того мужика? Сможешь?
– Попробую.

Жуга оттолкнул пару-тройку любопытных и опрокинул жаровню. Угли рассыпались, развалились мерцающей горкой. Прихваченной кочергой разровняли правильный круг сажени в три. В жаровню подложили новые поленья на добавку. Жуга скинул царвули, повернулся к музыкантам, улыбнулся:

– Вжарьте побойчее. Эх, жаль, что светло!
– А мне что делать? – спросил Балаж.
– От тебя толку мало. Возьми, вон, барабан...

Стал скапливаться народ, привлечённый зрелищем. Владек с Ивашем заиграли потихоньку, а когда собралось побольше людей, умолкли. Реслав заробел было, да вспомнил, как в глаза обжуживал торговков на рынке, как складно врал вчера дядька с петухом, и начал:

– Ай, честной народ, чего стоишь, под ноги глядишь? Раздай, расступись, а не то погоришь... – Он замешкался было, но на выручку пришёл Жуга:

– Вишь, угли пылают, жаром пугают, а заметишь грош, так и по углям пойдёшь! – Он обошёл круг, худющий, рыжий, словно сам выскочил из огня, осклабился весело. – Бросайте менки, берегите коленки – огонь не велик, да стоять не велит!

Снова вступил Реслав:

– Али вправду говорят, будто ноги не горят? – Он тоже двинулся вокруг угли. – Эй, добры молодцы, девицы красные, гляньте на диво! Всё повидали, всякого-разного, лишь по углям не ходили, глянь, как красиво!

Жуга подмигнул музыкантам. Иваш поднял смычок. Грянула плясовая. Глухо, сбивчиво бухал барабан. Жуга притопнул, всей пятой ступил на угли и – вперёд, вперёд, шажками мелкими, как горох, двинулся по кругу в лихом переплясе.

Народ ахнул, загомонил. Кто-то под напором людской толпы оступился на угли, ругнулся и отскочил. Все засмеялись, забили в ладоши.

Жуга спрыгнул на землю. Музыканты дали паузу.

– Ещё! – крикнули в толпе. В подставленную шляпу полетели менки, полушки, пятаки. – Ещё! Ещё!

– Во народ, застояться не даёт! – веселился Реслав. – Кто не верит, пускай проверит, да потом всё одно никто не поверит! Эй-эй, посмотри на нас, раскрой глаза да уши, смотри да слушай весёлый пляс!

Ударили по струнам.

Жуга разошёлся, угли так и летели во все стороны. Реслав ощутил вдруг весёлую дрожь в груди, сел, стянул единым махом сапоги и, забыв, для чего он тут, припечатал босой ногою горячие угли. Припечатал и пошёл, разбрасывая тлеющие огоньки, выгоняя из башки пьяную дурь, засмеялся от нахлынувшей радости: «Могу!» Поймал весёлый взгляд Жуги – тот подмигнул лукаво – знай наших! «Эх, эх, жги!»

Было жарко и больно, но на удивление терпимо. Реслав вприпрыжку пересёк огненный круг, постоял на холодных камнях и двинулся сызнова. Кое-где в угли упали медяки, Реслав, памятуя наставленья травника, старался обходить их стороной. Жуга нагибался, выхватывал их, пока не нагрелись, скалился весело.

Угли почти погасли. Реслав подскочил к жаровне: «Поберегись!» – опрокинул. Толпа подалась назад. Свежие угли были горячее, мерцали красно, вспыхивали бегущими огоньками. Реслав заробел было, но Жуга уже махнул рукой: «Дава-ай!» – и первым выскочил на круг. И вновь плясали оба, крича шутки-прибаутки, пока не растоптали угли в пыль, в мелкую золу...

...Толпа разбрелась. Владек оборачивал свои цимбалы в чехол. Реслав сидел на земле, рассматривая попеременно свои босые ступни: ожогов и впрямь не было, лишь краснели две-три царапины да пахло копчёным.

Жуга вытер ноги тряпицей, надел башмаки. Посмотрел на Реслава.

– Ну, молодец! – одобрительно сказал он. – Не ожидал я. Эй, Иваш, сколько там?

– Три сотни, сорок две! – объявил тот. – Хоть на серебро меняй – почти четыре талера. Ну вы и задали жару! Отродясь такого не видывал. Как это у вас выходит? Держите. – Он протянул кошель и Сажека (кота на время прятали в мешке, чтобы не путался под ногами). Жуга принял, хотел что-то сказать, но тут послышался грохот, цокот копыт: это, запряжённый четвёркой лошадей, проехал и свернул на улицу богатый экипаж. Мелькнуло морщинистое лицо старика, вислые усы, копна седых волос.

– Ишь, поехал! – пробормотал Иваш. – На четвёрке...

– Кто это? – спросил Балаж.

– Михай Пелевешич, вельможный пан... Поместья у него тут и замок за городом. Да и в самом Маргене он большую власть имеет.

Сзади послышался непонятный шум. Все обернулись: Жуга стоял, глядя вослед экипажу. Сажек в диком страхе повис у него на рукаве, расцарапав руку до крови.

Жуга повернул голову. Взгляд его был страшен.

– Жуга! – всполошился Реслав. – Ты чего, Жуга?!

– Сколько ему лет? – хриплым голосом спросил он. Все молчали, и Жуга, не дождавшись ответа, закричал: – Сколько ему лет?!

* * *

Ночь выдалась тёмной и ненастной. Шелестел по крыше дождь. В корчме у Ладоса было пусто, лишь в углу за столом сидели четверо. Теплилась жёлтым язычком свеча. Чуть в стороне на лавке спал котёнок.

– ...Лараш Зегальский, городской каштелян, – сосредоточенно загибая пальцы, вспоминал Иваш. – Вильгельм Штох, купец Бременский, тоже давно тут живёт. Олекса Григулевич, тоже купец. Гжегож Пшимановский, шляхтич знатный... – Иваш показал два сжатых кулака. – Вот... Всем почти под девяносто, остальным – немногим меньше.

– Н-да... – Жуга сидел, подперев голову рукой, глядел на свечу. – Не знаю, что и думать... Ничего не примечаете, Реслав?

– Все из разных краёв, – подумав, сказал тот.

– Вот-вот, – кивнул Жуга. – И все богатые.

Балаж растерянно глядел то на одного, то на другого.

– Ну и что? – спросил он. – Что тут такого?

– Помолчи ты... – отмахнулся Жуга. Глянул на Иваша. – Чей замок там, по дороге на запад?

– Там, что ли? – Тот махнул рукой. – Да как раз пана Пелевешича замок и есть. Мы, кстати, завтра туда ехать собираемся.

– Вы? – поразился Жуга. – Зачем?

– Так праздник же! Сыну его, Мареку, двадцать пять стукнуло. Народ соберётся, музыкантам рады будут.

Жуга встрепенулся, многозначительно глянул на Реслава. Тот понял без слов – слишком уж много совпадений. Упускать такой случай было нельзя.

– Возьмёте нас? – спросил Жуга.

– Отчего не взять? – отозвался Иваш добродушно. – А может, ты и сам на чём-нибудь играешь? Тогда ещё лучше. Не знаю, правда, на телеге поместимся, нет.

– На свирели могу, – сказал Жуга. – А не поместимся, пешком пойдём. Лишними не будем, верно, Балаж?

Балаж к этому времени уже совсем перестал что-то понимать.

– Пожалуй, что и верно... – пробормотал он. – Только... Гм!

– Вот и ладно, – попытожил Реслав. – Ну, будем здоровы!

Приятель сдвинули кружки.

* * *

На телеге поместились.

Музыкантов подобралось четверо: Иваш, Владек, грузный и немолодой уже Михай со струнной волынкой и весёлый, ладно сбитый Григораш, который, казалось, мог играть на

чём угодно. Выехали засветло. До городских ворот добирались без малого час, так узки были улочки Маргена. Михай правил. Григораш прикорнул на охапке соломы. Жуга, Балаж и Реслав прикупили новые рубашки, обзавелись шляпами. Жуга раздобыл гребень, еле расчесал свои вихры. Сажек свернулся у котомок, спал.

У ворот неожиданно повстречали Олега.

– Здорово, Реслав! – окликнул он и ухмыльнулся весело. – Никак вы до Пелевешича? А, и Жуга здесь! Здравствуй, здравствуй. Как поиски ваши?

Реслав закряхтел, заёрзал.

– Ничего пока...

– Что ты ему наплёл? – тихо спросил Жуга. Реслав пожал плечами: «Не помню!» Олег тем временем уже запрыгнул на повозку.

– Подвезёте?

Михай обернулся, глянул неодобрительно, но кивнул: езжай, мол.

– Может, возьмёте в долю? – Олег подтолкнул Реслава локтем, подмигнул. – Вчетвером сподручнее. Мельница всё равно пока стоит, а лишние менки никому не помеха. Чай, и мне чего отсыпется. Узнали что-нибудь?

Жуга посмотрел так, что Реслав чуть не спрыгнул с телеги, ничего не сказал, лишь потянул к себе Сажека, погладил. Кот разнежился в руках, подставил пузо, замурлыкал.

Миновал полдень. Лошадёнка неспешно тащилась по дороге меж лесов и полей. Слева голубой лентой вилась Длава. Роса уже высохла, от ночного дождя не осталось и следа. Частенько встречали прохожих, обогнали гружённую дынями телегу. То и дело слезали на ходу, шли рядом, разминая ноги. Ближе к вечеру появились комары, зудели, толклись серыми облачками. Пора было подумать о ночлеге.

Жуга глядел в сторону. Реслав перехватил его взгляд, посмотрел туда же. Меж деревьев был просвет, там, на поляне, розовели в закатных лучах щербатые камни древнего дольмена. Жуга вздохнул, отвернулся. Проехали, а версты через три нашли удобное место у реки. Развели костёр, отужинали. Михай и Владек улеглись на телеге, остальные расположились под деревом у огня. Стреноженная лошадь паслась неподалёку.

Стемнело. Стараниями Жуги поспел душистый травяной отвар. Достали кружки. Олег отхлебнул, крикнул одобрительно, зачерпнул ещё. Жуга молчал, присматривался к путникам, думал.

Григораш поёжился, накинул на плечи одеяло, посмотрел в костёр, затем – на небо, вынул из мешка свирель, поднёс было к губам, да покосился вдруг на Жугу.

– Эй, рыжий!

Травник поднял взгляд:

– Что?

– Сказывали, ты на свирели артист. – Григораш ухмыльнулся, сощурился лукаво. – Покажи, а?

Жуга поколебался, взял протянутую свирель, повертел в руках. С минуту сидел неподвижно, слушая ночной лес.

– Ну же! – подначил Григораш.

Но Реслав осадил его:

– Не лезь.

Жуга поднял свирель.

Полилась мелодия, тихая, незатейливая, с мягкими бегучими переливами, смолкла неожиданно. И вдруг за рекой залился, затенькал, отвечая, трямка-пересмешник – птица малая, ночная. Музыканты переглянулись.

Жуга играл, полузакрыв глаза, мелодия словно бы разделилась на два голоса, и уже не уловить было мотива и не понять, кто ведёт – то ли свирель в руках рыжего паренька, то ли птица за рекой.

Всё смолкло.

Неожиданно все вздрогнули: вниз по тёмному стволу дерева скользнула лёгкой тенью рыжая белка-веверицэ. Скакнула парню на плечо, блеснула чёрными глазами-бусинками, ткнулась ему в ухо, как сказала что-то, и через миг, сполохом метнувшись вверх, затерялась в листве.

– Дивно играешь, Жуга, – выразил общее мнение Олег. – И звери, эвон, тебя любят. Чудные дела!

Больше никто ничего не сказал, все задвигались, зашуршали одеялами, укладываясь спать. Костёр почти погас. Реслав уже засыпал, когда послышался тихий голос Жуги:

– Реслав...

– Что?

Жуга помолчал.

– Ты не ходи за мной сегодня.

* * *

Среди ночи Реслав проснулся. Жуги не было, лишь котёнок свернулся рыжим калачом на одеяле в изголовье.

Далеко на востоке, где стоял старый дольмен, тихо пела свирель.

* * *

До замка добрались вскоре после полудня. Он стоял на невысоком холме, серые стены высились неровной каменной кладкой. Узкие стрельчатые окна, некогда бывшие бойницами, ныне были застеклены. На красных шатровых крышах развевались цветные флажки. Башен было пять – четыре угловые и высокий центральный донжон. Широкий квадратный двор мощён был камнем, ворота раскрыты. Повозка с музыкантами миновала подъёмный мост и остановилась. Жуга спрыгнул на мостовую, огляделся. Вокруг сдвигали столы, разгружали телеги, смеялись, гомонили. Из раскрытого подвала выкатывали бочки. Михай распряг лошадь, повёл её в стойло.

Подошёл Реслав.

– Приехали, Жуга, – сказал он. – Что дальше?

– погоди, Реслав, не мешай, – отмахнулся тот. – Не пойму никак... В башнях они, что ли, живут?

– Ну да, внутри и в этой, как его... Если что, поднимают мост: попробуй залезь.

– Да от кого обороняться-то?

Реслав пожал плечами:

– Должно быть, было от кого... А надёжное место!

– Да, место надёжное. – Жуга прищурился, приставил ладонь козырьком. – Что в той? – Он указал на одну из четырёх угловых цитаделей.

– Откуда мне знать! – Реслав поглядел туда же, силясь понять, что привлекло внимание друга. Башня как башня, ни выше, ни ниже остальных. Хотя...

Реслав бросил быстрый взгляд на три другие, сравнивая, и хмыкнул: окна западной башни были зарешечены.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент затрубили трубы и на обтянутом красным и зелёным помосте появился Михай Пелевешич с сыном и свитой. Был он стар, но шёл легко,

без посторонней помощи. Остановился, заложив большие пальцы рук за толстый богатый пояс, обвёл толпу суровым взглядом из-под кустистых бровей, ухмыльнулся. Сын его, Марек, был широкоплечий, высокий, с русой бородой, похожий на отца.

– Вольные горожане! – начал он. – Крепостной люд! Нынче знатный день – моему сыну исполняется двадцать пять!

Голос его оказался неожиданно громким и ничем не походил на старческий. Ему подали украшенный камнями кубок.

– Я пью за его здоровье!

Народ загомонил: «Долгие лета! Долгие!» Пелевешич осушил чашу, вытер ладонью длинные седые усы.

– А теперь, – объявил он, – выкатывайте бочки, несите снедь! Веселись, честной народ, пей, ешь до утра, кто сколько сможет! Это говорю я, Михай Пелевешич!

Раскрылись кухонные двери, наружу повалила челядь с подносами. Заиграли музыканты. Вышибли днища у бочек с вином. Пан Пелевешич удалился в замок – пировать дальше со своими.

Жуга тронул Реслава за плечо:

– Пойдём.

Реслав направился было вслед за Пелевешичем, но Жуга дёрнул его за рукав:

– Не туда, дурень! – и устремился к чёрному ходу.

Выбрав момент, когда поток людей с закусками прервался, они вошли, миновали кухню, где никто не обратил на них внимания, и поднялись по лестнице. Когда вышли в коридор, позади послышался топот, и их нагнал запыхавшийся Балаж.

– Погодите! Я с вами!

Жуга поморщился, но ничего не сказал, лишь сделал знак – молчи, мол. Сажек заворочался у него за пазухой, высунул голову. Жуга затолкал её обратно и двинулся по коридору к западной башне.

Реслав шёл следом, всеми печёнками ощущая нарастающую тревогу. Музыкантов они предупредили, что сидеть на одном месте не собираются. Олег же больше интересовался бочками с вином, чем прогулками по замку.

В коридоре царил полумрак, окна попадались изредка. В железных подставках торчали незажжённые факелы. Было тихо, лишь доносились со двора музыка и шум толпы да топал позади Балаж.

Внезапно коридор кончился. Жуга прислушался, отворил массивную дубовую дверь – та открылась тихо, без скрипа. Реслав колебался, перед тем как войти, – уж слишком легко им всё удавалось.

За дверью с небольшой площадки вилась узкая каменная лестница. Здесь было совсем темно. Жуга постоял, опёршись на посох, и двинулся вверх, нащупывая в темноте шербатые ступени. Через несколько минут томительного кружения все трое остановились перед обитой железом дверцей. В окошко, пробитое в стене, виднелись уходящие вдаль поля и извивы реки. Жуга потрогал толстые квадратные прутья оконной решётки, вытер ладонь о рубашку. Вделанные в стену, их концы белели свежим цементом.

– Недавно вставили, – прошептал Реслав, – года не прошло.

Жуга кивнул, указал посохом на дверь: здесь. Оттуда доносился приглушённый шум, шаги. Звякнуло стекло.

Реслав решительно не представлял, что там могло быть. Он стоял как на углях. Похоже, теперь их отделяла от цели только эта дверь, но что будет, когда они войдут? Да и надо ли входить?

Замка в двери не было. Жуга взялся за ручку, надавил потихоньку. Петли не скрипели. Через приоткрывшуюся щель потянуло сладким незнакомым ароматом. У Балажа засвербело

в носу, он поморщился, засопел. Жуга оглянулся, показал ему кулак: «Убью!» – открыл дверь и проскользнул внутрь, Реслав за ним. Балаж замер в нерешительности, торопливо перекрестился и полез следом.

Реслав выпрямился, оглядывая небольшое полукруглое помещение. Справа, у окна стоял стол, уставленный колбами, ретортами, ступками, фаянсовыми чашечками и разным другим алхимическим инвентарём. Книжная полка была забита множеством тяжёлых, переплетённых в кожу фолиантов. Посреди комнаты на полу стояла жаровня, где курились сизым дымком какие-то травы. Реслав вдруг почувствовал дурноту и ухватился за плечо стоявшего перед ним Жуги.

У камина, спиной к двери стоял смутно знакомый человек в просторном одеянии. Когда все вошли, он обернулся. Всколыхнулись полы длинной хламиды, мелькнула окладистая белая борода. Блеснули тёмные глаза из-под нахмуренных бровей.

– Тотлис! – успел ахнуть в изумлении Реслав и через мгновение провалился в темноту. За спиной его со стуком рухнул на пол Балаж.

* * *

Первой вернулась боль. Накатила волной, ударила в голову, налила свинцовой тяжестью руки. Реслав поморщился, открыл глаза. Огляделся.

Он находился всё в той же полукруглой комнате, куда они вошли вместе с Балажом и Жугой, стоял у стены с воздетыми руками: запястья, схваченные железными кольцами, цепями были прикованы к стене. Слева от него точно в такой же позе стоял Жуга, ещё дальше повис на цепях Балаж. Жуга, видно, тоже только что очнулся – тряс головой, моргал, сжимал и разжимал затёкшие пальцы. Посмотрел угрюмо на Реслава, ничего не сказал.

Реслав повернул голову.

За окном было темно. Горел огонь в камине. Справа на стене разгоняли тьму два факела. Там же находилась обитая железом дверь, через которую они вошли, прямо напротив – другая.

Перед ними стоял Тотлис.

– Очнулись, стало быть, – усмехнулся он, подошёл к столу, установил вертикально большой, в два локтя окружности диск, разукрашенный кривыми красными полосами, и завёл ключиком хитрый механизм. Диск закрутился неспешно, отвлекая внимание. Реслав почувствовал, что не может оторвать от него взгляда – стоило лишь посмотреть в сторону, как глаза неумолимо возвращались к мельканию красных полос. В жаровне по-прежнему тлели травы. Веки отяжелели от приторного дыма, диск крутился, мысли вяло ворочались в голове. Краем глаза Реслав заметил, как Жуга поднял голову.

Тотлис подошёл ближе.

– Итак, ты всё-таки явился, – произнёс маг. – Я ждал тебя. А ты упрям! Надеялся застать меня врасплох? Напрасно. Не спорю, ты действительно много узнал и многому научился, но что толку в этих знаниях! Ты помнишь, кто воскресил тебя? Думаешь, ты что-то значишь сам по себе?

Жуга молчал.

– Знаешь, кто ты? – усмехнулся Тотлис. – Ты кукла, марионетка, ведомая глупым, давно забытым божеством. И ты ещё во что-то веришь? Вот и сейчас ты пришёл сюда за женщиной, так? Тебя снедают пустые страсти, ты жаждешь любви, мести. Глупец! Отринь всё это! Ты думаешь, нашёл меня? Нет, это я сделал всё, чтоб привести тебя сюда!

Жуга молчал. Крутился, поскрипывая, красный круг. Реслав со страхом вдруг вспомнил слова Жуги, сказанные им на дубовой поляне: «Иначе ты не пришла бы ко мне в моём последнем сне». Тогда он думал, что речь идёт о сновидении этой ночи, но теперь Реслава пробрала дрожь. Последний сон!

Смерть.

Реслав раньше не мог взять в толк, как Жуга спасся от мести валашских горцев, но сейчас вдруг воочию представил, как била, навалившись, чужеродного паренька разъярённая толпа и как тот выкрикнул в отчаянии последний наговор, и эхо долго носило меж горных вершин его предсмертный крик.

Реслав закрыл глаза, но почти сразу открыл их вновь. Проклятый диск не давал сосредоточиться, хотелось смотреть и смотреть. Реслав облизал пересохшие губы, сглотнул. Язык ворочался во рту, словно ватный.

– Не смотри на всяких недоучек. – Тотлис махнул рукой на Реслава. Голос его мягко увещевал. – Я давно слежу за тобой. Ты – единственный, кто достоин быть моим учеником. Тебя слушаются птицы и звери, ты – чародей, владеющий тайной молитвой целебных трав – это от Бога! Но я, – голос его зазвенел торжествующе, – я, Тотлис-маг, познавший силу земли и минералов, сам выбираю себе богов! Именем твоим заклинаю тебя, Ваха-рыжий, иди со мной! *Кевата-риха!*

Воцарилось молчание, лишь потрескивали, догорая, поленья в камине. И вдруг... Жуга рассмеялся. Звякнул цепью, переступил с ноги на ногу.

– Так вот ты каков, Тотлис-маг! – тряхнув кудлатой головой, сказал он. – Складно врёшь! Верно, я помню, кто вернул меня *оттуда*. Но я ещё помню, как я попал *туда*. Дважды ты прикрывался мною, обдывая свои грязные делишки, – хрипло продолжал Жуга. – Мара, Ганна... Скольких ещё невинных девушек ты обескровил ради своего молодильного зелья, проклятый паук?! Видно, много платили тебе городские богачи!

Тотлис изменился в лице, побагровел, недоумённо покосился на крутящийся диск – Жуга вовсе не выглядел замороженным.

– Ты верно подгадал: скоры волохи на расправу... А только и я тогда верные слова нашёл, видно, и смерть вспять повернула. А кто мне помог, это не твоё собачье дело. Ты...

Тотлис вскинул руки, сплёл пальцы в решётку.

– Именем Малха, Вехеора и Аваса приказываю тебе, Ваха-рыжий, замолчи! – вскрикнул он.

– Ты дурак, Тотлис! – усмехнулся Жуга. – Думаешь, меня остановят эти травки и твой дурацкий зелёный кругляк? Смотри же! *Алахойста!* – крикнул он, и цепи, державшие его, со звоном лопнули.

Маг смотрел на него в немом изумлении. Жуга выпрямился – худой, страшный. Огонь из камина отбрасывал на стену его колышущуюся тень.

– Я не Ваха, – сказал он. – Когда-то меня и вправду звали Ваха-рыжий, но это имя умерло вместе со мной, а нового не знаю даже я сам. Я Жуга! Жуга! – Он взмахнул руками. Обрывки цепей взметнулись двумя серебристыми змеями.

Тотлис взвыл и кинулся вперёд.

– *Арета-эхистера!* – вскричал он, и Жугу отшвырнуло обратно к стене, ударило с такой силой, что он замешкался на миг и оглушённо затряс головой. Маг поднял руки, готовясь нанести решающий удар, но в этот миг – где только прятался? – выпрыгнул, налетел рыжий когтистый вихрь, вцепился Тотлису в лицо.

Сажек!

Маг вскрикнул и замахал руками, отбиваясь. Жуга меж тем поднялся, волоча обрывки цепей, встал, выпрямился. Из носа и ушей его текла кровь. Тень за его спиной, казалось, стала ещё больше, извивалась, дёргалась, взмахивая цепями.

– *Крул!* – вскричал Жуга. Котёнок метнулся в сторону, выглянул опасливо из-за стула. На лице Тотлиса отразился ужас – он не мог больше говорить!

Маг заметался, ринулся было к столу, где лежал короткий бронзовый меч, но руки Жуги уже взвились в диком танце, плетя невидимую сеть, цепи кружились вокруг него серебристым

куполом, расколотое звено чиркнуло по щеке, пустив бежать ещё одну струйку крови. Ещё несколько взмахов – и Тотлис мешком рухнул на пол, спелёнутый по рукам и ногам.

Жуга сжал кулаки. Пальцы его светились.

– Вот и всё, Тотлис-маг, – тяжело дыша, сказал он. – «Сам себе бог!» Тебе нечему меня учить. Ты разменял свой дар на менки, жалкий крохобор, ты никому больше не причинишь зла. Я, Ваха-рыжий, прошедший смерть, пляшущий в огне, именем твоим проклиная тебя – сгинь!

Жуга воздел руки и, как тогда, в горах, выкрикнул одно-единственное *слово*, потонувшее в грохоте камней. Пальцы его разжались.

Башня зашаталась, посыпалась штукатурка. Длинная трещина прошла по потолку, и огромный кусок комнаты вместе с камином, столом и лежащим на полу магом рухнул вниз.

Реслав разинул рот: башня замка раскололась пополам!

Некоторое время ещё катились камни, шуршала щёбёнка, затем шум стих. Вместо стены мерцало чистыми звёздами ночное небо. Реслав, Жуга и Балаж оказались стоящими на небольшой площадке меж двух дверей. Факелы погасли, воцарилась темнота.

Жуга опустил руки, стоя на краю. Молчал. Шли минуты.

Неожиданно в тёмном воздухе перед ним облачком за клубилась серебристая пыль, сложилась в неясный силуэт, замерцала.

– Ты пришёл, – хрипло сказал Жуга, – или мне это только кажется?

– *я здесь*, – подтвердил бесплотный голос.

Жуга постоял в молчании, улыбнулся криво.

– Ты с самого начала обманул меня, явившись в женском обличье, – сказал он. – Но теперь я знаю твоё имя. Ты – Амброзий, бог великого древнего народа с запада.

Пылинки заискрились ярче, и в воздухе у обрыва возникла фигура древнего старца в плаще, с посохом в руке. Белая борода ниспадала до пояса, в складках развевающейся одежды пряталась темнота.

– Да... Ты прав, – произнёс он. – Это одно из моих имён.

– Я больше ничего не должен тебе, – сказал Жуга. – Моё возвращение оплачено сполна.

– Это так. Хочешь теперь узнать своё имя?

Жуга помолчал.

– Нет, – наконец ответил он. – Узнать его от тебя – значит опять стать твоим должником. Придёт время, и я его узнаю сам. Скажи лишь, я угадал настоящее имя Тотлиса?

– Да. Его звали – *Рохобор*.

– Я найду Мару?

– Мара мертва.

Жуга вздрогнул, промолчал.

– Не хотелось верить, – проговорил он, – но раз так... Что ж, прощай.

– Прощай, – ответил старик. – Теперь тебе не нужна свирель, чтобы меня позвать. Сохрани её для других. Возможно, наши дороги ещё сойдутся... когда-нибудь...

Фигура его стала прозрачной, пыль рассеялась, и воцарилась тишина.

Древний бог ушёл.

* * *

Первым делом Жуга поднял и раздул факел, потом разыскал в одном из сундуков большие кусачки с длинными ручками, освободился от цепей, срезал наручники с Балажа и Реслава. Похлопал последнего по щекам, приводя в чувство. Тот застонал, открыл глаза.

– Давно он в обмороке? – спросил Жуга.

– Как загремело, он и откинулся, – сказал Реслав, потирая багровые ссадины на запястьях. Кивнул на вторую дверь. – Что там?

– Сейчас посмотрим.

Дверь оказалась незапертой. Вошли. Огонь осветил маленькую каморку с окном, белую фигуру на лежанке.

– Ганка! – ахнул Реслав, бросился вперёд. – Ганка, ты... Господи, Ганночка...

На девушке была лишь длинная белая рубашка без рукавов. Её густые длинные волосы маг обрезал. Руки Ганны покрывали шрамы и рубцы; на её бледном, измученном бесчисленными кровопусканиями лице блестели слезы.

– Жуга... – прошептала она. – Реслав... Реславка! Хлопчики... Пришли! Пришли... – упала Реславу на плечо, заплакала. Тот неловко обнял её, погладил по стриженной голове. – Он... он... – всхлипывала она.

– Всё прошло... – пробормотал Реслав. – Всё прошло... всё.

В каменную кладку стены было вделано кольцо, от которого к ноге девушки тянулась цепь. Жуга чертыхнулся, передал факел топтавшемуся позади Балажу, притащил кусачки и скусил заклёпку. Цепь со звоном упала на пол.

– Идём, – сказал он.

Идти Ганна не могла – слишком была слаба. Реслав поднял её на руки. Жуга отыскал Сажека, погладил, сунул за пазуху. Осторожно пройдя по узкому карнизу, оставшемуся от комнаты, вышли на лестницу.

– Но Тотлис-то, Тотлис! – покачал головой Реслав. – Каков гад! А я ещё в учениках у него ходил... Вот и верь после этого людям. Теперь начнётся кутерьма: богачи как мухи дохнуть будут.

– Пусть дохнут, – буркнул Жуга. – За всё приходится платить... Зато наследники обрадуются – заждались небось.

Снизу вдруг послышались шаги. Все остановились, напряжённо всматриваясь в темноту. Блеснул свет факела, из-за поворота показалась знакомая широкоплечая фигура.

– Олег!

– Ну, наконец-то! – вскричал тот, бросаясь навстречу. – Живы! А это кто? Эва! Девка немощная. Её искали, что ль?

– Её, – кивнул Реслав.

Олег сунул факел Жуге.

– Эх, бабы, бабы... Все беды из-за них. Дай-ка я...

Он осторожно подхватил Ганку, поднял её, словно пушинку, и понёс, не переставая говорить:

– Я весь замок обегал, вас разыскивая. Здесь вход завалило, еле раскидал... Чё гремело-то там?

– Так... сволочь одну прибили.

– Ничего себе – прибили! Вся халабуда вон раскололась вдребезги и пополам.

– А гости где?

– Смеёшься? – повернул голову Олег. – Едва башня рушиться начала, только их и видели!

Пан Пелевешич со всей челядью первый удрал. Один я только остался.

– Не забоялся?

– А чего мне бояться?

Жуга с Реславом переглянулись, усмехнулись понимающе.

За воротами обнаружилась беспризорная лошадь. Свели на двор, запрягли в одну из телег. Ганну уложили на свёрнутые одеяла, укутали теплее, принесли воды. Жуга отыскал в повозке музыкантов их котомки, побросал в телегу. Запасливый Олег пробежался вдоль столов, набил мешок снедью. Зачерпнул напоследок ковш из бочонка.

Двинулись в путь.

Ночь была прохладная, звёздная. Поскрипывали колёса. Олег вызвался править. Ганка лежала, глядя на Реслава, улыбалась грустно. Балаж молчал, насупившись: о нём все забыли. Жуга сидел сзади, глядя на удаляющийся замок, гладил задумчиво Сажека. Котёнок всё ещё вздрагивал, косился по сторонам, затем перелез через мешки и подобрался Ганке под руку.

– Ах! – удивилась та от неожиданности. – Кошка!

– Это кот, – с улыбкой поправил её Жуга.

– Как его зовут?

– Сажек.

– Сажек... – Она погладила котёнка. Тот замуркал, заурчал, свернулся у неё под боком.

Уснул.

Повозка проехала ещё несколько вёрст, и полуразрушенный замок словно страшный сон растворился в ночи.

* * *

Реслав проснулся затемно. На ночлег стали близ реки, от воды тянуло холодком. Над росистой травой стлался густой туман. Вдалеке куковала кукушка. Постель Жуги была пуста.

Реслав встал, прошёл мимо шалаша, который вчера соорудили для Ганки, чтоб не дуло, и направился к реке. Олег и Балаж спали, забравшись под телегу. Реслав прошагал ещё немного, и вскоре впереди замаячил неясный серый силуэт человека.

Жуга сидел на берегу, скрестив ноги, смотрел на бегущую воду.

– Ты, Реслав? – спросил он, слышав шаги.

– Я. – Реслав сел рядом, помолчал. – Чего не спишь?

– Кукушку слушаю, – отозвался травник.

– Ну и сколько накуковала?

– Считать устал. Как там Ганка? Спит?

– Спит.

Жуга вытащил из воды котелок с остывшим отваром:

– Я тут ей приготовил... чтобы силы поддержать.

Помолчали.

– Я, Жуга, вот что тебе хочу сказать, – начал наконец Реслав. – Наговоры твои... в общем... цвет...

– Я знаю, – кивнул Жуга. – Я не различаю красное и зелёное. Мне многому придётся учиться заново. А ты, Реслав, по-прежнему думаешь магию изучать?

Реслав задумался.

– Не знаю. Хочется, конечно, но как вспомню Тотлиса, так прямо оторопь берёт. Столько лет учиться, чтобы потом превратиться в такое вот. Хотя, может, он и раньше был такой. Подлец – он и без магии подлец. Знаешь, Олег с утра в Марген собирается.

– А вы? – спросил Жуга.

Реслав потупился:

– В Чедовуху, наверное... А ты разве нет?

Жуга помолчал.

– Знаешь, Реслав, – наконец сказал он. – Меня ведь что раньше погоняло? Ненависть, злоба... месть. А теперь всё ушло. Мары больше нет... Пусто как-то. Я ведь даже имени своего не знаю, так, прозвище – Жуга. – Он подёргал себя за волосы. – Только жизнь и осталась, а я... не знаю, что с ней делать. Дорог на свете много, попробую отыскать свою.

– А как же...

– Ганка спит? – перебил его Жуга.

– Спит... – растерянно ответил Реслав.

– Так вот, сделай всё, чтобы она спокойно спала. Любит она тебя, понял, дурень? Так-то. Кукушка неожиданно смолкла. Жуга мотнул вихрастой головой, засмеялся тихо.

– Чего смеёшься? – набычился Реслав.

– Я уж думал, не остановится она. Ишь сколько накуковала. Ну, пойдём, Реслав, – солнце встаёт.

* * *

После завтрака Олег запряг лошадь, выехал на дорогу. За лесом уже виднелись островерхие шпили Маргена.

– Ну, прощаться будем? – подытожил он. – Пора мне. Лошадь я верну, знаю я её – Витольда-рябого кобыла. Кто со мной в Марген?

Реслав пожал плечами, посмотрел на Ганну. Та уже была не так бледна, как раньше, улыбалась. Если бы не рубашка ниже колен да чересчур заметная грудь, коротко стриженную Ганку можно было принять за мальчишку.

– Езжай, – сказала она. Подошла, взяла Олега за руку. – Спасибо тебе. Будешь в Чедовухе – заходи. Отца моего Довбушем зовут.

Олег замялся, засопел. Проворчал: «Эх, бабы...», залез на телегу, тронул вожжи. Помахал рукой: «Прощайте!» – и вскоре скрылся за поворотом.

– Чай, и нам в путь пора, – сказал Балаж.

Ганна молчала. Подняла руку к плечу, по привычке поискала косу. Покосилась на Жугу. Тот улынулся.

– Реслав?

Реслав замялся, потупился неловко.

– Я... это... – Он посмотрел на Ганну, покраснел. – Может, всё-таки пойдёшь с нами в деревню, а, Жуга? Довбуша проведем. Пошли, а?

Жуга помолчал.

– Ты иди, Реслав, – наконец сказал он, – а мне там делать нечего. И в горы возвращаться тоже не хочу. Довбушу мой поклон. Пусть не сердчает на меня.

Повисло неловкое молчание.

– Куда ж ты теперь?

Жуга пожал плечами.

– Куда-нибудь. Голова да руки везде пригодятся. – Он полез за пазуху, вытащил Сажека. Протянул Ганке. – Возьми, Ганна. Он хороший. Пусть живёт у... – Он поглядел на Реслава и закончил: – ...У вас.

Ганна потупилась смущённо, зарделась. Посмотрела на Реслава, улыбнулась:

– Спасибо, Жуга...

Балаж молчал. Выражение лица у него было самое кислое.

– Тут, неподалёку, город есть, – сказал после недолгого молчания Реслав. – Вечно с его жителями что-то приключается. Может, там для тебя дело найдётся?

– Может быть. Как он называется?

– Гаммельн.

Жуга покивал задумчиво, посмотрел вдаль.

– Пожалуй, я загляну туда.

– Прощай, друг, – сказал Реслав. – Я не забуду, как мы вместе ходили по углям. Может, ещё свидимся.

– Прощай, Реслав. Счастья тебе. И тебе, Ганна. Да и тебе, Балаж, тоже.

Жуга повернулся и зашагал вдоль по дороге. Остановился, поднял на руке посох, размахнулся, забросил его в кусты и пошёл дальше, уже не останавливаясь.

Он всё шёл и шёл, а двое парней и девушка всё стояли и молча смотрели ему вслед, пока его нескладная фигура не скрылась вдали.

Оправа: Говорящий

2

Медведь повернул к травнику перемазанную земляничным соком морду. Фыркнул.

«И это всё? Ты просто повернулся и ушёл?»

Жуга пожал плечами.

– Нет. Конечно нет. Но как я мог остаться? Для чего?

«Вы, люди, вечно ищете, как обмануть природу, – задумчиво проговорил медведь. – И эти ваши глупые самки тоже... А этого колдуна из старой баини я знаю».

– Ты хотел сказать – знал?

«Ах-р! – вздыбился медведь. – Знал, знаю, буду знать – какая разница?! В конце концов, совсем не в этом дело... Тот, кто помог тебе вернуться в мир, мог разъяснить и остальное. Глупая человеческая гордость! Почему ты отказался?»

Травник промолчал, и зверь успокоился так же внезапно, как и разъярился.

«Ну ладно, – проворчал он. – Что там было после?»

Три слепых мышонка

Вывеска была яркая и большая.

На серой каменной стене она сразу бросалась в глаза, заметно выделяясь из череды грубых жестяных бочонков, сапог, кренделей и колбас, коих множество висело над дверями прочих лавочек и мастерских. Чувствовалось, что хозяин не поскупился и нанял умелого рисовальщика: на жёлтом фоне в прихотливом обрамлении зелёных листьев полукругом изгибались красные готические буквы.

Надпись гласила:

*IOGANN GOTLIB
FARMACIVS*

В правом нижнем углу была нарисована медная ступка с пестиком, в левом – стеклянный флакончик. Подойдя ближе, можно было прочесть написанное мелкими буквами: «Мази, эликсиры, порошки, настойки и другие целебные снадобья по доступным ценам. С разрешения муниципалитета города Гаммельна».

И всё.

Что тут непонятного?

Господин Иоганн Кристиан Готлиб, главный аптекарь города, сидел в большом кожаном кресле и задумчиво смотрел в окно, уже битых полчаса наблюдая, как странного вида паренёк на той стороне улицы рассматривает его вывеску. То был высокий, нескладный малый лет двадцати, с копной взъерошенных рыжих волос, ничем особо не примечательный, правда, может быть, несколько мрачноватый для своего возраста. Впрочем, последнее легко было объяснить: на улице шёл дождь.

Даже не дождь, а холодный осенний ливень, вымывающий из городских стен последние остатки летнего тепла. Небо заволокло тучами от края и до края. Тяжёлые как свинец капли с тупым упорством долбили черепицу крыш, плясали мелкими брызгами, потоками низвергались в жерла водосточных труб, чтоб вырваться из жестяного плена далеко вниз и бежать, бежать вдоль по улицам холодными бурлящими ручьями...

Стояла осень, тот период между октябрём и ноябрём, когда уходящее лето ещё может на прощание подарить пару тёплых дней, но обманывать себя становится всё труднее, да и нет уже бодрящей утренней свежести, лишь висит в воздухе промозглая осенняя сырость да пахнет прелой листвой.

Осень – это такая пора, когда чешутся и болят старые раны, ноют суставы и выползает невесть откуда застарелый ревматизм, а уж о простуде и говорить нечего: каждый второй кашляет и чихает. В такие дни в аптеке у Готлиба обычно не бывало отбою от покупателей, но сегодняшний ливень отпугнул, кажется, всех. Редкие прохожие кутались в тяжёлые намокшие плащи и шли быстро, чуть ли не бегом, и лишь рыжий паренёк напротив аптеки был недвижим, стоял, о чём-то размышляя.

Часы на городской ратуше пробили половину шестого. Иоганн Готлиб покосился на камин, где догорали последние угольки, вздохнул и плотнее запахнул подбитую мехом накидку – его знобило. Аптекарь было пятьдесят восемь, а это не такой возраст, когда организм способен сам себя обогреть, да так, что можно даже стоять на улице под проливным дождём...

Да что он торчит там, у стены, словно привязанный?

Готлиб заёрзал, устраиваясь поудобнее в скрипучем кресле, и в этот момент незнакомец, словно услышав его мысли, вдруг перешёл улицу и направился к дверям аптеки.

Звякнул колокольчик.

Господин Готлиб встал, неторопливо спустился по лестнице и сам открыл дверь – прислуги у него не было, лишь приходила готовить и прибирать престарелая фрау Марта.

За дверью было сыро и холодно.

– Добрый день.

Стоявший на пороге юноша был на полголовы выше старого аптекаря. Яркие голубые глаза смотрели цепко и внимательно. У правого виска белел узкий рваный шрам. Одежда его была мокра, с волос капало.

– Добрый день, – с лёгкой улыбкой согласился Иоганн Готлиб, хотя по всему было видно, что день сегодня выдался хуже некуда. – Чем могу служить, молодой человек?

Юноша остался серьёзным, лишь переступил неуверенно и снова покосился на вывеску.

– Мне сказали, – медленно выговаривая слова, произнёс он, – что здесь живёт господин Готлиб, городской знахарь. Это так?

Готлиб кивнул с медлительной важностью.

– Да, это я. Но я не знахарь, юноша, я служу фармации именем Господа и науки. Среди моих клиентов много городских вельмож и даже сам граф фон Оппенгейн... Мне показалось, ты долго раздумывал, прежде чем постучаться. Тебя смутила моя вывеска?

– Я плохо умею читать, – хмуро признался паренёк. – Да ещё эти рогатые буквы...

– Вот как? – Готлиб поднял бровь. – Думаю, в любом случае трудно пройти мимо такой яркой надписи.

Паренёк замялся смущённо.

– Видите ли... э-э... – Он замешкался, провёл рукой по мокрым волосам. Стряхнул с ладони холодные капли. – Как бы это сказать... В общем...

Аптекарь умоляюще воздел руки:

– Довольно. Довольно, юноша. Кажется, я совсем тебя запутал... У тебя, наверное, дело ко мне?

– Да, я...

– Пройдём в дом. Мои кости уже не те, что раньше, и не выносят такой сырости, да и ты слишком долго пробыл под дождём, чтобы нормально соображать.

– Спасибо, – сказал гость, перешагивая через порог. – По правде сказать, я люблю дождь.

– Неужели? – Иоганн Готлиб закрыл за ним дверь. – Ха-ха! Кто бы мог подумать... Многие говорят, что любят дождь, сидя при этом у зажжённого камина, но я впервые встречаю человека, который признался в этом, промокнув предварительно до нитки... Поднимайся.

Сейчас, когда между ними не было запотевшего стекла, господин Готлиб смог лучше рассмотреть своего неожиданного гостя.

Теперь аптекарь понял, что первое впечатление его обмануло: юноша был не столь уж высок, как казалось, но странное сочетание худобы и угловатости создавало иллюзию большого роста. Резкие черты лица и шрам на виске слегка старили его; рыжие всклокоченные волосы и пух на подбородке, наоборот, делали моложе. Одежда и чересчур мягкое произношение выдавали в нём южанина, а лёгкая походка – уроженца гор. Э, да он хромает!

«Сколько же ему лет?» – неожиданно для самого себя задумался вдруг Готлиб и понял, что не может пока ответить на этот вопрос.

Он опустил в своё любимое кресло и указал рукой на стул:

– Присаживайся.

– Благодарю. – Гость подошёл к камину и протянул руки к огню. – Я тут постою.

Потухшие угольки вдруг замерцали трепетными язычками, бросая в комнату бледные отсветы. За окном постепенно темнело.

– Огонь ты тоже любишь? – спросил аптекарь.

– Огонь? – Парень пожал плечами. – Наверное... А что?

С промокших рукавов его рубашки поднимался пар.

Готлиб уселся поудобнее и вытащил из футляра гусиное перо.

– Ну-с, зачем ты хотел меня видеть?

Парень поднял взгляд.

– Я только вчера пришёл в Гаммельн... – сказал он, разминая озябшие пальцы.

– На заработки?

– Нет, по делу. Но денег у меня и вправду нет.

Аптекарь нахмурился:

– А при чём здесь я?

– Вы ведь знахарь?

– Фармациус! – недовольно поправил Готлиб.

– Да... э-э... фар-ма-цевс. – Паренёк с трудом повторил незнакомое слово и сбросил на пол слегка подмокший заплечный мешок. – У меня здесь травы. Редкие. С гор. А мне нужны деньги. Вот...

Старик заинтересованно подался вперёд.

– Почему ты думаешь, что я их куплю? – спросил он.

Тот пожал плечами и вместо ответа развязал мешок. На стол высыпались многочисленные свёртки, пучки трав и корней. Их было столько, что некоторые упали на пол.

У Готлиба перехватило дыхание. Если бы из мешка незнакомца хлынул золотой песок, аптекарь бы удивился меньше: мало того что это были редкие травы – это были очень редкие, вдобавок прекрасно собранные травы! Некоторое время он перебирал тонкими старческими пальцами сухую зелёную россыпь, поднося к самому лицу пучок за пучком, и не верил своим глазам. Карагана и бризалис! Бевисса! Адонис! А этот липкий комок... неужели... горный воск?!

Пришелец терпеливо ждал ответа.

– Откуда это у вас? – срывающимся голосом спросил аптекарь, невольно переходя на «вы». – Кто вам это дал?!

Рыжий парень пожал плечами:

– Никто. Я собирал сам.

– Молодой человек, да у вас талант! Кто вас учил?

– Дед Вазах, – хмуро сказал юноша. – Так вы купите их?

Иоганн Готлиб осторожно отложил в сторону связку корней и задумался.

– У меня есть другое предложение, – сказал он. – Травы эти я, конечно, куплю, но если ты и вправду так сведущ в этом деле, может, ты согласишься стать на время моим помощником? Скажем, на месяц. Осень – слишком напряжённая пора, и сам я не справляюсь, годы мои уже не те.

– Если так, сколько вы будете мне платить? – помолчав, спросил он.

«Головастый парень, – подумалось Готлибу. – Другому предложи – запрыгал бы от радости, а этот сразу о деньгах. Такого на мякине не проведёшь».

– Ну... – Готлиб откинулся на спинку кресла. – Талер в неделю тебя устроит? Жильё, правда, подыщешь себе сам.

– Согласен, – поколебавшись, ответил тот.

– Что ж. – Аптекарь глянул в окно. – Уже стемнело. Ночуй сегодня у меня, вон в той комнате.

– Хорошо, – кивнул юноша и направился к дверям.

Старик нахмурился, мучительно припоминая, и вдруг прищёлкнул пальцами:

– Чуть не забыл! Как твоё имя?

Парень обернулся.

– Зовите меня Жуга.

– Э-ээ... Шуга? – переспросил аптекарь. – Или... Зуга?

Паренёк впервые за весь вечер усмехнулся.

– Нет, – сказал он, – просто Жуга. Жу-га.

Дверь за ним закрылась.

* * *

Серое на чёрном. Чёрное на сером. Шорохи в ночи.

Пробуждение: вода, вода!!!

Быстро, бегом, вприпрыжку по холодным камням озябшими лапками – выше, выше-выше! – сквозь узкий извилистый лаз, где стены щекочут кончики усов запахом мокрой земли...

Куда теперь? Туда!

Неровный камень высоких серых ступеней – здесь тепло – расшатанные доски – здесь недавно кто-то пробежал... выше... когда-то...

Пустота, большая-большая пустота! Дышащая темнота запахов – много-много... Здесь кто-то есть – спит, – в воздухе разлито лёгкое дыхание, ветер холодит мокрую шёрстку, в нос попала во... во...

– Чхи!

!!!!!!

Нет, всё тихо...

Чёрное на сером неровной горой.

Из угла в угол вдоль стен, из угла в угол – туда, откуда вкусный запах гречки. Поддаётся с лёгким треском под натиском острых зубов мягкая ткань. Сухой шорох крупы, и сразу – скрип над головой...

!!!!!!

...Скорее прочь! ско...

Спящий повернулся на другой бок, хмыкнув недоумённо: странный сон!

Лёгкая серая тень метнулась в угол, нырнула в щель меж двух покоробленных досок. Послышался мягкий drobный топоток, и всё стихло.

На сером полу, возле разодранной котомки чернела ровной горкой рассыпанная крупа.

* * *

Утро следующего дня выдалось неожиданно тёплым и солнечным. Умытый дождём, город уже не казался таким мрачным, как вчера, сиял белёными стенами ладных двухэтажных домов, водил хороводы красных черепичных крыш, увенчанных фигурной чудью кованых железных флюгеров, и даже серые камни мостовой, казалось, стали чище и ровнее. Повеселевшие жители высыпали на улицы, спеша по своим делам. Хозяйки распахивали окна, проветривали толстые полосатые тюфяки. В прозрачном воздухе тёплой метелью кружился пух.

Узкие улочки Гаммельна сплетались в каменную сеть, пересекались и сходились под самыми немыслимыми углами, часто заканчиваясь тупиком, и по прошествии трёх часов Жуга окончательно заблудился. Он оплошал с самого начала, взяв за ориентир тонкий, царапающий небо шпиль, долго кружил по городу, надеясь выйти к ратуше, и лишь когда дома расступились широкой площадью, понял, что ошибся: прямо перед ним, заслоняя прочие здания, высилась чёрная громада собора.

– Вот незадача...

Жуга остановился и огляделся.

Собор был единственным строением на площади. Угловатый, острый, словно рыба кость, он подавлял своим непонятным, вывернутым наизнанку величием. Малое рядом с ним казалось ничтожным, большое – болезненно раздутым. Взирая на мир узкими провалами стрельчатых окон, он стоял здесь, словно монах-аскет в чёрной рясе, сурово сжав каменные челюсти балконов, воздев к небу сухой указующий перст ребристого шпиля.

Сейчас старое здание подновляли – фасад собора оплетали строительные леса. Похожие издали на муравьёв, на высоте работали каменщики. Внизу, близ дверей неровной грудой лежали кирпичи, доски и была насыпана большая, в рост человека, куча песка, на которой резвились ребятишки. Они гонялись друг за дружкой, скатывались, хохоча, с её вершины, прыгали и толкались. Ещё можно было различить развалины песочного городка.

Наверное, правду говорят, что города похожи друг на друга. «Побываешь в одном, считаешь, что повидал все», – говаривал Жуге друг его Реслав. Где-то он теперь?

Жуга никак не мог привыкнуть к булыжной мостовой. Ноги болели. Со всех сторон доносились чуждая слуху жёсткая немецкая речь. Он прислонился к стене, соображая, куда идти теперь. Спрашивать дорогу у прохожих не хотелось.

Ребятишки у песочной горы вдруг загалдели, сбились стайкою, завидев двух мальчишек лет шести-семи и девочку помладше. Донеслась весёлая не то считалка, не то дразнилка:

*Мчатся три слепых мышонка
За фермершей следом, которая им
Хвосты отрубила ножом пребольшим.
А ты смог бы выглядеть храбрым таким,
Как эти три глупых мышонка?⁴*

Жуга горько улынулся.

⁴ Стихи из сборника английской народной поэзии «Рифмы матушки Гусыни» в переводе автора.

* * *

Часы на далёкой теперь ратуше пробили полдень, и вдруг за стенами собора ожили, залились торжественно соборные колокола. Их было такое множество и выводили они столь чистую и сложную мелодию, что Жуга не заметил, как ноги сами понесли его напрямик к собору.

Под высокими стрельчатыми сводами было темно.

– Есть тут кто? – окликнул он. Никто не отозвался, и Жуга осторожно двинулся вперёд меж длинных, рядами стоящих скамеек.

Кафедра была пуста. У высокого, украшенного резьбой и позолотой алтаря тоже не было никого. Жуга поднялся по лестнице, прошёл наугад по коридору и неожиданно очутился в маленькой светлой комнатке с покатым сводчатым потолком. У стены на стуле сидел невысокий длинноволосый паренёк. Он играл. Прямо перед ним из стены двумя рядами торчали гладкие деревянные рукоятки, и когда его кулак ударял по одной из них, высоко под сводами собора отзывалась колокольная бронза. Жуга замер в изумлении: всем этим трезвоном управлял один человек!

Увлечённый своей музыкой, паренёк ничего не замечал. Жуга стоял тихо и, лишь когда колокола смолкли, решился заговорить.

– День добрый.

Юноша вздрогнул от неожиданности, обернулся.

– Здравствуй. – Он смерил вошедшего взглядом и нерешительно потёр бритый подбородок. – Ты как сюда попал?

– Дверь была открыта, – пожал плечами Жуга и, в свою очередь, оглядел нового знакомого.

Это был невысокий худощавый парень лет двадцати, одетый в серый немецкий полукафтан, который здесь называли «волком», короткие штаны, полосатые вязаные чулки и поношенные кожаные башмаки с пряжками. Настороженный взгляд карих глаз, усыпанное веснушками лицо. Одно плечо было выше другого. При разговоре паренёк слегка шепелявил.

– Как звать тебя, звонарь?

– Яцек.

– А меня – Жуга. Что-то не похож ты на немца, Яцек.

Тот кивнул в ответ:

– Так ведь и ты, я вижу, нездешний. Я из-под Кракова родом. Там вырос, там и играть учился, а год назад сюда перебрался, они как раз звонаря искали. А карильон тут, между прочим, знатный!

– Кто? – удивлённо переспросил Жуга. – Ка... кариллон?

– Ну да. – Яцек кивнул и повёл рукою вдоль стены. – Вот вся эта штука, инструмент колокольный, карильон зовётся. А ты откуда будешь?

– С гор я, – ответил Жуга и, подумав, добавил: – С Хоратских.

– О... далековато, – признал Яцек. – А в Гаммельне что делаешь?

– Бургомистра мне повидать надо. Ратушу я искал, да вот заплутал малость. Народ здесь, кого ни спроси, один дольше другого объясняют, куда идти да как... А я и половины слов не понимаю.

– Да? А я привык уже. – Яцек встал, подошёл к стене и отворил низкую неприметную дверь. – Идём, кое-что покажу.

– Спасибо, мне уже пора, – засобирався Жуга.

– Брось, – отмахнулся тот, – всё равно бургомистра сейчас не застать – он только до полудня в ратуше бывает, и то не каждый день. Как там тебя... Жуга? Пошли.

Жуга усмехнулся.

– Чего смешного? – не понял Яцек.

– Да так... Ты, верно, первый здесь, кто моё имя повторил.

– А! – рассмеялся звонарь. – Твоя правда – не могут немцы «Ж» произнести... А может, не хотят.

– А что там?

– Увидишь.

Согнувшись, новоиспечённые приятели пролезли в дверь и оказались с другой стороны стены. Здесь было пыльно. Стройными рядами уходили кверху тонкие, туго натянутые верёвки. Вдоль стены висела ветхая деревянная лестница. В углах грязными лоскутьями висела паутина. Вслед за Яцеком Жуга поднялся под самую крышу собора, где на массивных потолочных балках разместились всяческих размеров колокола. Самый маленький можно было поднять одной рукой, самый большой весил, должно быть, пудов двадцать. Соединённые в хитрую систему из колёсиков и рычагов, близ каждого колокола замерли маленькие бронзовые молоточки.

Яцек прошёлся по чердаку, поглаживая их ладонью.

– Вот так тут всё и устроено. – Он повернулся к Жуге. – У каждого колокола свой тон. Рычаги тянут за верёвки, а те двигают молоточки. – Он постучал ногтем по массивной бронзовой юбке ближайшего колокола, и тот откликнулся еле слышным звоном.

– Слышал, как звучит? – Яцек многозначительно посмотрел на Жугу. – Из Малина колокола⁵.

– Хитро придумано, – оценил тот. – А ну как верёвка оборвётся?

– Заменим.

Яцек открыл ещё одну дверь, и оба вышли на узкий, засиженный голубями балкон. Выше была только крыша, и каменщики ещё не добрались сюда со своими лесами. Гаммельн отсюда был как на ладони. Жуга огляделся и сразу увидел справа городскую ратушу.

– Понятно, – хмуро кивнул он. – Стало быть, не туда я свернул. А дом аптекаря Иоганна Готлиба где?

Яцек указал рукой:

– Вон тот, с белой трубой. А зачем тебе Готлиб?

– Работать я к нему нанялся, – нехотя пояснил Жуга. – Помощником, на время.

– Ты? – Яцек посмотрел на него с невольным уважением. – А не врёшь?

Жуга пожал плечами:

– Зачем мне врать?

– А живёшь где?

– Нигде пока. – Он ещё раз осмотрел окрестности, запоминая всё, вздохнул и отвернулся. – Ладно, пошли вниз. Спасибо, что город показал.

– Да не за что, – сказал Яцек, спускаясь. Старые ступени скрипели под ногами. – Всё равно Гаммельн не сверху – изнутри смотреть надо... Ты куда сейчас?

– Я? Не знаю. – Жуга пригладил ладонью растрёпанные рыжие волосы. – Я не думал ещё.

– Я сейчас свободен. Если хочешь, пошли покажу, где тут можно еды подешевле купить. Деньги у тебя есть?

– Есть немного.

⁵ Город Малин (Мехелен) в Бельгии в Средние века славился своими колоколами. Отсюда, кстати говоря, и пошло выражение «малиновый звон». Лучшие карильоны изготавливали там.

* * *

На улице было светло. В куче песка подле входа по-прежнему играли дети. Жуга шурился после соборного полумрака, моргал часто.

– Куда теперь? – спросил он.

– Направо, – ответил Яцек. – Там сперва будет...

Что именно там будет, он не досказал: деревянные подпоры неожиданно затрещали, и высокие леса у левого крыла собора угрожающе зашатались. «Берегись! – донёсся сверху заполошный крик. – В сторону! В сторону!!!» Яцек поспешно рванулся обратно под прочные своды и потянул за собой Жугу.

Ребятишки бросились врассыпную, убегая со всех ног, и лишь одна девчушка лет пяти осталась стоять, глядячи заворожённо, как заваливается набок угловатая, неровно сбитаая громадина строительных лесов.

Жуга вскинулся запоздало.

– Беги! – крикнул он ей. – Да беги же!!! – и через миг осознал, что она его просто *не понимает*. – Ах, чёрт!.. Дапусти ты! – Он вырвал у Яцека из рук полу рубашки и бросился вперёд.

– Куда?! – ахнул Яцек. – Стой, дурак! Убьёшься!!!

Было ясно, что он не успеет: леса уж не заваливались боле – падали, словно гигантский кулак, готовый прихлопнуть двух мошек, большую и малую. И вдруг... Яцек даже не успел понять, что произошло: Жуга вскинул руки, крикнул на бегу, и воцарилась тишина. Яцек не мог поверить своим глазам: леса зависли под самым нелепым углом, застыли внезапно, в одно мгновение.

Жуга, хромая, поравнялся с кучей песка, подхватил девочку на руки и побежал дальше, отягощённый драгоценной ношей, не останавливаясь и не оглядываясь, как бегут последний раз в жизни.

И тут невидимая подпорка не выдержала!

Тяжёлые балки с треском и грохотом рухнули туда, где ещё мгновение назад были девочка и рыжий паренёк. Пыль, щепки, мусор и песок взвились столбом, длинный брус ударил бегущего под колени, сбил с ног. Жуга упал, прокатился по мостовой и остался лежать неподвижно.

Со всех сторон бежали люди. Яцек стряхнул оцепенение и тоже поспешил туда.

Жуга лежал, тяжело дыша, крепко прижимая к себе девочку. Из разбитого носа его текла кровь. Завидев Яцека, он кивнул и попытался сесть.

– Ты цел? – обеспокоенно спросил звонарь.

– Вроде... – прохрипел Жуга, откашлялся, сел и поморщился. – Нога вот только...

Он осторожно поставил девочку на ноги, отряхнул на ней простое саржевое платице. Хмуρο оглядел растерянные, бледные лица столпившихся вокруг горожан.

– Чей ребёнок?

Люди молчали. Жуга уже хотел повторить свой вопрос, но вовремя сообразил, что его опять не понимают.

– Чья девочка? – коверкая слова, спросил он по-немецки.

– Это Магда, – дрожащим голосом сказала какая-то женщина, – прачки Анны-Марии дочка... Господи боже! Давайте я отведу её домой.

Жуга встал, поморщился, ступив на больную ногу. Поглядел на обломки лесов. Девочка стояла рядом, доверчиво держа его за руку тёплой ладошкой, не хотела отпускать.

– Хорошо, – кивнул он.

Девочку увели. Люди потихоньку расходились, обсуждая происшествие, и вскоре на площади остались только Яцек и Жуга.

– У тебя кровь течёт, – сказал Яцек.

– Да? – Жуга осторожно потрогал распухший нос. – А, верно... Тут есть где умыться? Колодец какой-нибудь там...

– Вот что, – предложил Яцек. – Я тут неподалёку живу, вон в том доме. Пошли ко мне. Тебе всё равно пока идти некуда.

Жуга помолчал, задумчиво глядя на испачканные кровью пальцы. Кивнул.

– Что ж, пошли, пожалуй.

* * *

Яцек обитал под крышей высокого каменного дома, что принадлежал вдове пекаря Эриха Мютцеля, Гертруде Мютцель. Сама хозяйка, дородная женщина почтенных лет, занимала второй этаж. Третий этаж и мансарды сдавались внаём. Внизу была пекарня. Яцек и Жуга вошли и поднялись наверх.

– Садись. – Яцек кивнул в сторону кровати и потащил с полки большой фаянсовый кувшин. – Я сейчас за водой сбегая.

Жуга сел и огляделся.

Низкая, но довольно длинная комната, где двух стен не было вовсе – лишь скошенный на угол потолок, – была обставлена просто: стол, стул, застеленная одеялом шаткая кровать, шкаф для одежды и большой, окованный железными полосами сундук с пожитками. В углу, на колченогой табуретке примостился таз для умывания. На столе, в закапанной воском бутылки торчал огарок свечи. Справа углом выпирала из стены печная труба. Окно вело на крышу.

– Я и не знал, что на чердаке можно жить, – сказал Жуга, когда Яцек вернулся. – Сколько ты платишь хозяйке?

– За мансарду? – Яцек поставил кувшин на стол и вытер руки о штаны. – Талер в месяц.

– Ну, это не деньги...

– Так ведь и это не жильё, – грустно улыбнулся тот. – Летом жарко, зимой холодно, если только печь в пекарне не топят. Готовить, опять же, нигде.

Жуга стянул рубаху, нагнулся над тазом, подставил сложенные лодочкой ладони: «Лей». Долго, фыркая, умывался, вытерся протянутым полотенцем. Вода в тазу порозовела.

Яцек во все глаза смотрел на спину Жуги, где изгибался неровной дугой рваный белый шрам.

– Это откуда?

Жуга поморщился, отмахнулся досадливо:

– Дело прошлое... Скажи-ка лучше, где в Гаммельне жильё подешевле найти можно?

– Надолго? – оживился Яцек.

– Не знаю. – Жуга пожал плечами. – На месяц-другой.

Яцек потёр подбородок, оглядел мансарду.

– Если хочешь, живи пока у меня. Платить за комнату вдвое меньше, а кровать вторую у хозяйки попросим. Вещи твои где?

– Да мешок у меня только, в аптеке у Готлиба остался. – Жуга подошёл к окну, выглянул наружу. – Подумать надо.

– Скажи, Жуга, – неуверенно начал Яцек. – А... что такое с лесами сделалось, когда ты за девчонкой побежал? Это что, колдовство?

Жуга промолчал, глядя в сторону.

– Чего молчишь? Я же видел...

Тот опять ничего не ответил.

В дверь постучали, и Яцек пошёл открывать.

На пороге стоял тощий, перепачканный сажей паренёк с витым горячим штройзелем под мышкой, блестел озорно глазами.

– День добрый, Яцек! Видел, что на площади стряслось?

– А, здравствуй. Видел, конечно. А что?

– Ну так я сейчас Дитриха встретил, он там работал. Знаешь, отчего леса грохнулись? Крысы верёвки сгрызли! – Парень отломил от булки кусок и отправил его в рот. – Каково, а? Мне они тоже осточертели – каждый день в дымоходах застревают. Смотри, погрызут верёвки у твоих колоколов, как звонить будешь? Ну, пока! Заходи как-нибудь.

Яцек закрыл дверь, обернулся.

– Это Гюнтер, трубочист. Он тут вот, за стенкой живёт. Так ты как насчёт жилья?

Жуга покивал задумчиво, поднял голову.

– Так, говоришь, кровать хозяйка даст?

* * *

Серое на чёрном.

Удар!!!

Больно, больно, больно!

Назад, не чуя ног, по длинной полке, мимо вкусных мягких кругов, успев отгрызть один лишь кусочек, к спасительной темноте холодной ночи...

Шелест материи. Запах сосновой палки. Серая тень.

Прыг вправо! Влево! Гулкий стук дерева об пол, истошный женский визг – больно ушам, – но путь открыт! За дверь, где серая луна на чёрном небе. Болит отбитый бок. Бегом-бегом, вдоль по улице, выгибая горбатую спинку, сжимая в острых зубах душистую хлебную мякоть – еда! еда! – се...

Жуга открыл глаза. Долго лежал не шевелясь, затем встал и подошёл к окну мансарды.

В комнате было тихо. Повернувшись на бок, мирно сопел на своей кровати Яцек. С улицы тянуло холодком. Город окутала туманная осенняя ночь. Таяли во мраке жёлтые цепочки фонарей.

Жуга сел, закутался в одеяло и задумался.

Вторая ночь в городе – и снова этот непонятный сон. Почему мир в нём видишь снизу, от самой земли? Почему вокруг море запахов и звуков, но всего один цвет? Почему в сердце всё время сидит щемящее до боли чувство страха?

Почему, почему, почему?!

Жуга помотал головой. Наваждение какое-то!

Так и не растолковав странное видение, он лёг и долго ворочался, пока снова не заснул. Ему снился лес.

* * *

*Три слепых мышонка,
Три слепых мышонка —
Как они бегут,
Как они бегут!*

Дурашливая эта песенка летела ввысь из глубины городских улиц, звенела детскими головами, словно напоминая, что уже утро и пора вставать. В узкое окно мансарды лился потоками солнечный свет. День обещал быть хорошим.

Мышатами – и Яцек это знал – дразнили троих: двух мальчишек по имени Кристиан и Фриц, и девочку, ту самую Магду, которую вчера спас его новый знакомый. Эти трое всегда ходили вместе: играть с ними никто не хотел, ибо первый сильно заикался, второй был мал ростом, а девочка, кроме того что была сущей тихоней, ещё и плохо выговаривала слова.

Яцек зевнул, потянулся и открыл глаза. Огляделся.

Жуга, хмурый и задумчивый, не спал, сидел одетый на кровати, обхватив колени руками и прислонясь спиной к стене. Смотрел в одну точку. Скомканное одеяло валялось в ногах.

– Привет, Жуга.

Тот поднял голову, кивнул равнодушно:

– Доброе утро.

Яцек отбросил одеяло и сел. Поёжился от утреннего холодка. Посмотрел на Жугу, озадаченно почесал в затылке.

– Ты чего такой? Не выспался?

Жуга поднял руку, взъерошил рыжие нечёсанные волосы. Усмехнулся невесело:

– Нет, почему же... Выспался. Не в том дело.

– А в чём?

– Так... – Он помолчал, затем уклончиво добавил: – Есть причина.

– А-а. – Яцек встал и принялся умываться. – Завтракать будем? – обернулся он.

– Неплохо бы, – поддержал Жуга. – А где?

– Да прямо здесь и закусим. Ты подожди, я сейчас.

Яцек оделся, коснулся мимоходом печной трубы – тёплая ли? – убежал и вскоре вернулся с булкой горячего хлеба и медным чайником. Чайник был странной формы – узкий, высокий, булькал свежим кипятком. Яцек поставил его на стол, с головой залез в сундук, вытащил два мешочка и насыпал в чайник немного коричневого порошка. В воздухе разлился сильный горьковатый аромат. Жуга озадаченно принялся.

– Это что?

– Не знаешь? – Яцек оглянулся. – Кофе. Неужто не пил никогда?

– Нет... Это какая-то трава?

Яцек почесал в затылке.

– Наверное, – неуверенно сказал он. – На, взгляни сам.

Он снова пошарил в мешочке и насыпал Жуге в подставленную ладонь дюжину крупных, с ноготь размером, коричневых зёрен. Были они овальные, сухие, слегка подгоревшие, пахли странно, но приятно. Жуга с опаской раскусил одно и хмыкнул: вкус был незнакомый, чужой, разливался терпкой горечью на языке.

– Где это растёт?

– Не знаю, – пожал плечами Яцек. – Где-то на юге... Вот чёрт!

– Что такое?

– Гляди – крысы булку погрызли. Когда только успели? Ну, давай есть.

Яцек разлил дымящийся напиток в чашки, нарезал хлеб, достал из сундука горшочек с маслом.

Жуга отпил из чашки, поморщился:

– Горько.

Яцек кивнул:

– Мне тоже сначала не нравилось, а потом привык. На вот, сахару добавь.

– Сахару?!

Жуга заглянул во второй мешочек. Там действительно был желтоватый колотый сахар – редкое лакомство в горах. В Гаммельне его продавали в аптеках. Видно, не так уж мало получал Яцек за свою работу, если мог позволить себе такое! Поколебавшись, Жуга положил в кофе пару кусочков и снова попробовал. Напиток и впрямь стал вкуснее. Утренняя вялость постепенно ушла, в голове прояснилось. Хлеб из пекарни фрау Мютцель был свежайший, даже масло таяло, когда его намазывали на толстые и тёплые ломти. Приятели в два счёта съели всю булку и засобирались по делам.

– Вот так ты и питаешься? – спросил Жуга, когда Яцек укладывал всё обратно в сундук. – Хлебом да водой?

– А что?

Жуга пожал плечами:

– Хоть бы кашу варил, что ли...

– Сваришь её, как же! – фыркнул Яцек. – Нет ничего – ни огня, ни камина.

Жуга обернулся, стоя в дверях.

– Ты вот что, – сказал он. – Раздобудь к вечеру какой-нибудь горшок. Только не слишком большой. И чтоб с глазурью.

– Глиняный? – Для чего? Я же говорю: негде готовить.

Жуга загадочно улыбнулся.

– Что-нибудь придумаем, а пока до вечера.

– До вечера.

* * *

Томас Остенберг, бургомистр Гаммельна, принимал просителей по вторникам и четвергам. Сегодня он был не один – с утра к нему заглянул Густав Бреннель, доктор медицины. Обоих связывали давние и прочные дружеские отношения, хотя человеку стороннему трудно было бы вообразить людей, более друг с другом несхожих как внешностью, так и характером. Бургомистр был полный степенный господин лет сорока, слегка обрюзгший и бледный, как все горожане, с пухлыми губами, маленькими серыми глазками и редкими светлыми волосами. Бреннель же, напротив, был сух и высок, профиль имел ястребиный, а взгляд – пронзительный. Его лицо и руки покрывал тёмный загар. Горожане, встречая его на улицах, почтительно снимали шляпы: он был ничуть не менее, а может, даже более уважаемым человеком в Гаммельне, чем сам бургомистр.

Сейчас герр Остенберг сидел за столом, перебирая бумаги и почти не глядя на очередного посетителя. Сегодня как раз был вторник, и настроение у бургомистра было испорчено с самого утра. Ох уж эти просители! Ну зачем, скажите на милость, зачем нести в городскую ратушу всякие мелкие дразги? Взять, например, Рудольфа Хоффа, который подал жалобу на соседа. Неужели нельзя было разобраться меж собою тихо-мирно? А Ганс Фогель, лавочник, который сетует, что ему нет покоя от крыс, и просит принять меры! Каково, а? Может, прикажете ещё и ущерб ему возместить? Может, ещё денег дать из городской казны на крысоловки?

Н-да...

Ну, ладно, когда приходят горожане, это ещё можно понять. Но что здесь делает этот подпасок, который и говорит-то по-немецки с трудом?

Бургомистр откинулся на спинку кресла и задумчиво побарабанил пальцами по столу. Поднял взгляд.

Перед ним стоял худой безусый паренёк лет семнадцати – уже не мальчик, но ещё не мужчина. Острый взгляд, голубые глаза, давно не стриженные рыжие волосы. В речи сквозит сильнейший славянский акцент. Интересно, откуда он?

– Так ты говоришь, что хочешь посмотреть приходские книги?

– Да, это так.

Томас Остенберг нахмурился:

– Сделать это не так-то просто, юноша. Приходские записи – важный документ, нельзя выдавать их первому встречному. Зачем они тебе?

Паренёк помолчал, переступил с ноги на ногу.

– Семнадцать лет тому назад в этих местах был мор, – медленно подбирая слова, начал он. – Чёрная смерть. Очень много людей умерло тогда... Я хотел бы посмотреть старую перепись тех лет.

– Для чего?

– Мне не хотелось бы об этом говорить.

Бургомистр помрачнел. Он помнил то время, помнил, как прошлась по деревням и городам своей ржавой косою бубонная чума, помнил, как жгли за городом в кучах заразные трупы, как чадили на улицах факелы и плыл над городом унылый погребальный звон. Тогда ещё не было в соборе нынешнего Малинского карильона, лишь звякал надтреснуто одинокий старый колокол. По счастью, те времена давно миновали.

– Где ты живёшь?

– В доме у площади, где пекарня.

– А, у вдовы Мютцель... И давно ты в городе?

– Четыре дня. Работаю у Иоганна Готлиба, в аптеке.

– Хорошо, – кивнул бургомистр. – Приходи в пятницу, я подумаю, что можно сделать. Но учти: одного желания мало, чтобы получить доступ к записям. Тебе ясно?

– Да, – кивнул тот. – Спасибо. Я подожду.

И он ушёл. Бургомистр облегчённо вздохнул – на сегодня этот был последним.

– Парнишка кажется мне немного странным. – Он повернулся к сидевшему у камина Бреннелю. – А что по этому поводу думаете вы, герр доктор?

– Аптекарь, – с лёгким презрением произнёс тот. – Аптекарь и помощник аптекаря из диких мест, скорее всего, с гор. Последнее время они плодятся как мухи. Народ любит лечиться у фармацевтов – ни тебе кровопусканий, ни процедур: знай себе глотай пилюли да пей микстуры. Вся эта зараза ползёт к нам с Востока, от арабов и сарацин, у которых много трав и мало знаний. Их Авиценна, конечно, кое в чём был прав, но далеко не во всём. Вот что я вам скажу, герр Остенберг: единственное, что у них стоит покупать, – это яды. Более ничего. Всё остальное чистой воды шарлатанство.

– Да? – Бургомистр придал своему лицу умное выражение. – Но что вы скажете про Готлиба? Я слыхал, вы начинали вместе.

Густав Бреннель поморщился, словно съел кислое.

– Готлиб – паршивая овца в стаде, – сказал он. – Доктор, который на старости лет вдруг впал в маразм и вообразил, что можно лечить людей травками и цветами... Цех аптекарей имеет большое влияние, но почти все они просто наглые самозванцы. Впрочем, – он покачал головой, – Иоганну Готлибу можно доверять больше, чем другим, – он всё-таки доктор медицины. Хотя я не упустил бы случая поставить его на место.

– Мне кажется, перед нами как раз такой случай, – с улыбкой произнёс Остенберг.

– Вы имеете в виду этого мальчишку?

– Именно, – кивнул бургомистр. – Книги, как вы знаете, хранятся в подвалах, за семью замками, и даже я не всегда имею к ним доступ. И вдруг является мокроносы юнец и говорит, что хочет их посмотреть. Посмотреть! Вы не находите, герр Бреннель, что это нагло сказано?

– Пожалуй, – поразмыслив, согласился тот.

– К тому же, – продолжал бургомистр, – большинство книг, особенно тех лет, так испорчено крысами, что прочесть их весьма затруднительно.

– Хм! – На тонких губах доктора появилась улыбка. – А это, может быть, и к лучшему. Знаете, герр Томас, у меня появилась идея. Кажется, мы сумеем загнать Готлиба в угол.

– Пари? – оживился бургомистр. – Скажем, пятьдесят талеров?

– Принимаю!

Они скрепили спор рукопожатием.

– А теперь, – улыбаясь, сказал Томас Остенберг, – когда мы покончили со всеми делами, не выпить ли нам вина?

* * *

– Ландыш?

– Сердце.

– Ревень?

– Слабительное.

– Александрийский лист?

– Что-что? – Жуга поднял голову.

– Э-ээ... сenna.

– Тоже слабительное.

– А тысячелистник?

– От простуды...

С раннего утра в аптеке у Готлиба витал дым и чад – престарелый аптекарь и Жуга, ставший на время его помощником, плавил в медном котле белую вязкую смолу (вчера посыльный доставил от графа заказ на сургуч). Попутно Готлиб решил испытать паренька на предмет знания целебных растений. Было жарко, Жуга снял рубашку, оставшись в одних штанах. Аптекарь мельком взглянул на его шрамы, но ничего не сказал.

Аптека Иоганна Готлиба была не только и не столько лавкой, сколько провизорской – все лекарства приготавливались прямо здесь. Жуга с интересом разглядывал длинные полки, уставленные разных размеров пузырьками, медленно, по складам разбирая незнакомые названия: «Антимоний», «Алкалия», «Зильбер Глет», «Серная печень»... А полкой ниже понаставлено и вовсе непонятно что: «Аравийская камедь», «Кинкина», «Сандал», «Фернамбук», «Драконова кровь» и даже «Адский камень» – ни больше ни меньше! Да и травы, знакомые Жуге с детства, здесь назывались иначе.

– Мята? – спрашивал меж тем Готлиб, помешивая вязкую желтоватую массу.

– От кашля.

– Шалфей?

– Для горла.

– Адонис?

– Как?

Аптекарь снял с полки мешочек и вынул горсть засушенных растений.

– А, горицвет! – Жуга понимающе закивал. – Он тоже, если сердце заболит... но только сушёный.

– И как его сушат?

Жуга почесал в затылке.

– Ну-у, как... Медленно.

– Гм! А ромашку?

– В тени...

– Отвар из девясила как приготовить?

– В печке напар делают, в горшке.

Готлиб усмехнулся довольно – паренёк не лгал, когда говорил, что знает толк в травах. Жаль, что только в травах – остальное аптекарское дело было для него тайной за семью печатями. Взять, например, сургуч. Любой подмастерье знает, что здесь к чему. Открой книгу и прочти: «Растопи воск, затем возьми чистой белой смолы, распустить её на слабом угольном огне и, когда распустится, сними и вмешай в смолу на один фунт четыре лота малярной киноvari, добавь мелу, дай застыть вместе, и получишь красивый, красный, крепкий сургуч». Этот же и читать толком не умеет: взял вместо киноvari малахитовую зелень – это же надо! Хорошо ещё, что не добавили дорогой даммар – белую смолу, а обошлись для начала канифолью. Вон, стоит в горшке, остывшая, зелёная масса, сколько ни тыкай пальцем, всё мягкая, липнет к рукам... Эх, молодо-зелено... А так, если посмотреть, парень сообразительный, схватывает всё на лету. Хотя...

Аптекарь вдруг осенило. Он повернулся к Жуге.

– Ты не различаешь цвета?!

– Ну... – замялся тот. – Красное и зелёное – да.

– Так-так. – Готлиб нахмурился, продолжая помешивать в котелке. – Это уже хуже. А я, признаться, подумывал, не взять ли тебя в ученики.

Жуга покачал головой.

– У вас бы я с охотой поучился, – сказал он, – но боюсь, что в городе я пробуду недолго.

Плав в котле стал густеть, аптекарь разлил его в узкие фаянсовые формочки, где тот застыл крепкими ярко-красными палочками. Готлиб подцепил одну, вытащил, постучал по ней ногтем и удовлетворённо кивнул. Обернулся:

– Так зачем, говоришь, ты пришёл в Гаммельн?

Жуга хотел ответить, но в этот миг дверной колокольчик задёргался, и Готлиб пошёл открывать.

– Послание доктору Иоганну Готлибу от господина бургомистра! – послышалось снизу.

– Хорошо, давай его сюда, – сказал аптекарь.

Он поднялся по лестнице, неся в руке тонкий пергаментный свиток, сломал сургучную, голубую с золотом печать, пробежал глазами текст и нахмурился. Покачал головой.

– Ох уж этот Остенберг... – пробормотал он.

– Бургомистр? – мгновенно насторожился Жуга. – А что с ним?

Готлиб поднял взор.

– Теперь он хочет, чтобы я уничтожил крыс в городе.

– Ну и что? Или это так сложно?

Аптекарь рассмеялся невесело, небрежно бросил свиток на стол и опустился в кресло. Сложил домиком сухие старческие ладони и некоторое время молчал, глядя в камин.

– Видишь ли, мой юный друг Шуга, – наконец начал он, – дело это не то чтобы сложное – оно попросту невыполнимое. Мало того, что в моём возрасте негоже шастать по подвалам и чердакам. С недавних пор я не знаю созданий хитрее, чем гаммельнские крысы. Они с ходу распознают любые ловушки. Они не трогают отравленные приманки, а если и едят их, то совсем немного. Это безнадежно, я не знаю, как с ними бороться. В последнее время жители покупают крысиный яд чуть ли не мешками, а толку никакого. Бургомистр попросту придумал невыполнимое задание, лишь бы только посадить меня в лужу. Готов спорить, что здесь не обошлось без Густава Бреннеля – он спит и видит, как бы выставить меня дураком. Да...

– Этот Бреннель, – медленно произнёс Жуга, – он загорелый, носатый и высокого роста, этакая жердь. Верно?

– Да, это он, – кивнул Готлиб. – А откуда ты знаешь?

– Я вчера у бургомистра был, они там сидели оба...

– А зачем ты ходил к бургомистру? – удивлённо спросил аптекарь.

Жуга замялся.

– Всё это трудно объяснить, – сказал он. – По правде говоря, я кое-что узнать хотел из записей приходских...

– Про что?

– Про меня... Один мой друг сказал, что лет двадцать тому назад здесь прошёл мор, а я... Я ведь не родной был деду... ну и решил, что в переписи... А, не всё ли равно... – Он махнул рукой. – Я же говорю – долго рассказывать. В общем, господин бургомистр велел мне зайти через три дня.

– Ах да, чума... – Лицо аптекаря помрачнело. – Верно, я помню её. Это было – дай бог памяти – да, да! – семнадцать с половиной лет тому назад. – Он вздохнул, посмотрел на умолкнувшего рыжего паренька и покачал головой. – Ах, Шуга, Шуга... Боюсь, что ты задел больное место Бреннеля...

Готлиб откинулся на спинку кресла, подперев голову рукой, и задумчиво умолк, всецело отдавшись воспоминаниям. Наконец он поднял взгляд. Отражённые язычки пламени плясали в его глазах, и казалось, что взор его до сих пор хранит ответ давних погребальных костров.

– То был страшный год, – медленно начал он. – Мы с Густавом работали день и ночь. Пять лекарей скончались на наших глазах, нас болезнь каким-то чудом пощадила. Именно тогда дороги наши разошлись: я стал приверженцем полифармации, Бреннель же продолжал резать и вычищать эти проклятые чумные бубоны. Наверное, от его кровопусканий и припарок умерло тогда больше людей, чем от самой чумы. Да... Кто знает? Вот так и получилось, что с тех пор мы враги. К несчастью, в друзьях у бургомистра ходит Густав, а не я.

Жуга некоторое время молчал, нахмурившись.

– По-моему, только дураки отвергают силу целебных трав, – наконец сказал он.

– Не суди так строго. – Готлиб многозначительно поднял палец. – Среди аптекарей и в самом деле слишком много недоучек и обманщиков. Беда в том, что Бреннель не способен отличить зёрна от плевел.

– И что делать? – спросил Жуга.

– Ничего. – Готлиб пожал плечами и бросил письмо в камин. Пергамент затлел, края его обуглились, сургуч потёк крупными голубыми каплями, тотчас загораясь. Аптекарь повернулся к Жуге.

– Я устал от этих бесконечных споров, – сказал он. – Никому не под силу избавить город от крыс, а мне тем более. Пусть всё остаётся как есть. В конце концов, я не волшебник.

Жуга промолчал.

* * *

Горшок Яцек достал что надо – глазурированный, средних размеров, без сколов и трещин.

– Годится?

– Вполне, – заверил приятеля Жуга. – Тащи воду.

Когда Яцек вернулся, Жуга уже распаковал котомку, вытащил мешок с гречкой, соль и какие-то травы. Разложил всё на столе.

– Лей сюда, – скомандовал он.

– Ты что делать собираешься? – спросил озадаченно Яцек.

– Сейчас увидишь. Только не мешай.

Когда горшок наполнился, Жуга задумался на секунду, затем улыбнулся, протянул к нему руки и негромко произнёс что-то вроде: «*Энто-вашта!*»

Сперва Яцеку показалось, что ничего не произошло. Он хотел пошутить, открыл рот, да так и замер, завидев, как над горшком за клубился пар.

Вода кипела!

Яцек был так поражён, что даже заглянул под стол, думая увидеть огонь, но там не было ничего. Жуга тем временем уже сыпал в кипяток крупу, солил, мешал варево ложкой. Посмотрел на Яцека.

– Это м-магия? – запинаясь, выдавил тот.

– Все аптекари немного колдуны, – усмехнулся Жуга. – Да что это с тобой?

– Это адский огонь, – заворожённо глядя на горшок, пробормотал Яцек, – и добра от него не жди!

– Адский огонь? – Жуга поднял бровь. – Не мели чепухи.

– Тогда объясни, как ты это сделал! Откуда взялся жар?

Травник пожал плечами:

– Где-то на юге стало чуть холоднее, вот и всё.

– Поклянись именем Господа!

– Клянусь.

Яцек немного успокоился, подошёл к столу и заглянул в горшок. Вода кипела ключом. Вкусно пахло кашей.

– Если это белая магия, – неуверенно начал он, – где заклинания? Ты призвал чьё-то имя, и вода закипела!

– Никого я не призывал, – сказал Жуга, бросая в горшок травы и порошки. Запахло пряностями. – Я всего лишь приказал воде: «нагрейся», и только. А маги, которые возятся с заклинаниями, просто не знают, какие слова в них действительно важны, и цвет подобрать не могут.

– Цвет? Какой цвет?

Жуга замялся.

– Долго объяснять... Скажем так: надо сказать Слова и представить Цвет. Если всё верно, тогда получится. Понятно?

Жуга пробормотал вполголоса, и варево перестало бурлить. Он зачерпнул кашу ложкой, попробовал.

– Готово. Садись есть, пока не остыло.

Всё ещё недоверчиво качая головой, Яцек сел за стол.

Вскоре с ужином было покончено, и приятели, вымыв посуду, залезли под одеяла. Жуга уснул сразу. Яцек же долго ворочался, размышляя над происшедшим, потом махнул рукой, пробормотал: «На всё воля Божья» и тоже погрузился в сон.

* * *

Серое на чёрном.

Камень, камень! Везде камень! Быстрые шаги – приближаются, катятся по пятам, звенят гулким эхом... и некуда бежать!

!запах человека!

!запах железа в его руках!

!запах каменной западни!

!запах смерти, смерти, смерти!

Чёрная тень на серой стене. Свист железа! Страх, и безысходность, и отчаяние...

Ярость!!!

Сжаться серым злым комком, ощерив острые крепкие зубы...

(«Жуга, проснись!»)

...и прыгнуть, прыгнуть, прыгнуть! Вцепиться на лету, чтобы выпала из руки железная палка...

(«Да проснись же... ах, чёрт!»)

...чтобы закричали от боли, чтобы путь...

(«Жуга!!!»)

...был свобо...

Наконец глаза открылись.

Сердце бешено колотилось. На губах был острый привкус соли. Жуга пошевелился и почувствовал, что простыни и подушка под ним мокры от пота. Он сел и огляделся.

Комнату заливал серый утренний свет. Было тихо. Яцек сидел на своей кровати, прижимая к себе окровавленную ладонь.

– Эй, – окликнул его Жуга, – что стряслось? Я кричал?

Тот гулко сглотнул и покосился на дверь.

– Хуже, – сказал он. – Я хотел тебя разбудить, но... на миг мне почудилось, что я поселился вместе с вервольфом. – Он посмотрел на свою руку. Его передёрнуло.

Жуга вытер рот рукой. Пальцы его окрасились красным.

– Так это я тебя укусил?

Яцек кивнул:

– Что с тобой творится, Жуга?

Тот помолчал. Встал, завернулся в одеяло и прошлёпал босыми ногами к окну. Постоял, глядя на улицу. Обернулся.

– Каждую ночь в этом проклятом городе я жду сна, а приходит морок, – сказал он. – Неладное творится в Гаммельне, Яцек... Почему бургомистр хочет, чтобы Готлиб уничтожил всех крыс в городе? Они что, и вправду нападают на людей?

Яцек раньше не обращал на это внимания, но теперь припомнил, что месяцев шесть тому назад от крыс и впрямь не стало житья. Вспомнил, как серые разбойники насмерть загрызли полосатую соседскую кошку, как покусали нескольких ребятишек. Вспомнил их дерзкие, изобретательные налёты на лавки и склады. А ещё леса эти строительные! Яцек даже вздрогнул при мысли об этом.

– Это верно, – сказал он, – но что тут странного?

– Крыса – тварь трусливая и сама не нападёт, если только не загнать её в угол. А в Гаммельне это случается сплошь и рядом... Что у тебя с рукой? Ах да... – Жуга потянул к себе котомку и вынул мешочки с травами. – Давай посмотрим, что можно сделать.

Поколебавшись, Яцек протянул ему свою ладонь.

– Слышь, Жуга, – спросил он. – А что тебе снилось?

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Но постараюсь узнать.

* * *

– Ну-ка, ну-ка... – Тонкие пальцы Иоганна Готлиба коснулись жёлтого Т-образного крестика у Жуги на шее. – Откуда это у тебя?

Жуга бросил растирать в массивной бронзовой ступке травяную смесь и вытер пот рукой.

– Крест? – переспросил он. – Так он всегда был при мне... А что? Или видели где такой?

– Естественно, видел, – кивнул аптекарь. – Обыкновенный безглавый крест. Необычно только, что сделан он из янтаря.

– Почему? – насторожился Жуга.

– Что «почему»?

– Почему – необычно?

Готлиб откинулся на спинку стула и сложил ладони домиком.

– Видишь ли, мой юный друг, – начал он, – это кельтский крест. Кельты, или говоря иначе – юты, жили некогда в наших краях... очень давно, правда⁶. А янтарь – камень балтийский. Интересно получается, не правда ли?

– Я в этом не разбираюсь, – хмуро буркнул Жуга. – Хотя... – Он вытер руки и, порывшись в своём мешке, извлёк тусклый браслет зелёного металла. – Что вы скажете вот об этом?

Аптекарь с интересом подался вперёд, взял браслет и невольно вздрогнул, ощутив в пальцах лёгкое покалывание. На лице его отразилось недоумение.

Браслет был с камнем. Девять подвесок, разных по форме, окаймляли его по кругу. Готлиб пригляделся внимательнее и различил шарик, каплю, замысловатый узел-трилистник, фигурку человека, что-то похожее на рыбку, колесо с четырьмя спицами, восьмилучевую звезду, лодочку и спираль.

Жуга стоял рядом, ожидая ответа.

Готлиб с осторожностью положил браслет на щербатые, жжённые кислотой доски столешницы и с минуту молчал, рассеянно глядя на пламя свечи.

– Не знаю, что сие, – признал он наконец. – И почему от него ощущение такое, тоже не знаю. Металл незнакомый – это не железо и не бронза, и, уж конечно, не серебро. В любом случае работа древняя.

– А фигурки и камень? – спросил Жуга.

Старик задумался.

– Символы эти можно толковать по-разному, – начал он. – Шарик, скорее всего, олицетворяет Вселенную, капля – текущее время, а восемь лучей звезды – восемь сторон света. Но возможно также, что шар означает землю, капля – воду, а звезда – небо. Спираль – это символ бесконечности, но может быть, и образ змеи в таком разе означает мудрость. Фигурка человека... ну, это понятно. Крест в круге отражает движение, опять же, бесконечность, а кроме того – повторение всего сущего, ибо, как сказано у Екклесиаста, «все реки текут, возвращаясь к истокам своим...» Да... Но вообще-то это ересь. Лодка, рыбка и тройной узел были в почёте у тех же ютов, но что они могут означать, мне неведомо.

– Но ведь вы почти всё объяснили...

– Если бы! – усмехнулся Готлиб. – Пусть даже каждый рисунок в отдельности что-то значит, все вместе они бессмысленны. Вдобавок к кельтам эта вещь не имеет никакого отношения – священным у них считалось число пять, а подвесок, как видишь, девять. Что касается камня, то это чёрный опал – самоцвет более чем странный. По одним поверьям, он приносит удачу, по другим – несчастье, единого мнения по этому вопросу нет.

Аптекарь повернул лежащий браслет, и чёрная поверхность камня вспыхнула радужными сполохами в свете свечи.

– Великолепный камень! – восхищённо сказал Готлиб. – Если мне не изменяет память, благородные опалы добывают только в одном месте – в разрушенном трахите в Червеницах.

– А где это? – спросил Жуга.

– Э-ээ... где-то в Чехии. – Готлиб протянул ему браслет. – Или в Моравии, не помню. Возьми. Больше я ничем не могу тебе помочь. Кстати говоря, ты мог бы выручить неплохие деньги за него.

– Спасибо, но мне не хочется его продавать.

– Как знаешь.

В это время зазвенел дверной колокольчик. Готлиб пошёл открывать и вскоре вернулся с объёмистым свёртком. Внутри оказались: изящная шкатулка с жемчужным ожерельем, кошелек с деньгами и сопроводительное письмо от владелицы – местной богачки. Жемчуг потуск-

⁶ Кельты и юты – конечно же, не одно и то же, Готлиб ошибается в своих рассуждениях (прим. авт.).

нел от старости, утратил игру и блеск, письмо содержало просьбу вернуть ожерелью перво-
зданный вид.

– Ох уж эти женщины! – покачал головой Готлиб и улыбнулся. – Сколько раз я говорил,
что жемчуг – камень мягкий, его легко поцарапать... Ну что ж, посмотрим, чем тут можно
помочь. – Он повернулся к Жуге и распорядился: – Поставь воду на огонь. И принеси мне
уксусу и красного вина.

Тот кивнул, спрятал браслет обратно в мешок и пошёл наверх.

* * *

– Кружка пива на ночь – лучшее снотворное, – рассуждал, укладываясь, Яцек. – Если
снится всякая гадость, выпей, и всё как рукой снимет. – Он протянул перевязанную руку и
взял со стола кувшин с пивом. Отпил. Глянул вопросительно на Жугу.

– Будешь?

Жуга сидел на кровати, сложив ноги кренделем и запустив пятерню в нечёсанные волосы,
задумчиво разглядывал рассыпанные по одеялу травы и коренья. Поднял взгляд.

– Нельзя мне пить сегодня, – сказал он. – Ты скажи лучше, кофей у тебя есть ещё?

– Есть, – кивнул Яцек. – А что?

– Так, ничего. Просто я почти все травы Готлибу сбыл. Ты бы дал щепотку, а?

Тот пожал плечами:

– Возьми, разве жалко. Да только не уснёшь потом.

– Ничего, я уж как-нибудь.

Стемнело.

Вскипятив в горшочке воду, Жуга отобрал трав из своего запаса и приготовил настой.
Насыпал на ладонь горку пахучего коричневого порошка, постоял, размышляя и прикидывая,
потом махнул рукой и бросил в кипяток всю горсть. Подождал с минуту, отцедил через тряпицу
получившийся взвар, покосился на Яцека (тот уже спал), выпил всё и залез под одеяло.

Было тихо. За окном накрапывал дождик-полуночник. Лёгкие капли шуршали по крыше,
стекали кривыми дорожками по стёклам. Изредка сквозь туманную пелену туч проглядывал
бледный серп луны. Жуга лежал, глядя на косой чердачный потолок и чувствуя, как мысли
оплетает глухим пологом вязкая, тягучая дрёма – чёрные травы тянули за собой. Дурман креп-
чал, давил на виски, гнал мысли, и лишь сила чужеземного напитка не давала Жуге соскольз-
нуть в чёрную воронку целиком.

И тут, непонятно откуда, нахлынул слепой, беспричинный страх.

Он лился в окно, плясал на потолке с бликами лунного света, сочился сквозь щели в полу,
лез под дверь, таился под кроватью, шелестел мокрыми лапками по крыше. Грудь сдавило,
воздух напитался страхом, как осенний мох водой. Нечто зыбкое и неуловимо чужое, царапа-
ясь, пыталось пролезть вовнутрь извне, как путник дождливой ночью стучит в запертую дверь.
Сердце вдруг замерло, а через мгновение чёрная пелена поднялась, и Жуга увидел, как...

* * *

...город разлёгся на поверхности земли неровной каменной коростой, таращился в тем-
ноту слепыми пятнами одноногих масляных фонарей, скрипел на ветру ржавыми петлями
ворот и ставней, и повсюду в нём – в каменных подвалах, под хрупкой черепицей крыш, в
пустотах старых стен и даже в часах на ратуше – копошился, жил своей тайной ночной жизнью
серый крысиный народ. Маленькие создания сновали по улицам, добывая еду и разыскивая
убежище, изгоняли врагов и чужаков, содрогались в экстазе единения и растили потомство,
и надо всем этим скользил туманным крылом всепоглощающий СТРАХ. Ночь всегда принад-

лежала им, всегда, но только не сейчас, не теперь, когда что-то непонятное творилось здесь, когда...

Серое на чёрном.

Наконец-то ночь, ночь, когда не режет глаза противный свет и не надо суетиться! Но придёт день, и ОНО опять погонит нас, погонит слепо и злобно, и мы, не отдыхая, словно загнанные в угол, снова выйдем из своих укрытий.

И мы выходим...

...мы грызём...

...мы бежим...

...мы ломаем...

...кусаем...

...и не можем остановиться, потому что нам страшно, страшно, страшно!!!

* * *

Яцек проснулся среди ночи, разбуженный непонятными звуками, и некоторое время лежал неподвижно, насторожённо прислушиваясь. Выглянул опасливо из-под одеяла.

В мансарде было холодно. За окном, подсвеченные матовой луной, неслись по небу рваные клочья облаков. Шёл дождь. Яцек повернул голову и различил в зыбком полумраке фигуру Жуги на кровати. Рядом на полу чернело в световом пятне тонкое, будто очерченное углём, неровное кольцо.

На первый взгляд казалось, что Жуга спит, но вскоре Яцек пообвыкся в темноте и увидел, что глаза у того открыты. Правая рука травника свешивалась с кровати, чуть касаясь досок пола, и согнутые костяшки пальцев отбивали причудливый, замысловатый *ритм*. Дом молчал, окутанный сном, и негромкий этот перестук разносился дробным эхом в ночной тишине, будоражил мысли, вызывая из глубин памяти что-то очень древнее, смутно знакомое, но счастливо забытое. Яцек лежал, затаив дыхание, гадая, чем всё это кончится, и уже начал было снова засыпать, как вдруг стук прекратился. Жуга поднял голову с подушки и вытянул шею, глядя в дальний угол. Яцек тайком покосился туда и невольно вздрогнул: там, в крошечной темноте поблёскивали огромные, с грецкий орех, глаза.

Яцек тихонько ущипнул себя за руку, надеясь, что видение сгинет, но глаза не хотели исчезать. Круглые и жёлтые, словно две маленькие луны, они, казалось, висели там сами по себе, и лишь присмотревшись, можно было различить их обладателя – мохнатую двуногую страшилку ростом чуть повыше табуретки. Существо мигнуло пару раз, мягко и бесшумно переступило с ноги на ногу. Качнулись корявые, свисающие до пола руки. Длинная пушистая шерсть скрывала очертания тела, и когда ночной гость стоял неподвижно, то совершенно сливался с темнотой, лишь мерцали блюдечки глаз, глядя то на Жугу, то на Яцека. Из угла он не выходил – то ли не хотел, то ли просто боялся. Некоторое время в комнате царила тишина, затем Жуга заговорил.

– Ты узнал меня, Яртамыш? – хриплым шёпотом спросил он. – Отвечай!

Непонятное чучело в углу зашевелилось, подняло голову.

– Не произноси моё имя при чужаках, – донёсся из угла тихий, похожий на шелест опадающей листвы голос. – Я узнал тебя, рыжая голова.

– Он не чужой, – нахмурился Жуга, покосившись на Яцека. – К тому же он спит. Ты помнишь наш уговор?

– Я помню наш уговор. – Глаза качнулись с лёгким кивком. – Чего ты хочешь от меня?

Жуга помолчал, раздумывая.

– Этот город заполонили крысы, – наконец сказал он. – Почему это случилось?

– Злое место.

– В чём зло?

– Этого не знаю, – ответило существо. – Всякий город – злое место. Много людей. Много камня. Мало солнца. Мало воздуха. Что ещё?

– Мне нужно избавиться от них, а я не хочу убивать.

Глаза мигнули озадаченно.

– Почему? – прошелестел вопрос.

– Я видел их сны и знаю: злоба не от крыс. Они не виноваты. И ещё они слишком умны, чтобы травиться и попадаться в ловушки. Как мне обойтись без крови?

– Уведи их прочь.

Жуга покачал головой:

– Они не пойдут за мною.

– Пойдут за твоей дудочкой.

– Как это можно сделать?

– Поднять выше.

– Что поднять?

Тварь хихикнула еле слышно, словно лопнула пружина в старых часах. Блеснула глазами.

– Голос, – был ответ.

На некоторое время воцарилась тишина. Жуга лежал, обдумывая услышанное, и мохнатый карлик первым нарушил молчание.

– Я выполнил твою просьбу, – сказал он. – Развяжи теперь мой узел.

Жуга кивнул и потянулся к чёрному кольцу, которое оказалось тонкой верёвкой, завязанной множеством узелков, поднял её и распустил один. Посмотрел на своего советчика. Глаза в углу мигнули несколько раз, но остались на месте.

– Что ж ты не уходишь? – спросил Жуга.

– Вы, люди, странные существа и редко держите своё слово, – сказал наконец голос. – Ты поступил честно со мной... Хочешь совета?

– Хочу, – поколебавшись, кивнул травник.

– Научись заново жить с людьми.

Сказав это, пришелец развернулся и исчез так же быстро и бесшумно, как и появился.

Жуга посидел ещё некоторое время, затем смотал в клубок верёвку, спрятал её в мешок, лёг и вскоре заснул. Яцек долго лежал с открытыми глазами, соображая, приснилось всё это ему или нет, и заснул лишь под утро, так и не найдя ответа на свой вопрос.

* * *

Вечером этого дня Яцек припозднился. Жуга сидел на подоконнике, качал ногой и ковырял ножом палочку. Охапка таких ветвей кипятилась в горшке, торчала оттуда растрёпанной метёлкой. Горшок, как всегда у Жуги, кипел сам по себе. На полу, среди лужиц воды рассыпаны были щепки, стружки и множество трубочек снятой зелёной коры.

Яцек затворил дверь.

– Жуга! – позвал он.

– Что? – отозвался тот, не поднимая головы.

– Поговорить надо.

Жуга мельком глянул на него, кивнул, отложил в сторону надрезанный прутик и нож и вытер руки.

– Что стряслось? – спросил он. – Ты чего такой бледный?

Яцек замаялся, не зная, с чего начать, глубоко вздохнул и заговорил спешно, словно бросился в омут головой:

– Я вот что сказать хочу, Жуга... С той поры, как ты сюда заселился, тут такое творится, что мне порой не по себе. Нет, ты не подумай только, что я жалуясь или прогнать тебя хочу, просто... Просто неясно мне всё это! Леса эти, горшки без огня, видения... Зачем она нужна, вся эта ворожба?

Жуга помолчал, прежде чем ответить.

– Ты не спал прошлой ночью? – спросил он.

Яцек кивнул и откашлялся, прочищая горло.

– Кто это приходил вчера? Троль? Кобольд?

Жуга покачал головой.

– Ни тот ни другой. Просто попал он однажды в беду в горах, а я ему помог... Ты его не бойся, это на вид он страшен, а так добрый, только людей не жалуется.

– Станный ты человек. – Яцек пододвинул табурет, сел и с опаской покосился на горшок, в котором по-прежнему ключом кипела вода. Вдохнул. – Станный – и всё-таки хороший. Другой не полез бы девчонку спасать, а ты не забоялся. Что ты затеваешь, Жуга? Иногда мне просто страшно, когда ты рядом. До жути страшно.

Жуга сидел недвижно, молчал, глядя в окно. Рассеянно ерошил пятернёй копну волос. Посмотрел на Яцека.

– Страх, да... – сказал наконец он. – Наверное, ты прав. Со стороны, говорят, виднее. Извини, если что. Спрашивай, я отвечу.

Яцек подобрал с пола одну трубочку, повертел её в пальцах.

– Свистулька, что ли? – недоумевая, произнёс он.

– Вроде как, – кивнул Жуга. – Помнишь разговор вчерашний? Свирель я мастерил – манок. Полдня ветки перебирал, искал подходящую.

– Нашёл?

– Нашёл.

– Дались вам с Готлибом эти крысы. – Яцек с сомнением посмотрел на хрупкую, ещё не просохшую дудочку, что лежала на столе. – Потравить их – и делу конец. Или капканов побольше поставьте. Дудеть что толку?

Жуга поднял взгляд, усмехнулся невесело.

– Если б ты знал, друг Яцек, как тут всё хитро закручено, – сказал он. – А Готлиб... он из-за меня в беду попал, мне и выручать старика.

Жуга прыгнул с окна и направился к столу. Выбросил распаренные ветки, наполнил горшок свежей водой, подождал, пока та не закипела, и всыпал пригоршню крупы. Сложил в мешок свирель и нож, посмотрел на заваленный мусором пол.

– Веник есть?

– Там, в углу.

Жуга смёл щепки в кучу и выбросил их в окно. Постоял, задумчиво глядя на улицу. Было тепло – осень расщедрилась-таки ещё на один погожий денёк. На тёмном небе уже зажглись первые звёзды. Сырой осенний ветер налетал порывами, раскачивал оконные створки, теребил Жугу за волосы.

– Такая загвоздка, Яцек, – сказал Жуга, не поворачивая головы. – Плохо я город знаю, а мне по всем улицам пройти надо. Помог бы ты мне, а?

Звонарь помолчал нерешительно.

– А ты когда идти надумал? – наконец спросил он.

Жуга повернул голову.

– Сегодня, – сказал он и посмотрел Яцеку в глаза. – Сейчас.

* * *

Они шли по тёмным улицам – две тени, чёрное на сером; шли тихо, лишь башмаки Яцека стучали по каменной мостовой да шуршал изредка под ногами палый лист. Шли мимо закрытых лавок и мастерских, мимо пивной, где давно уже смолк всякий шум, мимо чёрной молчаливой громады собора. Шли мимо ратуши, где равнодушные чёрные ножницы стрелок отмеряли третий час. Шли мимо пекарни вдовы Мютцель, мимо аптеки Готлиба, мимо тёмных унылых домов, кружили в узких лабиринтах уснувшего города, и только фонари таращились им вслед.

Первым шёл Яцек, кратчайшей дорогой направляясь к городским воротам, сразу за ним – Жуга с котомкой за плечами (её он взял с собой). Жуга играл. Звук свирели почти не был слышен, лишь временами в голове возникал тонкий комариный писк, висел в воздухе, щекотал виски, а через миг растворялся в ночной тишине. Зыбкая, плачущая мелодия из двух-трёх нот билась в тесных каменных ладонях, летя в небытие, и возвращалась, звала за собой. Яцек мог бы поклясться, что никаких звуков нет вообще, если бы...

Если бы не крысы.

Сбившись в тесную стаю, они шли за людьми, как привязанные, и с каждой улицей, с каждым проулком их становилось всё больше и больше, словно серое бугристое одеяло накрыло мостовую от края и до края. Яцек содрогнулся от такого зрелища и больше не оглядывался. Улицы петляли, брусчатка была неровной. Жуга шёл, чуть заметно хромя, не оборачиваясь, сосредоточенно глядел себе под ноги. И только поэтому ни он, ни Яцек не заметили, как там, где они прошли, бесшумно открываются двери домов.

Лишь когда они вышли далеко за городские стены, Яцек набрался храбрости и оглянулся вторично. Оглянулся – и остолбенел.

Крысы по-прежнему бежали следом, и число их заметно возросло, но дело было не в этом.

По пятам за ними шли дети.

Растянувшись по дороге неровной цепочкой, одетые как попало, многие – вовсе в ночных рубашках и колпаках, мальчики и девочки лет пяти-шести; они брели, едва переставляя ноги, спотыкаясь, падая, держались друг за дружку, словно ожил вдруг нелепый страшный сон.

Опомнившись, Яцек в два прыжка нагнал приятеля и схватил его за рукав.

– Жуга! – в ужасе зашептал он. – Глянь назад, Жуга!

Тот обернулся и тоже переменялся в лице. Опустил свирель.

Мелодия смолкла.

Яцек замер, ожидая, что зверьки тотчас бросятся врассыпную, но те, казалось, и не думали бежать, наоборот – сгрудились теснее и замерли, поблёскивая глазками.

Остановились и дети.

Яцека била дрожь.

– Что ж мы натворили, а? – растерянно пролепетал он. – Как так? Почему они не уходят? Почему, Жуга?!

– погоди, не мешай! – отмахнулся тот. Посмотрел на свирель в своей руке, на детей, снова на свирель. – Вот, значит, как... – пробормотал он. – Не думал я, что детское ухо чуткое такое. Хорошо ещё, что ночь сегодня тёплая.

Яцек умолк. В наступившей тишине Жуга снова оглядел неровный белый полукруг ребячьих лиц. Их было двадцать семь – пятнадцать мальчиков, двенадцать девочек. Безвольно опустив руки, они стояли, глядя в темноту широко раскрытыми невидящими глазами. Некоторые улыбались.

Жуга нахмурился – что-то было не так. Он зажмурился и попытался вспомнить, вернуть то странное чувство пустоты в голове, что приходило ночью во сне. Прогнав прочь все мысли,

кроме одной, он тянулся за нею, всё дальше и дальше уходя в бархатную темноту закрытых век. Голова закружилась. Ещё немного... ещё...

Вот!!!

Жуга даже вздрогнул от неожиданности: ОНО было здесь – тихое, дремлющее зло, стояло рядом, безобидное до поры до времени, и только холодный, затаившийся липкий страх выдавал ЕГО присутствие. Жуга проглотил застрявший в горле ком и осторожно, словно спящую змею за хвост, потянул ЭТО на себя.

Яцек стоял, глядя на Жугу, когда в рядах детей вдруг возникло шевеление, и те расступились, пропуская троих – девчонку и двух мальчишек. Яцек попятился.

– Мышата... – хрипло выдохнул он и смолк.

Жуга открыл глаза. Оглядел всех троих.

– Так, значит, это про них поют ту песенку? – спросил он.

– Про них, – кивнул Яцек, помолчал растерянно и снова посмотрел на трёх босоногих ребятишек.

Коротышка Фриц, Кристиан-заика и тихоня Магда. Три глупых маленьких мышонка, в слепом безрассудстве побежавшие за злой фермершей. В них тоже не было зла. Но когда тебе, ни за что ни про что, оттяпают хвостик... Когда отберут любимую игрушку... Когда задразнят до слёз просто потому, что ты не такой, как все... Когда... Когда...

Беспомощные в своей обиде и оттого ещё более смешные, что они могли? Но один из них проник в мир Серого Народа, туда, где их слабость обернулась силой.

И фермерша содрогнулась и побежала.

«А ты смог бы выглядеть храбрым таким?..»

Яцек посмотрел на Жугу:

– Как ты догадался?

– Не догадывался я, – хмуро помотал головой Жуга. – Только сейчас сам всё понял. – Он взъерошил волосы рукой и покосился на Магду. – Никто из них в одиночку не смог бы крыс на город натравить, ни Фриц, ни Кристиан. А девчушка... Нет в ней Силы, она... ну, как бы мостик между ними, что ли...

– Но ведь леса-то на неё упали!

Жуга опять покачал головой.

– Леса на их обидчиков падали, тех, что в песке играли, помнишь? Она просто не поняла, что и её задавит тоже... Они не понимали даже, что и пацанов тех убьёт, просто отплатить им хотели.

Яцек помолчал задумчиво.

– Не понимаю, – наконец сказал он. – Ничего не понимаю. С чего ты взял, что они такие жестокие? Почём тебе знать?

Жуга пожал плечами.

– Самое жестокое в этом мире – это детские игры, друг Яцек. Чтобы понять это, надо просто-напросто вырасти. Кто взрослеет в двадцать лет, кто – в пятнадцать... А иной рождается стариком.

– Это ты, что ли?

Жуга поднял взгляд.

– Может, и я... Не всё ли равно? Давай лучше подумаем, что делать теперь с ними со всеми.

Яцек покосился на детей:

– Они что, спят?

– Спят, – кивнул Жуга.

– Отведём их обратно. А крыс убей. Утопи вон в реке...

Жуга криво усмехнулся:

– Уж больно у тебя, Яцек, просто всё получается: «Тех вернём, этих прибьём»... Погоди кулаками махать. Крысы в город новые придут, как ни старайся – это уж как пить дать точно. В этой жизни только одно имеет значение – смерть. А чья – не важно. Ведь говорится: «Не лечи болящее, лечи саму болезнь». Так что не надо их топить. Попробуем иначе.

– Ты и вправду так думаешь? – неуверенно спросил Яцек.

– Я не думаю, я знаю, – отрезал Жуга и пошёл к ребятишкам.

Он постоял в задумчивости около них, коснулся каждого рукою и сказал что-то – Яцек не расслышал толком, что именно. Отступил назад.

– Что ты с ними сделал? – обеспокоенно спросил Яцек.

Жуга передёрнул плечом, поморщился.

– Да почти ничего.

– Нет, всё таки? – не отступал звонарь.

Жуга взглянул на Яцека так странно, что по спине у того забегали мурашки и всякая охота спрашивать отпала сама собой. Яцек внезапно понял, что он ровным счётом ничего не знает об этом рыжем пареньке с таким нелепым именем, который так вот запросто способен увести из города кого угодно, когда угодно и куда угодно.

Жуга меж тем опять повернулся к детям, которые по-прежнему стояли не двигаясь, и протянул руку.

– Ты. – Он тронул за плечо Кристиана. – Ты больше не будешь заикаться. А ты, Фриц, не стыдись отныне своего роста. Магда... Ты вырастешь, станешь очень красивой и будешь счастлива, поверь мне. – Жуга опустил руки и ещё раз оглядел всех троих. – Больше никто не назовёт вас слепыми мышатами. Это я вам обещаю. А теперь... – он покосился на крыс, – ...отпустите их.

Два мальчугана и девочка не шевельнулись, стояли, молча глядя пред собой. И вдруг поляна ожила, наполнилась шорохом и писком – хвостатые зверьки суматошно метались в жухлой осенней траве, сталкиваясь, разбегаясь и тут же прячась. Меньше чем через минуту все крысы исчезли, лишь поблёскивали изредка в ночной темноте чёрные бусинки глаз.

Жуга кивнул и улыбнулся.

– Вот и всё, – сказал он Яцеку. – Не было бы счастья, да несчастье помогло. Отведёшь детей обратно, Яцек?

– А ты? – опешил тот. – Ты разве не вернёшься?

– Оглянись, – вместо ответа сказал Жуга.

Яцек глянул через плечо и увидел, как просыпается среди ночи растревоженный Гаммельн. В окнах загорались огни, то и дело мелькали красные точки факелов, а минуту спустя зазвонил отчаянно самый большой соборный колокол.

– Видишь? – Жуга виновато улыбнулся. – Нельзя мне туда... А ты возвращайся. Если что – вали всё на меня, тебе ведь жить ещё с ними. А я пойду, пожалуй.

– Но... – запинаясь, начал Яцек. – Но куда?

– Не знаю. – Жуга вздохнул. – Теперь уже не знаю. Много есть мест, где я хотел бы побывать. – Он развязал мешок и вытащил свёрток в тряпице. – Не в службу, а в дружбу, зайти потом как-нибудь к Готлибу, передай ему.

Яцек принял липкий комок.

– Что это?

– Горный воск.

– А дети?

– Дети проснутся скоро. Ну, бывай здоров. – Он вскинул было котомку на плечо, как вдруг нахмурился, припоминая, и хлопнул себя по лбу. – Вот незадача!

– Что?

– Совсем забыл... Когда мы уходили, я там горшок с кашей оставил на столе кипеть. Думал вернуться, а теперь... Кто ж знать мог, что всё так получится! Остудить бы надо.

– Надо, – согласился Яцек. – А как?

– Проще простого. Произнеси рядом с ним: «*Ильта-вашта*» и представь красный цвет. – Красный?

– Ага, – кивнул Жуга. – Ну, вот теперь, кажется, всё. Прощай, Яцек. Может, зайду ещё когда-нибудь в Гаммельн, колокола ваши послушать – уж больно мне твоя игра душу растравила.

– Счастливого пути, Жуга, – кивнул тот и, не удержавшись, спросил: – А что, правда понравилось?

Рыжий улыбнулся, кивнул, поправил мешок за спиной и растворился в ночи. Шаги смолкли.

Внезапно в одночасье поднялся ветер. Яцек вздохнул полной грудью, посмотрел на небо – чёрное, с матовым узором осенних созвездий. Ветер не хотел утихать. Ветер раскачивал деревья, ветер шелестел сухой листвой. Ветер брал своё начало на заснеженных вершинах далёких гор, может быть, даже Хоратских. Путь его лежал через леса и луга, через холмы и поля, через реки и болота. Ветер нёс искристый холод горных ледников, терпкий, еле уловимый запах увядающей травы и листьев, стылый, ломкий привкус заповедных лесных ключей, и было в нём ещё что-то неясное, почти неосязаемое, но такое... такое...

Яцек вдруг понял, что ничего «такого» не было: просто исчез запах города – застарелая сырая вонь. Запах, который преследовал его всю жизнь: и босоное детство, и годы ученичества, и теперешнюю бытность его городским звонарём. А ветер...

Ветер нёс в себе всё то, что Яцек пытался выразить своей музыкой. Ветер летел. Ветер пел. Ветер звал за собой.

Теперь Яцек знал, что когда-нибудь он тоже уйдёт из Гаммельна, как ушёл только что Жуга. Рано ли, поздно ли, но уйдёт непременно. Уйдёт сам, по зову сердца, по следам рыжего травника, по велению музыки, что звучит в его душе. И другой сядет за клавиши Малинского карильона. Но это будет потом, позже. А пока город крепко держал его.

Слишком крепко.

Было тихо, и Яцек вздрогнул от неожиданности, когда пальцев его коснулась тёплая детская ручонка. То была Магда. Стояла рядом, глядя на него искренне и доверчиво. Тёплый ветер шевелил её мягкие тёмные волосы. Остальная ребятня, сбившись стайкою, топталась позади.

– Дядя Яцек, – улыбаясь, спросила Магда, – а мы скоро пойдём домой? Скоро, а?

Тот улыбнулся рассеянно в ответ и погладил её по голове.

– Скоро, – сказал он. – Сейчас.

Яцек посмотрел на Кристиана, на Фрица и вдруг понял, что сделал с ними Жуга, прежде чем уйти.

Он отобрал у детей и унёс с собой их страх – единственное, что помогало им выгонять крыс из нор.

Яцек подхватил Магду на руки и зашагал обратно в город, медленно, чтобы остальные дети поспевали следом. Он шёл и вспоминал всё, что произошло в эти странные дни, гадал, кем мог быть этот странный рыжий пришелец, и зачем он появился в Гаммельн, и кто приходил к нему ночью на стук, и что он, Яцек, скажет теперь городским жителям.

И ещё он думал о том, как хорошо, что последнее слово всегда остаётся за человеком, хотя в этом он был не очень уверен.

Серое на чёрном.

Оправа: Говорящий

3

«Глупее глупого», – сказал медведь.

– О чём ты? – Травник поднял голову.

«О крысах, – фыркнул тот. – Люди всегда были склонны сваливать свои грехи на кого-нибудь другого. Служители вашего бога сравнивают кошек с дьяволом, а после жгут их сотнями в кострах. Немудрено, что в городах раздолье крысам. Чума двадцатилетней давности, я вижу, ничему вас не научила. А ты, стало быть, травник?»

– Да.

«Забавно... Ты именно тогда и понял, что умеешь говорить?»

– Что? Говорить? А... Да. Наверное, тогда. Но дети...

«Дети. Хм. От рождения до смерти долгий путь, да и люди меняются с возрастом. Два мальчика и девочка, так? Я их запомню».

Медведь умолк, а когда заговорил опять, речь пошла совсем о другом.

«Встречались ли тебе такие, как ты сам?» – спросил он.

– Такие же, как я? – переспросил Жуга. – Нет. Не встречал. Хотя однажды... Это было другое, но похожее. Не знаю, как сказать.

«И что ты почувствовал?»

– Страх.

«Страх, – задумался медведь. – Полезная штука. Помогает понять, что жизнь – всего лишь бег мельничного колеса в потоке времени».

– Да, – сказал Жуга, – бег мельничного колеса.

Робкий десяток

Зелень исчезала.

Последний её оплот – парочка низкорослых молодых ёлочек – не мог уж боле сдерживать натиск безумного осеннего маляра. Месяца через три она, конечно, вернётся – робким изумрудным мазком на снежной белизне, но сейчас всюду, куда падал взор, царствовали багрянец, огненно-рыжее золото и хрупкая, исцёрканная углём белизна раздетых берёз.

Лес терял свой узор. Сухие листья, кружась и порхая в безветрии, пядь за пядью укрывали землю узорчатым лоскутным одеялом, падали неслышно на тёмную гладь пруда и после долго плавали поверху, пока вода, вдоволь наигравшись, не загоняла их в узкий деревянный жёлоб. Ни один не тонул – морщинистые, скрученные в лодочку, они вертелись в вихре пены и брызг на чёрной карусели мельничного колеса и отправлялись в дальний путь вниз по течению ручья. Навсегда.

В этом прощальном разноцветье не сразу можно было различить сидящего на берегу паренька лет двадцати. Был он бос, одет в серую неприметную холщовую рубашку и такие же штаны, сидел недвижно, погрузивши ноги в ручей, и даже рыжая копна нечёсанных волос смахивала издали на ворох осенних листьев. Рядом в траве лежали потрёпанный заплечный мешок, посох и кожаные башмаки-царвули.

Ручей вытекал из леса. Был он неширок и говорлив, но здесь, у запруды вдруг разливался глубоким омутом. В прошлом отсюда был только один сток – через жёлоб, но швы плотины

давно разошлись, вода сочилась из всех щелей, стекала по заросшим зелёным брёвнам и вновь сливалась в один поток.

Мельница была под стать плотине: длинный низкий сруб, крытый потемневшей от времени щепой. Дверь разбухла и не хотела закрываться. Печная труба обвалилась. Слепыми провалами чернели окна. Рос лопух. Росла крапива. Густой зелёной чащей разросся борщевик. Всюду были тлен и запустение. Царила пустая, гулкая тишина осеннего леса, только шлёпало, крутясь, старое мельничное колесо да шуршали опадающие листья.

Из-за дома вдруг донёсся громкий, как трещотка, хруст валежника. Паренёк у ручья вздрогнул, вскинул голову, но через миг снова расслабился и даже не посмотрел в ту сторону. Взгляд его неотрывно следил за колесом.

– Жуга! – зычно крикнули за мельницей. – Жуга! Эй, где ты там?!

Снова затрещали сучья, кто-то хрипло выругался, продираясь через бурелом. Ещё через миг огромные, в рост человека, заросли лопуха у старого плетня зашевелились, и на берег вывалился рослый черноволосый малый, тоже лет примерно двадцати. Помотал головой, огляделся. Был он широкоплечий, лобастый и сильный не по годам, волосы стриг коротко, шапки не носил и, хоть казался неуклюжим, на деле был, наверное, ловок.

Жуга (а звали рыжего именно так) помахал рукой, и парень, заметив приятеля, двинулся к нему в обход пруда, на ходу выдирая из волос застрявшие репы. Уселся рядом на траву, подобрал ноги под себя.

– Всё облазил, – сообщил он. – Мельница как мельница, ничего особенного. Старая, конечно, и жёрнов один побитый, а так ничего, ещё послужит. Работы, знамо дело, много будет, ну так я работы не боюсь... А ты всё сидишь?

– Сижу, – кивнул Жуга. Повёл в воде ногой. Стайка рыбёй молоди испуганно метнулась в сторону. Черноволосый покосился на запруду, хмыкнул задумчиво.

– Странный ты всё-таки, Жуга, – сказал он. – Торчишь тут у воды целый день, палишься на колесо, будто сыч... Или что интересного в нём нашёл, а?

Жуга вздохнул и повернул голову. Цепкий, внимательный взгляд его голубых глаз был нехорош. Тревожный был взгляд.

– Не знаю, Олег, не знаю... – Он взъерошил волосы рукой. – Может, и нашёл.

– Что, к примеру?

Жуга отвёл взгляд.

– Почему оно вертится? – спросил он.

* * *

После долгих кутежей, после нескончаемой череды пирушек, попоек и пьяных драк Олег наконец решил завязать и взяться за ум. Произошло это вскоре после того, как его погнали с мельницы, где он работал. Как раз в эти дни судьба вновь свела Олега с его приятелем – не то валашским, не то вазурским горцем, мрачноватого вида рыжим пареньком со странным прозвищем Жуга. Никто не знал, откуда он пришёл и где живёт, не знали даже, как его зовут, в своё время их перезнакомил общий друг Реслав. Месяца полтора-два тому назад всех троих в компании ещё с одним парнишкой, имени которого Олег уже не помнил, занесло в замок к одному вельможе. О том, что приключилось после, Олег предпочитал помалкивать, хотя соблазн похвастать своими похождениями был велик – знал он мало, но, по крайней мере, то, как рушилась одна из башен замка, видел своими глазами. Толки об этом по маргенским кабакам ходили разные, тем более что не прошло и недели, как хозяин замка, Михай Пелевешич, скончался. Многие, впрочем, его недолюбливали (если не сказать хуже), да и был он уже в летах, так что в скором времени всё это тихо-мирно позабылось.

Всё бы ничего, но несколько дней спустя по Маргену, словно какая зараза, прокатилась волна похорон. Умирали в большинстве своём местные и заезжие престарелые купцы, знатные вельможи преклонных лет да именитые городские старожилы. Эти тоже изрядно подзажились на этом свете, и люди удивлялись лишь тому, что все ушли разом, друг за дружкой и в такой короткий срок. Но тут уж ничего не поделаешь. «Знать, судьба такая, – судачили за столами в корчмах. – Бог дал, Бог и взял, а посему не наше дело, куда девалось тело, а вот выпьем-ка лучше за упокой души». Сдвигались, звякая, кружки, и пенные струи крепкого маргенского пива гнали прочь любые вопросы.

Где пропадал всё это время Жуга, Олегу было невдомёк. Дороги их пересеклись под Жёлтым Колесом, у Ладоша, где Олег шумной прощальной гулянкой отмечал свой уход с мельницы, конец лета и ещё именины в придачу. Жуга тоже был там. Его нескладную, перекошенную, но до странности гибкую фигуру и рыжую лохматую башку трудно было не узнать. Олег сразу затащил его за стол и после третьей или четвёртой кружки поделился своими задумками на будущее. А хотел он ни много ни мало – завести своё дело, то бишь собственную мельницу. Кое-кто из приятелей присоветовал ему сходить глянуть на одну заброшенную, у Бобрового ручья – дескать, вдруг она не совсем ещё развалилась, да одному идти нет охоты, и места там глухие, безлюдные места. Люди рассказывают, неладное там что-то, да только ведь врут, наверное, а всё равно лучше было бы вдвоём пойти.

– Может, составишь мне кумпанию? – то и дело спрашивал он. – Составишь, а?

Рекой лилось вино, сизой спиралью вился табачный дым, и Жуга теперь уже не помнил, как согласился пойти с Олегом. Планов на ближайшее время у него не было, а те, что были, вполне могли подождать недельку-другую.

На другое утро встали рано. Остальные гости ещё спали вповалку, кто на лавке, кто на столе, а кто и вовсе под столом. Очухавшись и протрезвившись бадейкой рассола, приятели засобирались в путь. Олег, уходя с мельницы, прихватил в качестве платы порядочный мешок муки, от которого теперь осталось меньше половины. Решили взять его с собой – не пропадать же добру. На менки, что водились у обоих, прикупили свечей, пару одеял, копчёный свиной окорок да пива маленький бочонок, и даже осталась кой-какая мелочишка на дорогу.

Вышли засветло. Шумный суетливый Марген вскоре остался позади, и Жуга постепенно перестал корить себя за содеянное. В конце концов, дело Олег задумал хорошее, жаль только, поздновато спохватился: осень на носу. Погода стояла тёплая, что называется, бабье лето. Где пешком, где на попутной подводе, ночуя на постоянных дворах, а в конце пути уже и просто в поле, приятели добрались до Бобрового ручья дня через три. И были немало удивлены. Оказалось, здесь не так уж и безлюдно: неподалёку находился перекрёсток проезжих дорог, по которым в хорошие времена сюда возили зерно из ближних деревень. Теперь же, когда мельница больше не работала, жителям их приходилось делать большой крюк, добираясь до другого мельника почти два дня. Тот, кстати говоря, был малый не промах и драл с поселян три шкуры, но ничего не поделаешь – ругались, да ездили.

Мельница оказалась старая, но сруб был ещё крепок. Чинить её сейчас всю, целиком и полностью, у Олега не было ни времени, ни желания, и дело отложили на весну, решив просто подновить дырявую крышу, пока не начались дожди.

Жуга с каждым днём ощущал, как растёт в груди знакомое до боли напряжение, предчувствие недоброго. Впрочем, то могла быть простая усталость. Каждый день взгляд его всё чаще останавливался на чёрной воде мельничного пруда, Жуга подолгу сидел на берегу, слушая лес и думая о своём. Было в окрестностях старой мельницы нечто странное. Никто сюда не ходил, хотя полно здесь росло и ягод, и грибов – почти не отходя от пруда, приятели каждый день набирали чуть ли не ведро крепких, ядрёных боровиков. Здесь редко дул ветер и совсем не было птиц и другой живности, лишь ниже по течению ручья поселились бобры – там была

вторая плотина, ими же и построенная. Изредка можно было слышать, как валятся с треском молодые деревца на их лесосеке да шлёпают по воде плоские чешуйчатые хвосты.

И ещё одна заноза не давала Жуге покоя. Мельница была стара. Давно сточились деревянные шестерни. Треснул и раскололся жёрнов. Почти совсем стёрся кованый вал. Воды в жёлобе было мало, и напор её был так слаб, что не смог бы и пескаря затянуть, не говоря уже о том, чтоб колесо крутить.

А колесо крутилось.

Олег пробовал его останавливать. Сделать это удавалось без особого труда, но едва лишь убирали запорный брус, тёмная громада вновь начинала своё неторопливое вращение. Жуга предложил перекрыть колесу воду, но «кумпаньоны» по разным причинам так и не решились это сделать, да и времени не было.

Жуга подначил Олега спросить у поселян, кто был прежний хозяин мельницы, куда исчез, как звали да и был ли он вообще, но те всё больше отмалчивались, и тогда Жуга сам решил выяснить, почём в лесу петрушка. Он взял котомку, пересчитал менки в кошельке и отправился в ближайшую деревню. Вернулся травник далеко за полдень, принёс пареной репы, крынку молока и большой румяный кныш с гречневой кашей и грибами. Стоковавшиеся по свежему хлебу приятели в два счёта всё это умяли, и лишь после еды Олег поинтересовался, удалось ли другу чего разузнать.

– Моргун его звали, – хмуро, с неохотой ответил Жуга. – Жил он тут один, обходился без помощников, а куда после девался, не знает никто. Уж года три как нет его. Ходит слух, будто с нечистым он знался, заговоры всякие творил, держал на мельнице то ли козла чёрного, то ли кота такого же... В общем, всякое говорят, да всё больше дурь несут.

– Люди чего только не скажут, – буркнул недовольно Олег. – Слыхал я краем уха про него, Моргуна этого. Смурной был мужик, верно. Ну так что с того? Поселись отдельно да кошку заведи, так ты уже и колдун. А настоящих колдунов, поди, и не видали никогда, так, бабки-травницы.

– Твоя правда, – кивнул Жуга, собрал с платка хлебные крошки и отправил их в рот. Посмотрел на колесо. Нахмурился, ничего не сказал, надел рукавицы и взялся за топор.

Осень заставляла друзей торопиться. Они работали – валили деревья, рубили брёвна на щепу и в меру сил чинили кровлю.

Так прошло ещё три дня.

На четвёртый к ним пожаловал гость.

* * *

Он шёл неспешно, неслышным мягким шагом. Вёл в поводу осёдланную лошадь. Над правым его плечом, натянутым в потёртую кожу старого полукафтана, рифлёной чёрной свечкой торчала рукоять меча. Один бог знал, что влекло его сюда, но шёл незнакомец уверенно, не оглядываясь и не сворачивая. Лошадь, гнедая поджарая кобыла, ступала тихо: мягкая лесная земля начисто глушила стук её некованых копыт. По обе стороны от седла приторочены были два тюка и длинный мохнатый свёрток чёрной овчины.

Немного не дойдя до пруда, путник остановился. Сквозь хрупкое переплетение нагих ветвей уже проглядывала тёмная бревенчатая коробка старой мельницы. На все четыре стороны разносился бодрый перестук топоров. Работали двое – снимали кору или кололи щепу: удары были негромкие, острые. Временами топор звонко тенькал, соскальзывая – видно, плотники были неопытные. Слышался приглушённый плеск воды.

Незнакомец осмотрелся, забросил поводья на спину лошади и осторожно двинулся вперёд, рукою отводя нависшие над дорогой ветви. Лошадь послушно осталась на месте.

* * *

...Коротким ударом Олег вогнал топор в очищенное от коры бревно и разогнул усталую спину. Сморгнул с ресниц набежавший пот и только теперь заметил пришлеца. Заметил и вздрогнул – так внезапно и неслышно возникла в тени старого плетня сухая, затянутая в чёрное фигура. Заслышав, как смолк топор в руках друга, обернулся и Жуга.

Воцарилась тишина. Оба настороженно разглядывали незваного гостя. Падали листья. Крутилось колесо.

Ожидать от незнакомца можно было чего угодно – много странных людей бродило по дорогам из города в город, из одного воеводства в другое, и каждый искал своё: один – лучшей доли, другой – выгодного дела, третий слепо гонялся за удачей, а кое-кто и вовсе караулил лёгкую добычу на большой дороге. Им не были преградой бесчисленные границы, проведённые тут и там мелкими дворянчиками, каждый из которых именовал себя не иначе как королём. Им было всё равно, какие земли простираются окрест – Хоратские горы или болота Белополесья, христианская Либава или языческие Мазуры. Им даже без разницы было, как зовутся здешние княжества – Валиницы, Махагам или Мравская Стойна, – всё равно нескончаемые споры, раздоры и междоусобицы перекраивали карту по десять раз на дню. Земля же носила всех, не спрашивая, кто, откуда и куда.

Олег не смог бы сразу сказать, откуда пришёл этот человек. Среднего роста, загорелый до смуглой черноты, беловолосый, с мечом за спиной, он походил на наёмника-кнехта. На нём были высокие, до колен, сапоги для верховой езды, чёрные штаны и такой же чёрный кожаный полукафтан, какой обычно надевают под кольчугу. Рукава до самых локтей покрывала густая россыпь круглых, сходящихся на конус металлических бляшек. На шее чужака, как раз там, где кончалась шнуровка кафтана, багровел недавний шрам – неровный, рваный полумесяц. Спокойный, неподвижный, незнакомец стоял, ссутулившись, возле почерневшей бревенчатой стены и рассматривал двоих друзей. Ни один мускул не дрогнул у него на лице, двигались только глаза: вправо – влево, взгляд на Олега – взгляд на Жугу.

Молчание затягивалось. Олег подумал, уж не драки ли ищет чужак, потом заподозрил, что тот немой, и уже совсем в этом уверился, как вдруг странник заговорил.

– Бог в помощь, – беззлобно сказал он и снова оглядел двоих друзей. Выговор у него был мягкий, явно нездешний, но, опять же, неясно, каковский.

– Благодарствуем, – ответил за обоих Олег и стянул рукавицы. – Ты кто такой будешь?

– Меня зовут Геральт, – представился незнакомец.

– Олег, – сказал Олег.

– Жуга, – сказал Жуга.

– Это ваша мельница?

– Теперь моя, – кивнул Олег. – А что?

– Выглядит не новой.

– Уж какая есть... А что тебе до этого? Или ищешь чего?

– По своим делам иду, – уклончиво ответил тот. Снял чёрные, усыпанные тусклыми серебряными бляшками перчатки, заткнул их за пояс. Поправил меч за спиной. – У вас тут можно заночевать?

Олег замаялся. Он ожидал подобной просьбы, но не подумал заранее, что ответить. Покоился на Жугу, но тот промолчал, лишь поднял бровь: твоя, дескать, мельница, ты и решай.

– Не знаю, как и сказать, – уклончиво начал он. – Место у нас, конечно, есть, но сам посуди, как тебя пустить, коли мы не знаем про тебя ничего? Меч у тебя опять же... Я слышал, тут поблизости постоянный двор есть, лучше бы тебе там остановиться.

– Послушай, парень, – мягко сказал Геральт, – если бы я задумал недоброе, вы оба были бы уже мертвы. Я прошу всего лишь ночлега. И потом, я могу заплатить.

Олег вспомнил, как незаметно подобрался к мельнице незнакомец в чёрном, и ему стало не по себе. А ведь он к тому же и не пытался от них спрятаться! Олег нахмурился.

Неким холодом веяло от этого человека, да и повадки его смутно были Олегу знакомы, словно он уже сталкивался с подобным или, по крайней мере, что-то слышал... Только вот что именно? И где?

– Он прав. – Жуга положил руку Олегу на плечо и покосился на небо. – Да и стемнеет скоро. – Он повернулся к страннику. – Ты один?

– Со мной только лошадь, – ответил Геральт, обернулся к лесу и негромко позвал: – Плотва!

Неслышно ступая, из-за деревьев показалась осёдланная гнедая кобыла, подошла ближе, ткнулась мягкими губами в кожаный рукав. Геральт потрепал её за холку, посмотрел вопросительно на Жугу. Тот кивнул:

– Ну что ж, гостю место. Стоило для лошади тоже найдётся. А вот за корм не ручаюсь.

– Она сама найдёт пропитание.

Олег всё ещё колебался.

– Коли так, – с неохотой кивнул он, – оставайся. Пять менок – не слишком дорого будет для тебя?

– Хочешь, чтобы я заплатил сейчас?

– Пожалуй...

Геральт расшнуровал на груди кафтан, вынул кошель. Из-за пазухи выскользнул и закачался на цепочке круглый серебристый медальон с выбитым на нём рельефом – волчьей головой. Геральт небрежно сунул его обратно, отсчитал деньги Олегу в подставленную ладонь. Взял лошадь под уздцы.

– Куда отвести?

Олег не ответил, думая о своём, и Жуга указал рукой:

– Там, с правой стороны ворота увидишь.

Геральт кивнул и направился в обход рухнувшей ограды. И лишь когда он скрылся за углом, Олег вспомнил-таки, где он видел такой же, как у Геральта, медальон. Вспомнил и тихо выругался.

– Что? – обернулся, не расслышав, Жуга.

– Ведьмак, – глухо повторил Олег и сжал в кулаке пять медных кружочков.

* * *

Этой ночью Жуга снова не смог уснуть, лежал, закрыв глаза. Ничего хорошего она не сулила, ночь без сна. Она приходила всякий раз, когда что-то не ладилось, когда душу снедало предчувствие близкой беды. Свечу давно загасили. Слышно было, как плещется на плотине колесо. Справа доносилось спокойное, ровное дыхание Олега. Геральт предпочёл лечь поближе к двери, подложив под голову свой мешок. Жуга перевернулся с боку на бок и задумался.

Что за неясную тревогу принёс чёрный незнакомец?

Ведьмак... Кажется, так назвал Геральта Олег.

Жуга припомнил пару историй, подслушанных в Маргене, – что-то про бродячих колдунов. Наёмники. За плату они подражались изводить всякую нечисть, которая, кстати, колдовством и была рождена на свет. Народ их не любил. Хотя, если поразмыслить, народ не любит всё, чего не может понять, уж в этом Жуга имел возможность убедиться самолично. Но Олег, который сам учился магии, он-то что плохого в том увидел?

«Понимаешь, – уклончиво ответил тот, когда Жуга спросил его об этом, – ведьмаки, они, конечно, парни не робкого десятка, но они убивают. А нечисть они быют или нет – им без разницы. Вот...» Больше он не сказал ничего. Деньги, однако же, взял.

Скрип половиц, донельзя громкий в звенящей ночной тишине, прервал его раздумья. Жуга сел и огляделся.

Длинную, с низким, просевшим потолком комнату затопила смоляная чернота осенней ночи. На тёмном отсыревшем полу серебрился неровный квадрат лунного света от окна.

– Геральт? – неуверенно окликнул Жуга, помолчал, настороженно прислушиваясь, и снова позвал: – Геральт!

– Ш-шш... – донеслось из темноты. – Тише... говори тише...

Жуга обернулся на голос и еле разглядел неясный силуэт.

– Ты что там делаешь?

Похожий на тень и такой же неслышный, ведьмак медленно, шаг за шагом подбирался к окну. Замер. Повернулся. Блеснули в темноте восемь пядей лёгкой, остро отточенной стали – меч. В горле у Жуги мгновенно пересохло; он приподнялся было, намереваясь встать, но Геральт поспешно замахал на него рукой и пальцем указал на ухо, мол, слушай. Жуга кивнул и остался недвижим.

Зашуршали листья. Кто-то ходил кругами возле мельницы, приволакивая ногу. Расшатанные доски крыльца скрипнули раз, другой. Толкнули дверь – осторожно, как бы примериваясь. На миг заслонили окно. Неизвестный ещё разок обошёл мельницу, торкнулся в конюшню – лошадь забеспокоилась, фыркнула, топнула копытом. Жуга лежал не шевелясь, гадая, кто бы это мог быть. Олег продолжал себе спокойно спать.

Пошатавшись ещё минут десять поблизости, полночный колоброд исчез так же внезапно, как и явился. Геральт вздохнул и с лёгким шелестом убрал меч в ножны.

– Кто это был? – спросил Жуга.

Геральт не ответил, лишь усмехнулся криво. Присел, расправил одеяло.

– Чего зубы скалишь? Кто это был?

– Ты что, видишь в темноте? – вместо ответа спросил ведьмак. Голос его прозвучал хрипло и глухо, безо всякого выражения.

– А хоть бы и вижу, что с того?

– Мне – ничего, – хмуро проговорил он. – Как тебя зовут?

– Жуга, – с неохотой сказал травник. – Я говорил уже.

Геральт хмыкнул:

– Кличка, ребячье прозвище...

– Другого нет.

– А было?

Ответа не последовало, и разговор угас сам собою. Через минуту оба уже спали.

* * *

Утро Олег заспал. К тому времени когда он, зевая и потягиваясь, вылез на крыльцо, уже давно рассвело. Осенний лес окутала белёсая липкая дымка. Было сыро, холодно и до жути тихо, лишь стучал топором Жуга, обтёсывая тонкую прямую лесину, да плескало у запруды колесо. Аспидно-чёрное зеркало мельничного пруда замерло в неподвижности. Давешнего пришельца было не видеть.

Скользя и оступаясь на крутом глинистом берегу, Олег спустился к ручью, стянул рубаху и принялся умываться, горстями черпая прозрачную стылую воду. Пригладил волосы, напился, вытер руки о штаны и протянулся было за рубашкой, да и замер.

В кустах на том берегу кто-то был. Плотный туман колыхался зыбкой слоистой пеленой, мешал смотреть, и Олег смог различить лишь длинные чёрные волосы и белое полотнище рубашки.

– Что за чёрт... – пробормотал он, смаргивая, и вполголоса позвал: – Жуга!

Топор смолк.

– Чего тебе? – донеслось из-за угла.

– Девка!

– Что?

– Девка стоит, чтоб мне лопнуть...

Послышались шаги. Жуга подошёл к берегу, сжимая в руке свежесрубленный посох. Дерево было плотное и белое, без трещин и почти без сучков. Остановился, повертел головой.

– Где?

Олег вытянул руку, указывая на кусты, но не было там никого, лишь глаз уловил, как мелькнула меж деревьев угловатая девчоночья фигурка, мелькнула и пропала без шороха, без звука.

– Где? – повторил Жуга, прищурился и посмотрел на Олега. – Поблазнило?

Олег помотал головой.

– Вроде нет...

– Что за девка хоть?

– Лица не разглядел, – нахмурился Олег. – По виду пацанка ещё. Волос чёрный. И рубашка на ней такая... Куцая такая рубашка.

– Рубашка... и всё?

– Ну-у... э-ээ... – Олег покраснел и почесал в затылке. – Не разглядел я!

Жуга присел у воды, положивши посох поперёк колен. Сорвал увядшую травинку, пожевал задумчиво.

– Н-да... – наконец сказал он.

– А что такое? Или случилось чего?

– Да гость у нас ночью побывал.

– Гость? – Олег непонимающе вскинул голову. – Какой ещё гость? Ты о чём?

Жуга встал и направился к мельнице.

– Идём, покажу.

Возле окна, на пяточке рыхлой расчищенной земли виднелся след босой ноги. Пятипалый, кривой, он был не в пример больше человеческого – расшлёпанная плоская ступня.

– Может, медведь? – с неуверенностью в голосе предположил Олег.

– Не похоже. Он на пальцах ходит и пятку криво ставит, одно слово – косолапый. Да и медведей в здешних местах уж лет десять как не видали.

Олег всем телом повернулся к Жуге.

– Почто меня не разбудил?

– Надо б стало – разбудили бы, – рассудительно ответил тот. Прошёлся рукой по рыжим волосам. – Странные дела... Так, говоришь, пацанка?

– Малолетка. А где этот, как его...

– Геральт?

– Ну, да. Где он?

Жуга пожал плечами:

– Бог его знает. Бродит окрест.

– Может, уехал?

– Лошадь-то тут.

– Ведьмак чёртов! – ругнулся Олег вполголоса. – Знаешь, Жуга, меня уже с души воротит от его корявой морды. И ведь толком не говорит, сволочь, чего ему тут надо. Не иначе его рук

дело, след энтот. Да и баба эта не зря тут вертится. Может, из какой деревни она? Одни только беды от этих баб...

– Вот что я скажу. – Жуга встал и отбросил смятый стебелёк. Сплюнул зелёным, огляделся. – Хватит рассиживать. Нутром чую – неспроста эта каша заваривается. Давай искать. Здесь должен быть тайник.

* * *

Запрокинув над головой пузатый маленький бочонок, Олег хорошенько потряс его, выцеживая в раскрытый рот последние капли пива, в напрасной надежде заглянул внутрь одним глазом, другим, с тоской вздохнул и зашвырнул в лопухи. Бочонок, с шумом подминая широкие листья, скатился по крутому откосу, плюхнулся в пруд и закачался на тихой волне, мокро блестя круглыми боками, словно диковинная водяная живность. Жуга с неодобрением покачал головой:

– Зря ты так. Пригодился бы.

– Для чего?

– Для воды.

– Да ну, скажешь тоже – для воды... С собой её тащить, что ли, воду-то? – Олег сплюнул и покосился на мельницу. – Зря искали. Нету здесь тайника никакого.

Жуга покивал головой.

– Может, и зря... а может, и нет.

– И с чего ты выдумал про тайник?

Жуга не ответил.

День распогодился. Было сухо и тепло, хотя земля ещё дышала утренней сыростью. Утомлённые долгими поисками, друзья отдыхали, лёжа на брёвнах и подставив лица неяркому солнцу. Геральт до сих пор не воротился. Втайне Олег был этому даже рад – чем дальше от мельницы пребывал ведьмак, тем спокойнее было у Олега на душе.

Однако где ж его черти носят?

– Геральта не видать? – словно услышав его мысли, спросил Жуга.

– Да вроде нет... И чего ему неймётся?

Большая пёстрая сойка-вертуха, крича заполошно, вдруг стрелой сорвалась с дырявой мельничной крыши и скрылась в лесу. Жуга проводил её взглядом и нахмурился.

– Что-то не видал я тут птиц, – как бы про себя пробормотал он. – Сходить посмотреть, что ли?

– Да брось, чего там смотреть... – Олег лениво повернулся и вдруг вытаращил глаза. – Э, гляди-ка!

– Что? – Жуга вскинулся и завертел головой. – Где?

– Да эвон, в лопухах!

Широкая борозда, пробитая бочонком в лопуховой чаще, открыла взорам тёмные старые доски. Приятели засучили рукава, и минуты через полторы показалась неровная квадратная крышка-дверь. Петель не было. Поколебавшись мгновение, Жуга махнул рукою: «Открывай!»

Олег откинул крышку. Пахнуло холодом.

Некоторое время оба молчали, опасливо заглядывая в чёрную дыру. С краю был виден толстый пласт дернины. Прямо у ног брали начало и терялись в темноте рыхлые земляные ступени. Из провала тянуло сыростью и тленом.

Олег шмыгнул носом, покосился на Жугу.

– Погреб, наверное... или землянка. Войдём или как?

– Или как, – буркнул Жуга. Лицо его осталось серьёзным. Нашарив у себя в мешке серую восковую свечу, он разгрёб ещё тёплую золу утреннего костра, раздул огонёк, кивнул молча:

«Пошли» – и первым направился вниз по ступеням, ладонью прикрыв от сквозняка робкое свечное пламя. Олег замешкался, подыскивая что-нибудь потяжелее. Взгляд его упал на посох. Олег поднял его, согнул для пробы – согдится ли? Обернулся. На миг почудилось, будто в кустах на той стороне опять мелькнуло белое, но, взглядевшись, он не заметил ничего, кроме желтизны осенних листьев. Он встряхнулся и двинулся следом, догоняя товарища.

Спуск оказался коротким, да и можно ли тут было глубоко копать – ведь ниже была вода. Даже сейчас под ногами противно чавкала грязь. Сырой бревенчатый потолок порос грибами и плесенью. Свет сюда почти не проникал. Олег дважды треснулся головой, затем наконец догадался пригнуться и огляделся.

– Всё-таки погреб... – пробормотал он. – Эй, Жуга, ты где?

– Не ори – не в лесу, – послышалось справа. – Тут я, рядом.

Показался огонёк, высветив в темноте голову и плечи травника. Только сейчас Олег смекнул, что друга скрывала откинутая крышка сундука, который притулился чуть поодаль. Задев посохом за стены, Олег подошёл ближе и заглянул внутрь.

– Что тут?

– Подержи свечу, – сказал Жуга, отвёл рукой упавшую на глаза прядь волос и снова склонился над сундуком. Олег ругнулся втихомолку, когда горячий воск капнул на руку, и прислонил посох к стене.

Доски сундука прогнили почти насквозь, и лишь набитые поверху железные полосы не давали им рассыпаться. В таких сундуках старухи обычно хранят свои пожитки, а девушки – приданое. Этот почти до половины был забит слипшейся неоднородной рухлядью, весьма мерзкой на вид, да и на запах тоже.

– Гработы, кдиги, деревяшки какие-то... – гнусаво бубнил Олег, пальцами зажимая нос, пока Жуга ворошил истлевшие тряпки и листы пергамента. Потрескивал фитиль. Со дна сундука волнами поднимался тяжкий прелый дух. – Это, что ли, ты искал? – Он повернулся к выходу глотнуть свежего воздуха и осёкся на полуслове: синеватым призраком мерцая в темноте, в грудь ему смотрело лезвие меча.

В горле у Олега мгновенно пересохло. Медленно, очень медленно он поднял голову и встретился взглядом с глазами Геральта.

– Отойди, – хриплым голосом потребовал ведьмак.

Он стоял, слегка пригнувшись, у выхода из погреба, отрезая друзьям путь наверх. Олег покосился на свечу – может, загасить? – потом решил: нет, не поможет.

– Отойди, – повторил Геральт и повёл мечом.

– Ты это... – набравшись храбрости, нерешительно сказал Олег. – Ты что творишь? Мы с добром к тебе, а ты...

Жуга подошёл ближе.

– Может, лучше будет, если я... – начал было он.

– Нет, погоди! – Олег протестующе поднял руку. – Пускай сперва сам ответит. Ишь, меч нацепил и думает, что ему всё дозволено. Эх, говорил я, нельзя ему верить. Одно слово – ведьмак!

* * *

Сырая травянистая лужайка глушила шаги, и потому опасность все трое почуяли слишком поздно. Тень за спиной у ведьмака вдруг шевельнулась и двинулась вперёд – косматая, худая и до ужаса сутулая фигура в сером проёме земляного коридора. В последний миг, почуяв неладное, Геральт успел обернуться, и удар получился скользящим.

Затрещал, разрываясь, кожаный кафтан. Геральта отбросило к стене. Посыпалась земля. Ведьмак молниеносно вскинул руку, прикрывая голову, – блеснули серебряные бляшки на

рукаве. В следующий миг его клинок описал дугу, и отрубленная когтистая лапа шлёпнулась в грязь.

Тварь взревела. В тесном подвале этот рёв мог свести с ума. Уцелевшая рука рванулась, корявыми пальцами нащупывая горло противника – смять, сокрушить, разодрать! Геральт ускользнул вправо, изогнулся и нырнул под занесённую лапищу. Меч взметнулся снизу вверх коротким быстрым колющим ударом и по рукоять вонзился чудовищу в грудь.

Ведьмак знал своё дело.

Рёв захлебнулся. Пронзённое тело рухнуло на колени и медленно завалилось на бок. Содрогнулось раз, другой и замерло неподвижно. Воцарилась тишина, лишь хлюпала, вытекающая, невидимая в темноте кровь.

– К-к... кто это был? – Олег только сейчас понял, что всё ещё сжимает в руке горящую свечу. Всё произошло так быстро, что двое друзей не успели даже рта раскрыть.

Геральт отступил назад, провёл рукой вдоль шеи, щупая прореху. Молча поднял взгляд, и молчание это действовало на двоих друзей сильнее любых слов.

– Всё вот думаю, – медленно сказал он, – понимаете вы сами или нет, куда вляпались. Как вас сюда занесло, зачем, я не знаю, но вот это... – Он ткнул мечом убитую нежить.

– До тебя всё спокойно было! – вскричал Олег. – И чудо это, не иначе, за тобою следом приплелось!

– Я слышал, – подал голос Жуга, – вы, ведуны, зарабатываете на жизнь, убивая всяких чудищ... Ты за ним сюда пришёл?

Ведун повернул голову.

– Может быть... А ты не такой дурак, каким кажешься, рыжий.

Олегу стало нехорошо от его взгляда: показалось на миг, что зрачки у пришельца – вертикальной щёлочкой, как у кошки. Вдобавок только теперь, в свете свечи, он понял, что волосы у Геральта светлые не сами по себе – то была седина.

– Мне заплатили, чтобы я убил вас, – холодно сказал он.

Шли минуты. Прямой, отточенный как бритва меч остался недвижим, и Жуга снова обрёл дар речи.

– Вот, значит, как... Скажи хоть – за что?

Геральт пожал плечами:

– За то, что лезете куда ни попадя. Не сами накуролесите, так старое зло разбудите. Готов спорить: один из вас балуется магией. А может, и оба. Так?

Ответа не последовало.

– Я так и знал, – медленно произнёс Геральт и поднял окровавленный клинок.

Олег бросил свечу и шарахнулся к стене. Огонёк погас. Под руку попался посох.

– Мне! – крикнул Жуга. – Дай мне!

– Держи!

Посох взвился в воздух.

В полумраке сверкнул меч – Геральт сделал выпад. Жуга еле увернулся и почувствовал, как сталь оцарапала рёбра. Левый бок пронзила боль, рубашка вдруг прилипла к телу. Меч вновь рассёк воздух, и Жуга вскинул посох, защищаясь.

В тесном погребе было не развернуться, и впервые в жизни большой рост и широкие плечи сослужили Олегу плохую службу. Он видел, как Геральт с лёгкостью отбил его и ударил опять, но ничем не мог помочь другу. И снова удар, и ещё, и ещё... Казалось, бесполезно драться, да и что посох против меча – никчёмная игрушка! Жуга даже и не надеялся одолеть противника, как вдруг меч расщепил конец посоха и там застрял, словно прирос. Ведун замешкался всего на миг, но этого хватило, чтобы Жуга оттеснил его в угол.

– Бежим! – крикнул он, бросая посох, и пока Геральт высвобождал своё оружие, друзья успели выбраться наверх. Олег заметался среди лопухов, разыскивая крышку погреба, но тут

в дыре блеснул клинок ведуна, и оба, уже мало что соображая, бросились бежать в разные стороны.

Жуга мчался, не разбирая дороги, хватая ртом сырой холодный воздух и всё глубже уходя в чащобу. Мельница давно скрылась из виду, а он всё бежал и бежал, оставляя поверх палой листвы кровавый дробный след. Ноги слабели с каждым шагом. Заныло больное колено. Глаза всё чаще застилала чёрная пелена, и наконец настал миг, когда она опустилась совсем. Жуга упал и больше не поднялся.

* * *

Когда Геральт выбрался из подземелья, двоих друзей и след простыл. Он постоял минуту-две, спустился обратно и вскоре показался снова, за ноги волоча труп. Тщательно осмотрел его, перевернул на спину, приподнял пальцем веко – блеснул мутный жёлтый глаз. Выпрямился. Постоял в молчаливой задумчивости, затем вытащил огниво, запалил свечу и опять полез в погреб.

Когда ведьмак снова показался наверху, уже темнело.

– Каббала... – пробормотал он, спускаясь к воде. Присел, поглядел на своё отражение. – Так я и предполагал. Однако этот гад чуть всё не испортил.

Он отстегнул ножны, несколько раз воткнул меч в землю, счищая с клинка бурую запёкшуюся кровь, и отложил его в сторону. Тщательно вымыл руки, шею и лицо. Расшнуровал и стянул через голову кафтан, поморщился, когда грубая кожа оцарапала края раны. Неслышно ступая, из конюшни вышла лошадь и подошла ближе. Остановилась. Вид распростёртого окровавленного тела, похоже, нисколько её не беспокоил.

– Да, Плотвичка, – сказал ведьмак, расстёгивая седельную сумку и доставая маленький глиняный горшочек. – Ты, как всегда, права. Заклятия, наговоры... Всё начинается с малого. Как думаешь, стоило всё дело этой маленькой царапины?

Лошадь не ответила. Ведьмак некоторое время тоже молчал, смазывая края раны густым чёрным бальзамом, как мог, наложил повязку, после чего вытащил из сумки и надел чистую рубашку. Старую выбросил.

Спасаясь, Олег и Жуга и думать забыли о своих пожитках. Обшарив мельницу, ведьмак выволок наружу две потрёпанные котомки и высыпал на землю содержимое. Некоторое время перебирал разные свёртки и пучки трав, то кивая одобрительно, то скептически усмехаясь. Вынул и подбросил на ладони небольшой браслет с камнем и девятью фигурными подвесками. Металл был тусклый, отливал зеленью, следов на коже не оставлял. Тёмный плоский камень, казалось, светился изнутри. Геральт нахмурился. Некоторое время молча рассматривал находку, беспокойно потирая небритый подбородок, затем сложил травы обратно в мешок и завязал горловину. Браслет перекочевал в сумку ведуна.

– А знаешь, Плотва, – задумчиво проговорил Геральт, зашнуровывая кафтан, – мальчишки оказались не так уж и просты. Особенно рыжий. – Он поглядел в сторону леса. – Не да... Что ж, надеюсь, в этот раз получится.

Последним жестом спрятав за пазуху медальон с волчьим профилем, он поднял меч, повесил его за спину и повернулся к лошади.

– Идём.

* * *

Шарахаясь от каждой тени, Олег метался и кружил по лесу без малого час и, как любой городской житель, вскоре потерял всяческое направление. Гонимый страхом, он то бежал, то пытался затаиться, то снова бежал (желания эти по очереди одолевали друг друга), и конца

этому, похоже, не предвиделось. Тонкие деревца, попавши под ногу, ломались с громким треском, от которого у Олега сжималось сердце, – оглядываясь, он всякий раз ожидал увидеть за спиной чуть ли не просеку. Наконец силы его иссякли, и он ничком рухнул в траву, пыхтя и отдуваясь. Перевернулся на спину. Прислушался. Погони вроде не было. Еле видимые в сумерках, зудели поздние комары. Олег повернул голову и разглядел в просвете меж деревьев бурые мшистые кочки – в угаре поспешного бегства ноги принесли его на болото. Он поднял взгляд – на небе уже высыпали первые звёзды.

Всю ночь болотные жители с удивлением наблюдали, как Олег шатался окрест, пытаясь найти укромное место, хоронился в куче сухих листьев, забирался в дупла, но всякий раз вылезал наружу отогреться. Захотелось есть. В кармане отыскался кусок сухаря чуть побольше тех, что кладут в мышеловки, – еда всё ж таки. Под руку подвернулись два-три гриба. Олег сорвал их, съесть так и не отважился, но и выбросить рука не поднялась – сунул за пазуху.

Еловые шишки уродились слишком чёрствыми.

К утру на землю лёг иней, и Олегу стало казаться, что ведьмак, у которого был всего лишь меч, не так уж и страшен. «И впрямь, – думал он, – стыдно сказать: здоровый парень, кровь с молоком, потомок викингов, и на тебе – испугался какой-то нечисти...»

Он выбрал лесину поухватистее и отправился в обратный путь.

* * *

Лисица. Стремительная рыжая бестия – острая мордочка, гибкое тело, длинный пушистый хвост. И без того яркие осенние кусты, казалось, полыхнули огнём при её появлении, столь неожиданным, что Олег с перепугу чуть было снова не задал стрекача. Лиса не двигалась. Раскосые голубые глаза смотрели спокойно и внимательно, безо всякого страха.

– Фу ты, пропасть, – пробормотал Олег, утирая потный лоб. – Всего лишь лиса...

Близился полдень. В поисках обратной дороги Олег исходил лес вдоль и поперёк, чуть не увяз в болоте, но всё без толку. Он уже отчаялся, да набрёл на ручей и теперь никак не мог решить, куда идти – вверх по течению или вниз, сидел, бросал в воду щепки, а тут ещё лиса.

Он поднял взгляд. Лиса не уходила.

– Ну, это... чего смотришь-то?

Та зевнула, крючком выгибая язык. Укусила блоху. Встала, прошлась туда-сюда и снова уселась, обернув лапы пушистым хвостом. Посмотрела на Олега.

Сколько они так играли в гляделки, Олег не взялся бы вспомнить, только он сдался и встал первым.

Поднялась и лиса.

Олег сел, слегка озадаченный.

Лиса обернулась. Махнула хвостом и двинулась в лес. Остановилась, обернулась ещё раз.

По спине у Олега забегали мурашки.

– Ах, чтоб тебя... – пробормотал он.

Лиса ждала, и Олег, не видя иного выхода, двинулся за нею следом.

Завечерело. Непрошенная рыжая попутчица бежала быстро, поспеть за нею на своих двоих было нелегко. Олег то и дело отставал, упуская её из виду, но та всякий раз возвращалась. Похоже было, что бежит лисица напрямик – ручей петлял, то пропадая в чаще, то снова вытекающая будто ниоткуда. Встретилась вырубка – пеньки, щепки. Вдруг впереди замаячил просвет. Лиса нырнула в плотные заросли кустов, Олег продрался следом, и тут спешка сыграла с ним злую шутку: не удержавшись на крутом склоне, он поскользнулся и кубарем покатился вниз.

Все бы ничего, но внизу была вода.

Много воды.

Очень много воды.

Он бухнулся в пруд со всего размаху и суматошно забарахтался. Дно ушло из-под ног, и Олег презрительно струхнул – и было от чего! – «потомок викингов» совершенно не умел плавать. Фыркая и пуская пузыри, Олег с грехом пополам по-собачьи доплюхал до берега, но глинистый откос был скользок и так крут, что лезть по нему вверх оказалось делом безнадёжным. Зацепки не было. Олег заметался в панике, теряя надежду, как вдруг больно стукнулся обо что-то твёрдое, круглое и плавучее и вцепился в свою находку что было сил. Отдышался и лишь потом осторожно глянул, что послал ему счастливый случай.

Это был бочонок. Брошенный давеча в мельничный пруд Олегом, он попал в жёлоб, оттуда в ручей и так плавал в низовом озерце, пока не подвернулся под руку. Всё произошло так неожиданно, а закончилось так хорошо, что напряжение двух безумных дней выплеснулось в шумной истерике: Олег не выдержал и рассмеялся. Не в силах остановиться, он хохотал минут, наверное, пять, пока вдруг из воды не вынырнула с шумом и плеском чёрная мохнатая голова. Олег ахнул, захлебнулся и умолк.

Большущий бобр проплыл туда-сюда перед самым Олеговым носом. Фыркнул, глядя искоса. Нырнул, шлёпнул по воде широким плоским хвостом – словно лопатой жажнули – и через миг показался снова во всей своей красе. Взгляд его чёрных глаз – умный, насмешливый – напомнил давешнюю лису, и Олегу опять стало не по себе. Зверь замер, словно раздумывая, мол, не помочь ли дураку, затем развернулся и поплыл прочь от берега, то и дело оглядываясь. Олег заколебался, но уж солнце садилось, да и вода была холодна; он покрепче ухватился за бочонок и медленно двинулся за бобром, шумно бултыхая ногами. Олег понятия не имел, куда они плывут. Впереди то и дело мелькал чешуйчатый хвост. Олег подивился мимоходом: зверь, а вот поди ж ты – чешуя... Помнится, именно поэтому один охотник, подвыпив, спорил до хрипоты – доказывал, что бобр, мол, вовсе и не зверь, а просто лохматая рыба. И ведь доказал, шельмец! Сам Олег о бобрах знал мало, почти что ничего. Впрочем, однажды ему довелось отведать жареного бобриного хвоста в сметане, о чём у Олега сохранились самые приятные воспоминания.

Показалась плотина. Бобр покрутился возле, поджидая человека, и вдруг нырнул. Олег замер, огляделся ошарашенно по сторонам. Быстро темнело. Искать другой выход было, пожалуй, поздно.

Он набрал побольше воздуха и выпустил бочонок из рук.

* * *

Жуга очнулся в темноте. Впрочем, нет – то была не совсем темнота: непонятно откуда сочился тусклый зеленоватый свет.

Пахло водой.

Пахло прелым деревом.

Двигаться не хотелось.

Некоторое время Жуга лежал в зыбкой тишине, заново привыкая к собственному телу. Было прохладно. Его всегдашний овчинный кожух остался на мельнице, а сейчас и рубаха исчезла. Боли не было, лишь ныл противно левый бок, задетый мечом ведуна. Что-то плотное стягивало грудь. Жуга пощупал – перевязка. Выдернул клочок мякоти, размял на пальцах. Поднёс к лицу – комок был сухой, волокнистый. «Мох, наверное, болотный», – догадался травник.

– Не... надо... – тихо сказали рядом.

Жуга вздрогнул и повернулся на голос.

Девушка.

Маленькая, щуплая. Руки тонкие, в ссадинах и царапинах. Курносый нос, раскосые глаза, длинные чёрные волосы. Прав был Олег – совсем ещё девчонка.

– Не надо... трогать... – еле слышно повторила она, медленно, с трудом выговаривая слова.

Жуга попытался улыбнуться, запёкшиеся губы еле разлепились.

– Ты кто? – спросил он. – Как тебя звать?

Та не ответила, лишь посмотрела непонятливо. Жуга задумался на секунду, затем его осенило. Он похлопал себя по груди:

– Жуга.

Девчушка торопливо закивала.

– Жу-га... – повторила она.

– Это ты меня отыскала?

– Ила, – вместо ответа сказала та и указала на себя. Улыбнулась. Мелькнула дыра на месте переднего зуба. – Ты был... там...

– В лесу?

Та кивнула.

– Ты живёшь тут?

Снова кивок.

Жуга приподнялся и сел. Огляделся по сторонам.

На небольшом возвышении, собранные в горку, зеленовато мерцали гнилушки. Света было мало, но вполне достаточно, чтобы разглядеть низкое круглое помещение с маленьким озерком посередине и неровным купольным сводом. Ила... Странное прозвище, как ни крути. Жуга вдруг почувствовал, что настоящее её имя гораздо длиннее, но угадать его с обычной своей уверенностью, пожалуй, сейчас бы не смог. Он снова посмотрел на девушку и задумался.

Кто она?

– Дай руку, – попросил он.

Та опять не поняла. Жуга взял её ладонь в свою, перебрал по одному все пять пальцев. Рука как рука. Коснулся кожи у девушки за ухом, провёл рукою вдоль шеи: ни жабр, ни щелей, ни вообще каких-либо складок. Ила не шелохнулась – осталась сидеть, как сидела, глядя доверчиво. Глаза у неё были большие, серые до белизны, словно треснувший, в разводах, мрамор. Жуга неожиданно поймал себя на мысли, что она далеко не дурнушка. Из одежды на ней была лишь белая рубашка чуть ниже колен – кто знает, где, когда и на какой верёвке сушилась она после стирки, прежде чем попала к этой лесной девчонке. Впрочем, если не считать худобы, царапин и неразговорчивости, Ила была самая обыкновенная девушка – не русалка и не анчутка. Так с чего бы ей жить в лесу?

Жуга уже раскрыл было рот, чтобы спросить, но тут тёмное неподвижное зеркало воды вдруг раскололось с громким всплеском, и на поверхности, фыркая и отдуваясь, возникла ушастая Олегова голова.

– Вот чёрт... – пробормотал он, ошарашенно вращая глазами. – Эй, кто тут? – Олег прищурился. – Ничего не разберу... Жуга, ты, что ли?! Ты чё тут делаешь?

Ругаясь в мат, стуча зубами и трясясь, он вылез целиком, мокрый и продрогший, и принялся было стаскивать рубашку, как вдруг заметил, что приятель не один – Ила при появлении незнакомца проворно спряталась Жуге за спину, откуда и выглядывала теперь испуганным зверьком.

– Это Олег, – успокоил её Жуга. – Не бойся.

– Ничего не понимаю. – Олег без сил опустился на пол. – Это где мы? Это что за девка? – Он посмотрел на Жугу, на девчонку, затем снова на Жугу и вздохнул.

– Есть чё-нибудь поесть, а? – жалобно спросил вдруг он, и вид у него при этом был такой несчастный, что Жуга не выдержал и рассмеялся.

* * *

Заброшенная бобровая хатка, послужившая им убежищем, сооружена была недалеко от берега, у самого края большой плотины. Внутри вели два хода; первый был затоплен – обычное дело у бобров, которые сперва роют нору и только потом запруживают речку, а второй, обычный, похоже, Ила прокопала сама. Воздух здесь всегда был свежим – под потолком обнаружилась отдушина, а для обогрева вполне хватало тепла трёх человеческих тел. Прежние хозяева давно переехали в более просторное жилище. Друзей никто не беспокоил, лишь приплыла пару раз дородная пожилая бобриха (та самая, что указала Олегу путь сюда), посмотрела, всё ли в порядке, и отбыла восвояси.

Прошло два дня. На мельницу у них так и не хватило духу заглянуть, да и Жуге нездоровилось – несмотря на перевязку, рана воспалилась, началась лихорадка. Снаружи он почти не бывал, всё больше лежал в раздумьях.

Ила же, напротив, часто уходила в лес. Приносила ягоды, грибы, клюкву с болот. Иногда – рыбу. Где она её ловила и, главное, как, двум друзьям узнать так и не удалось. Жуга во время своих коротких вылазок собирал у озера травы, мох, сдирали кору, готовил настои, нередко даже горячие, и тут у Олега вовсе ум за разум заходил: огня они не разводили. Он догадывался, что без колдовства не обошлось, но распознать его не смог – учился он магии, да так недоучкой и остался.

Олег рассказал другу, как нашёл его в этом убежище, ведомый сперва лисой, а после бобрихой, но тот лишь пожал плечами и объяснить ничего не смог.

– Я и сам не помню, как тут очутился, – хмуро сказал он.

От Илы об этом тоже ничего узнать не удалось – она почти не говорила, лишь смотрела с грустью, если её спрашивали, и только раз, когда разговор зашёл о мельнице, вдруг заволновалась.

– Что случилось? – Жуга приподнялся на локтях. – Тебе страшно? Чего ты испугалась?

Та покачала головой.

– Он... там... – Она сделала непонятный жест рукой.

– Геральт? – спросил Олег, – или... тот, второй?

– Нет... нет... – Палец её снова очертил окружность. – Там... давно-давно... Он там... один...

– Где «там»? На мельнице?

– Да.

Снова круг, и ещё, и ещё...

– Колесо! – встрепенулся вдруг Жуга. – Это она про колесо! Так, да?

– Да, – кивнула та. – Да! Да!

– Колесо? Какое колесо? – не понял Олег. – А-а... А при чём тут колесо?

– Помолчи, не мешай, – отмахнулся Жуга.

Ещё примерно с час он пытался выведать у девушки ещё что-нибудь – что там за дела с колесом и кого порубил ведьмак, но всё было без толку: то ли слов у лесовинки не хватало, то ли травник недопонимал. На том и кончилось. Время было позднее, и обитатели заброшенной хатки расположились ко сну. По молчаливому уговору два друга спали по одну сторону озёрка, Ила – по другую.

Прошёл час, но Жуга не мог заснуть. Мысли крутились в голове, беспокойные, тревожные. Он чувствовал, что не хватает некоей малости, чтобы найти ключ к тайне старой мельницы. А в том, что тайна эта существует, Жуга уже не сомневался. Взгляд его упал на девушку. М-да... Ещё одна загадка... И зачем, кстати говоря, пришёл на мельницу ведьмак? Хотя если поразмыслить...

Рана заныла. Жуга заёрзал, перевернулся на другой бок и вдруг замер, ошеломлённый внезапной догадкой. Он сел, отбросил тонкую травяную плетёнку, которой был укрыт, подобрался на четвереньках к выходу, да остановился – холодный воздух снаружи мог разбудить спящих. Жуга придвинулся к озерку, помедлил в нерешительности, оглянулся и бесшумно скользнул в тёмную воду.

* * *

Ночной лес замер, холоден и тих. В этой поздней осенней тишине, в чёрной паутине нагих ветвей, в хрупкой, инеем покрытой траве таилась недвижная, затаённая красота лесного предзимья; она завораживала, щемила душу в непонятной тоске по уходящему летнему теплу, и не было от неё спасения.

Была луна. Жуга шёл быстро и вскоре согрелся, одежда на нём высохла, и лишь повязку пришлось снять – свалилась липким жгутом. Он поднялся вдоль ручья, перебрался через овраг и уже отсюда ясно расслышал мерный рокот мельничного колеса, а вскоре показалась и сама мельница. Он помедлил в отдалении, обошёл её кругом. Ведьмака нигде не было. Жуга задержался на миг у прикрытого крышкой старого погреба, спустился к воде и остановился у плотины, дыша тяжело и прерывисто. Накатила слабость – аукнулась потеря крови. В висках стучало. От долгой ходьбы разболелась нога, да и рана в боку тоже напомнила о себе.

Прямо перед ним было колесо – крутилось, скрипя и постукивая. Брызги воды летели, озарённые серебристым лунным светом, и там, над самой плотиной, ведьминым коромыслом висела не многоцветная, но белёсая как молоко, лунная радуга.

Жуга заколебался: знать бы наверняка, в чём тут дело!

Стук расшатанных ступиц, резкий, назойливый, не давал как следует сосредоточиться, отзывался в голове гулким эхом, задавая странный, отчётливый *ритм*: «Та-та-та, та-та... та-та-та, та-та...» Жуга неожиданно понял, что повторяет его про себя, и содрогнулся.

Он не знал, что сказать. Любой заранее продуманный наговор мог в одинаковой степени как помочь, так и навредить. Нужны были слова. Много слов.

«Та-та-та, та-та... та-та-та, та-та...»

Ритм повторялся, раскатываясь дробно, гасил мысли. Он был главной частью старого колдовства, он был врагом, и его во что бы то ни стало надо было сломать. Жуга вдруг ощутил странное спокойствие и по наитию понял: решение верное.

«Колесо, колесо... Ко-ле-со, та-та... ко-ле-со, та-та...»

Жуга закрыл глаза, вздохнул и поднял руки.

Первые строчки наговора сложились как бы сами, дальше пришлось соображать прямо на ходу: останавливаться было нельзя.

Колесо – вперёд, колесо – назад.
Знает скрип сердец правды стороны
Каменей, плечо, раздавить яйцо,
Дорогим питьём дни столованы.
Не поймать в галоп уздечку,
Не вернуть к истокам речку,
Не связать, не сломать —
Режьте сухожилия.
Стеблем пыхнет свеча,
Зараз степь отвечай:
Как ходил,
Как искал,

Что нашёл...

Теперь он открыл глаза, теперь ничего не могло ему помешать. Слова текли легко и свободно, как нжутся бусины на нитку. В них не было особого смысла, хотя каждое – и Жуга это чувствовал – было на своём, истинном месте, менять уже поздно. Размер скользил, скакал неровной лесенкой; меняясь через каждые несколько строк и в конце сходя на нет, куда-то пропадали смысл и рифма, прекращалось движение, и скрипучее мельничное колесо вдруг стало сбиваться, вращаясь неровными рывками; и вот уже не колесо задавало темп человеку, а наоборот: человек – колесу. С последней строчкой многолетний разгон вновь напомнил о себе, и Жуга вернулся к прежнему ритму:

*Обещай опять перья ощипать,
Только вижу я – мы не встретимся.
Ждут узлы ремней, и укором мне,
Где стучится кровь, сохнет метина.
И торопит буйный разум
Вспомнить сумрачное разом,
Вспомнить запах травы,
Обернуться к ясному
И излому луча
Без затей прокричать,
Как ходил,
Как искал,
Что нашёл!⁷*

Жуга опустил руки и смолк.
Призрачная радуга исчезла.
Колесо остановилось.

* * *

Сперва не произошло ничего, лишь капала вода с мокрых плит. Затем в ночной тиши вдруг послышался долгий, протяжный вздох. Жуга поднял взгляд.

Стоящий перед ним был невысок и коренаст. Он походил на человека – руки, ноги, голова, всё было на месте, и лишь короткая светлая шерсть, что покрывала его с ног до головы, не давала обмануться. Большие жёлтые глаза смотрели прямо, не мигая, и была в них долгая, почти бесконечная усталость.

Послышался шорох. Жуга оглянулся и еле успел увернуться: Ила, босая, в мокрой, облепившей тело рубашке, стремглав пробежала мимо, замерла на мгновение и бросилась мохнотому на шею. Тот улыбнулся тихо, грустно, погладил её по мокрым чёрным волосам и вздохнул. Ладонь у него была широкая, плоская, как лопата.

Наверху показался Олег. Покрутил головой и, завидев Жугу, торопливо стал спускаться. Был он тоже промокший до нитки и всё никак не мог отдышаться – видно, бежал всю дорогу.

– Ты чего ушёл и нам ничего не сказал? – пропыхтел он. – Девка переполошилась вся, меня растолкала, сказать ничего не может, только твердит: «Жуга, Жуга», руками машет, а потом наружу как выскочит – и бежать! Ну я... Ой... – Олег осёкся на полуслове, завидев незнакомца, присмотрелся и ахнул:

⁷ Стихи Дмитрия Ревякина из песни «Колесо».

– Водяник!

Некоторое время они молчали.

– Так это он был в колесе? – шёпотом спросил Олег. – Кто он ей?

Жуга пожал плечами, покачал головою устало:

– Не знаю.

– Когда-то он заменил ей отца, – громко сказали у них за спиной.

Друзья вздрогнули и обернулись.

Геральт.

Сутулая, затянута в чёрное фигура возникла на берегу словно ниоткуда. Олегу вспомнилась их первая встреча – точно так же ведун стоял тогда и молчал, разглядывая их обоих, невысокий, сухопарый, седой как лунь; за спиной – всегдашний меч. И лошадь наверняка рядом околачивается.

Совершенно неожиданно для себя Олег разозлился. Сейчас он готов был драться с ним голыми руками, и чихать он хотел на его меч.

– Что ж ты встал? Делай своё дело, проклятый ведьмак!

Тот покачал головой:

– Я не за вами.

– Не за нами? – Олег оглянулся на девушку. – Ах вот оно что... Ила. Нас не дорезал, так на ней отыграться решил? Оставь девку в покое!

– Ила? – Геральт поднял бровь.

Олег набычился.

– Ну да. Так её зовут, понял?

– Её зовут Мария, – вмешался неожиданно Жуга. – И вообще, помолчал бы ты лучше, пока всё не испортил. – Он повернулся к Геральту. – Что скажешь, ведун?

Геральт кивнул:

– Эльза-Мария фон Ротенвальд, старшая дочь и единственная наследница графа Вильгельма фон Ротенвальда. Девять лет назад она пропала в лесу, совсем ещё девчонкой. Все решили, что она умерла, но...

– Тебя нанял её отец?

– Да.

– Понятно. – Жуга потёр подбородок и тоже умолк.

Ила обернулась.

– Спа... спасибо... – проговорила она и улыбнулась. В глазах её были слёзы. – Спасибо...

– Девять лет... – задумчиво проговорил Жуга. – Она, должно быть, совсем отвыкла от людей. Лес – её дом.

– Она – человек, – сказал Геральт, подойдя ближе. – И место ей среди людей. Все эти годы отец верил, что она жива, и искал её.

– А ты кто такой, чтобы решать её судьбу? – возразил Жуга. – Все эти годы водяной растил её, заботился о ней. Спроси у него, надо ли ей уходить.

Заслышав, что разговор зашёл о нём, старик-водяной поднял голову. Густые светлые усы раздвинулись, в бороде проглянула улыбка. Он кивнул и выдохнул тихо:

– Да...

До Олега наконец дошло, что сегодня, видно, убивать не будут, но понять, что происходит, он всё ещё не мог.

– Эльза-Мария... – пробормотал он, растерянно глядя то на водяного, то на Геральта с Жугой. – Ничего не понимаю... Вы что, сговорились, что ли?

Шли минуты, и вдруг ночной лес осветился трепещущим заревом. Олег обернулся и ахнул: мельница горела. В узком оконце жаркими багровыми язычками плясало пламя. Крыша уже занялась: ещё миг – и щепка на ней запылала, шипя и потрескивая.

– Матушки мои! – Олег схватился за голову и суматошно забегал вокруг. – Мельница! Моя мельница горит!

– Это я поджёг, – спокойно произнёс Геральт.

Олег вытаращил глаза:

– Ты?! Зачем?!

Геральт пожал плечами.

– ЗАЧЕМ, я тебя спрашиваю?!

– Так надо.

– Надо?! – взвыл Олег и подпрыгнул в бессилии. – Чтоб ты сдох, проклятый ведьмак! Красного петуха! Мне! У, сволочь! Не зря вас все ненавидят! Да что же это такое делается...

Жуга поднял голову и с минуту глядел на пожар. Повернулся к Олегу.

– Пускай горит, – сказал он. – За эти годы стены так напитались злом, что и огонь всё не вытравит... Пускай горит.

Мельница к тому времени уже пылала целиком, словно большой смолистый факел. Даже не по себе становилось от того, как ярко горели отсыревшие брёвна. Олег глянул на неё и сник. Шмыгнул носом, глянул на Илу, на Геральта и опустил на траву, обхватив голову руками. По его небритым щекам текли слёзы.

– Легко тебе говорить... – сдавленно сказал он. – А я... А мне... Эх! И откуда ты только свалился на мою голову? Откуда вы все свалились на мою голову? Эх вы-и...

* * *

Ломая над лужами тонкий лёд нового дня, по стылой осенней дороге шли трое. Два путника – рыжий и белокурый, шли бок о бок, третий – широкоплечий черноволосый детина – держался позади, ведя в поводу гнедую осёдланную лошадь. В седле под одеялами угадывалась хрупкая девичья фигурка.

Слышался разговор.

– ...на развилке надо на север сворачивать, – неспешно пояснял Геральт, указуя рукою, – и добираться лучше окольной дорогой. Я через старый кромлех⁸ ехал, но вам туда лучше не соваться.

– Это где камни кругами стоят? – любопытствовал Олег.

– Да, – ответил вместо Геральта Жуга. – Я знаю.

– Слышь, Геральт, – спросил вдруг Олег. – А тот, который приходил тогда... ну, кого ты зарубил... где он?

– Сгорел. Я сжёг тело вместе с мельницей.

– Кто это был? Троль?

– Троль? – переспросил Геральт и поднял бровь. – Ты бы ещё сказал – кобольд.

– А что я такого сказал?

– Это был Моргун.

– Мельник?! – Олег остановился и посмотрел недоверчиво на Жугу. Тот кивнул, подтверждая. – Ничего себе... Да видано ли, чтоб человек превратился в такое страшилище? С чего вдруг?

– Колдовство всегда отражается, – пояснил Геральт. – Кому-то заклятия уродуют душу, кому-то – тело. А некоторым – и то и другое... Кстати. – Он полез вдруг в карман и вынул браслет с камнем. Подбросил на ладони, протянул Жуге. – Твоё?

– Моё, – облегчённо вздохнул тот. – Значит, это ты взял. А я уж думал, потерял его.

⁸ Кромлех – языческое сооружение из вкопанных в землю камней в Британии и Северной Европе. Назначение их неизвестно. Наиболее известным кромлехом является Стоунхендж (*кельт.*).

– Его просто так не потеряешь. На, возьми.

Жуга на ходу сунул браслет в котомку, забросил её за плечи и некоторое время шагал молча, раздумывая. Посмотрел искоса на ведьмака.

– Геральт...

– Что?

– Этот браслет и камень... Что они такое?

– А ты не знаешь?

– Нет.

Ведун усмехнулся, затем его лицо вдруг посерьёзнело.

– Ты плохо различаешь цвета? – спросил он.

– Да... а откуда ты знаешь?

– Ты сам сказал, что видишь в темноте, а это связано. М-да. Значит, этих сполохов на камне ты не видишь.

– Вижу, но... А... Кажется, я понимаю.

– Думаю, со временем ты сам во всём разберёшься.

Некоторое время они шли молча.

– А обо мне ты что-нибудь можешь сказать? – снова спросил Жуга.

Геральт покачал головой:

– Так, сразу – нет.

– Совсем-совсем ничего?

Тот задумался. Жуга терпеливо ждал.

– Не вся кровь в тебе человечья, – наконец сказал ведун. – Это всё, что я знаю про тебя наверняка.

Версты три ведьмак молчал, время от времени хмурясь и качая головой, будто отгонял назойливую мысль.

– Почему ты решился вернуться к мельнице? – спросил вдруг он.

Жуга пожал плечами:

– Толком не знаю. Мне просто пришло вдруг в голову. Ты сказал, что хочешь нас убить...

– И?..

– И – не убил. Хотя мог запросто. Дал нам сбежать вместо этого.

Олег слушал в оба уха, забывая глядеть под ноги.

– Сам ты подойти к девчонке, видно, не сумел, – продолжал между тем Жуга. – Тебе нужен был кто-то... Ну, как бы это сказать... робкого десятка, что ли. Чтоб побежали без оглядки. А колесо – я с самого начала понял: неладное там. Неспроста же мельник без помощников работал. Уж каким макарон он туда смог водяного загнать, ума не приложу... И главное – зачем? Золота, что ли, требовал или на дочь его глаз положил...

– Всё может быть. – Геральт покачал головой. – Да... Про колесо я не подумал. Руки не дошли. Надо было им заняться, да Моргун этот не вовремя подвернулся.

Дорога сделала поворот, и все трое вышли к развилке. Геральт остановился, поправил меч за спиной.

– Мне туда. – Он указал налево.

– Не по пути, – покачал головой Жуга. Олег кивнул, соглашаясь: и Марген, и другие знакомые земли Семигородья лежали по правую руку от них.

Геральт помолчал. Поднял взгляд на Жугу.

– Если хочешь, – сказал он, – идём со мной. Граф обещал награду – две тысячи серебром. Половина по праву твоя.

Жуга не ответил. Повёл плечом – тугая повязка, пропитанная чёрным бальзамом ведуна, неприятно холодила кожу, но боль уже не так досаждала, рана помаленьку затягивалась.

– Хорошее снадобье, – как бы между делом сказал он. – Поделись, подскажи, как такое сделать.

– Права не имею – цеховая тайна. Да и трав тебе таких не отыскать. Так ты идёшь или нет? Жуга покачал головой:

– Нет. Разные у нас дороги, да и не заслужил я денег этих. К тому же и не дадут их мне, дураку деревенскому. Да и куда мне такую прорву деньжищ – тысячу серебром?

– С ума сошёл! – поперхнулся Олег. – Куда девать? Да ты что! У кого деньги, тот и пан. Соглашайся!

– Не лезь, – хмуро оборвал его Геральт. Подумал, вытащил из-за пазухи кошель и протянул его Жуге. – На, возьми. Бери, бери, это честные деньги. Ну, теперь мы, кажется, в расчёте. – Он посмотрел на девушку. Ила с любопытством выглядывала из вороха одеял. – Может, попрощаться хочешь?

Жуга помедлил, прежде чем дать ответ.

– Нет.

– Как знаешь. Она тебе многим обязана. С колесом у тебя хорошо получилось, но впредь будь осторожен со своими наговорами. Иначе...

– Иначе – что?

Геральт принял у Олега из рук поводья.

– Иначе какой-нибудь другой ведьмак придёт за тобой.

– Злой ты, Геральт, – вставил вдруг Олег. – Пришёл бы по-людски, разъяснил, что к чему, так нет – сразу с мечом. И вообще тебе на людей плевать. Вот за это вас, ведьмаков, и не жалует никто.

Ведьмак пожал плечами.

– Я не умею быть злым, – просто сказал он, – и не хочу быть добрым. А что касается людей... вспомни лучше Моргуна. Прощайте.

И он двинулся в путь. Из одеял показалась рука, помахала на прощание. Жуга улыбнулся, помахал в ответ.

Олег вздохнул и помотал головой.

– Жалко, – сказал он.

– Чего жалко?

– Девку жалко. И мельницу тоже жалко...

– Брось, – отмахнулся Жуга. – Всё одно ничего путного из этого не вышло бы. Радуйся, что цел остался.

– Может, и так. – Олег поскрёб в затылке. – Знаешь что? Не по мне все эти колдовские штучки. Я в жизни ничего не боялся, а когда этот на нас с мечом попёр, прямо душа ушла в пятки... А ловко ты меч его посохом! Он что, у тебя заговорённый, что ли?

– А? – Жуга поднял взгляд и покосился на расщеплённую макушку посоха. – Нет, что ты. Вяз это, обыкновенный вяз. Повезло просто. Да и Геральт убивать нас не хотел, так, баловал.

– Знаешь, – задумчиво сказал Олег, – не хотел бы я стать таким, как этот Геральт.

– Кто знает, может, он тоже по-своему прав. Ты куда сейчас?

– В город подамся. Хватит с меня этих лесов: холода идут. Айда со мной. Работу подыщем, а там видно будет.

Жуга помотал головой.

– Нет. Был я тут недавно в городе одном. Что-то нет больше охоты. – Он подбросил на ладони приятно увесистый кошель, развязал, заглянул внутрь. – Серебро. Давай пополам.

Олег замялся.

– Ну, ты это... зачем...

– Да ладно, чего уж.

Олег подставил ладонь, неловко сунул деньги за пазуху.

– Ну так я пойду?

– Счастливо, – кивнул Жуга.

– Что ж, прощай. Заходи как-нибудь, если что – помогу чем смогу.

– Прощай.

Олег потоптался, пожал протянутую руку и зашагал к Маргену, вскоре скрывшись за поворотом.

Жуга остался один.

Он долго стоял посреди дороги, глядя вдаль перед собой. Из памяти не шёл ранимый, до боли открытый взгляд серых девичьих глаз. Эльза-Мария...

«Ила» звучало лучше.

Жуга невесело усмехнулся своим мыслям и вдруг нахмурился: впервые в жизни он не мог распознать, какое из двух имён настоящее.

Что-то холодное вдруг коснулось лица, кольнуло и слезой сбежало по щеке.

Жуга поднял голову.

Падал снег.

Оправа: Говорящий

4

«Ах-р! Ведьмак! Я думал, их уж не осталось. Он что, правда ехал через Каменный Круг?»

– Откуда мне знать?

«Тогда тебе повезло. Тебе и твоему приятелю не стоило туда ходить – та мельница давно мертва. Мельники частенько повреждаются в уме – уж слишком много мыслей в голову приходит, когда крутится колесо и мелется мука. А если человек ещё при этом и один... – Медведь поднял взгляд на травника. – А ты правда не различаешь цвета?»

– Только красное и зелёное.

«Этот браслет... Ты почти не говорил о нём. Покажи».

Жуга поднял руку.

– Я как раз собирался рассказать... Нет, извини, снимать не буду. Если хочешь, подойди поближе.

Маленькие глазки зверя холодно блеснули. Жуге на миг почудилась скользнувшая в жёлтой глубине тень испуга.

«Ладно. Опустит. Мне понятно уже сейчас».

– Вот как? И что тебе понятно?

«Вначале были смерть и колдовство. Потом ты встретился с детьми и существами ночи. А после – с девушкой и с тем, кто эти существа уничтожает. Убивает нечисть».

– Я всё равно не понимаю, кто прав, кто виноват и почему вражда. А что до нечисти... Всё, что называют нечистью, порою меркнет перед тем, что таится в глубине людской души. Хотя там есть и свет.

«Не бывает света без теней. Хоть это ты тогда уже понял?»

Травник медленно кивнул:

– Это – понял.

Тень

– Можно ли о чём-то жалеть, когда приходит зима?

– Что?

– Я говорю: как можно о чём-то жалеть, когда приходит зима? Оглянись: весь мусор, канавы, сучья и буераки, все застарелые раны земли укрыты этой белой непорочной пеленой.

– Ну, не знаю... Слишком уж похоже на смерть.

– Ну и что, что похоже! Разве это важно? Мы все когда-нибудь умрём и все когда-нибудь воскреснем. Лучше представь, как по весне всё расцветёт. Это ли не счастье – жить и видеть год за годом подобное чудо? Чёрт... зуб болит...

– Потерпи до вечера, разведём костёр, я настой приготовлю.

– А поможет?

– Отчего нет? Дело нехитрое. Это он у тебя от холода ноет.

– Да, жаль, что сейчас не лето.

– Как можно о чём-то жалеть, когда приходит зима?

Собственные слова, вернувшись тенью дружеской усмешки, произвели на путника странное впечатление: остановившись, он глянул озадаченно и вдруг... расхохотался. Он смеялся так звонко, легко и заразительно, что спутник его не выдержал и рассмеялся тоже.

Не в меру восторженному поклоннику зимы было лет двадцать, двадцать пять – трудно сказать точнее, потому как, хоть был он строен и двигался по-юношески легко, сложен был совершенно по-взрослому, бороду, густую и чёрную, носил уж далеко не первый год, да и голос имел что надо – глубокий, гулкий бас. Спутник его казался помоложе и победнее, и если первый в своём зелёном жупане и мехом подбитом плаще выглядел таким франтом, то второй был одет не так броско, зато добротнo, как одеваются для дальней дороги местные крестьяне или горцы. Шёл он, опираясь на посох и слегка прихрамывая, нёс за спиной потрёпанную котомку. Из-под чёрной, катаной, простецкого фасона шляпы выбивались спутанные рыжие пряди. Эти двое, похоже, были в пути уже не первый день, пробираясь не то в Равенцы, не то в Галлен. Дорога, укатанный санный проезд, могла завести и туда и туда, а поскольку до развилки было ещё далеко, то, повстречавшись, оба шли вместе, сведённые зимой, судьбой и дальней дорогой, да, может, ещё тем странным зудом, который круглый год уводит прочь из дома охотников, бродяг, поэтов и воров.

В это время года здесь было мало дичи и нечего было красть.

Жуга – так звали рыжего странника, или, по крайней мере, так он себя называл.

Поэт звался Вайда.

Была зима. Бесцветная, равнодушная, не очень холодная, но такая буранная, такая обильно-снежная, что старики в деревнях только диву давались, глядя поутру в окошко, – не могли они припомнить такой зимы, сколько ни ворошили в седой усталой памяти долгий свой век. И летописи молчали, а если и не молчали, то отсылали в прошлое так далеко, что сомнение брало: полно! Да было ли это? И неужто жили люди в ту пору? Старики качали головой и лезли обратно на печь, кряхтя недужно.

Наконец бородач отсмеялся.

– Срезал ты меня, Жуга! – молвил он, утирая выступившие слёзы. – Ох, срезал! Не о чем жалеть, значит? Да... И всё равно, до чего удивительная пора! Вот, послушай:

*Спят осины и берёзы.
Убаюканный морозом,
Больше не журчит ручей.
Разноцветье облетело,
Только изредка на белом
След, и тот неясно чей.*

– Здорово, – одобрил Жуга. – Сам придумал?

– Ага... О, гляди-ка! – Вайда неожиданно остановился. – А вот и след... Что скажешь, а? Жуга подошёл поближе и нагнулся рассмотреть. Снял шляпу, взъерошил пятернёй волосы на затылке.

– Ну, этот след как раз очень даже понятно чей.

– Да я не об этом! – отмахнулся поэт.

– Я понял, что не об этом, – кивнул Жуга.

Мела позёмка, но свежий снег на обочине, белый, рыхлый, тронула походкой маленькая босая нога.

– Нешто человек? – поразился Вайда.

– Да вроде бы, – несколько неуверенно согласился Жуга. – Ребёнок, наверное, или девчонка... Других не видишь следов?

– Нет... Что за притча! И охота кому-то босиком по снегу!

Жуга выпрямился и огляделся окрест.

Белые, укрытые снегом поля были пусты – ни кустика, ни деревца, ни человека, ни зверя, лишь далеко впереди темнела опушка зимнего леса.

- Никого?
- Никого.
- Ну дела...

Потоптавшись, оба переглянулись, пожали плечами и молча двинулись в дальнейший путь.

Смеркалось. Ближе к ночи неожиданно потеплело. Небо затянула сизая облачная пелена. Большими пушистыми хлопьями повалил снег. Вскоре двое приятелей добрались до леса. Ветру сюда пути не было, снег падал чинно, степенно и мягко кружась. Побродив окрест, Жуга облюбовал небольшую поляну, Вайда выбор одобрил, и решили заночевать прямо здесь. В темноте расчистили место, из-под седой разлапистой ели надёргали сушняка, и вскоре под котелком заплясал, зябко похрустывая дровами, робкий зимний костерок.

Вайда расположился поудобнее, стянул, побряхтывая, сапоги и поставил их ближе к огню; посмотрел с неодобрением на свои сбитые, в мозолях, ноги и полез в сумку за провизией. Жуга, в свою очередь, развязал мешок, понавытаскивал засохших, узлом скукоженных корней. Вынул нож, искрошил в котелок два-три корешка, задумался на миг и добавил ещё. Вода вскоре закипела, приобрела неприятный бурый цвет. Жуга размешал варево, ловко подцепил котелок и поставил его на снег. Помахал рукой, сморщился.

Вайда нерешительно покосился на остывающий взвар, понюхал и скривился:

– Это что... вот это – пить?

Жуга усмехнулся:

– Полощи.

– А-а...

Рифмач придвинулся ближе, взял протянутую другом берестяную кружку, зачерпнул и подождал, пока не остыло. Попробовал, выплюнул. Ещё раз и ещё.

Жуга поворошил прутиком костёр, глянул выжидательно.

– Всё ещё болит?

– Вроде как потише.

– Зачерпни ещё... да погоди ты – горячо.

– Мм... Слушай, а ведь и впрямь помогает!

– Ну, дык... – понимающе усмехнулся травник.

В котелке ubyло. Вайда потянулся было снова, да передумал и отложил кружку.

– На завтра решил оставить?

– Ага.

– А чай где заваривать? Выливай, ну его к лешему.

Наталяли свежего снега, засыпали чаю. На расстеленном платке разложили хлеб, две-три луковицы, тугое кольцо копчёной колбасы. Некоторое время молча жевали, прихлёбывали, обжигаясь, прямо из котелка. Вайда, заметно повеселевший, ел вкусно, с охотой. Откинулся на одеяле.

– Ух, хорошо... Ну, спасибо тебе, друг Жуга, ох, спасибо! Мне ведь, право слово, спасу от этого зуба не было. Знаешь, как крючило!

– Ну, так вырвал бы его, и дело с концом. Чего волынку тянуть?

– Вырвать – ишь ты! Этак зубов не напасёшься... Да и боязно.

– Ну и дурак. – Жуга вытянул из кучи хвороста веточку, поворошил угли. – Щёку раздует.

– Думаешь?

– Раздует, раздует. Драть надо. А у тебя сапоги горят.

Рифмач ахнул и спешно потянул из костра сапоги – подошвы уже залоснились чёрным. Дымно пахло горелой кожей. Вайда скривился: «Тьфу, чёрт!», сунул их в снег, вытащил и оглядел со всех сторон. Вздохнул. Жуга усмехнулся.

– Ладно, хоть просохли.

– И то правда...

Натянув сапоги, Вайда улёгся на одеяле и потянул к себе небольшой округлый свёрток синего бархата. Развернул. Внутри оказалось что-то вроде бандуры, только поменьше и с девятью струнами. Жуга несколько удивлённо смотрел, как тот любовно погладил пузатое деревянное донце и стал подстраивать тонкие жилы струн.

– Ты ещё и поёшь?

Вайда прищурился хитро:

– А то!

– Ну-ну... – Жуга с сомнением потёр подбородок.

– Сомневаешься? – усмехнулся рифмач. Струна натянулась, зазвучала басовито. Вайда взялся за вторую. – Сам посуди: как петь с таким зубом, да ещё и по морозу? Тут уж, брат, я тебе скажу, не до песен.

– А теперь?

– А теперь совсем другое дело. Отчего ж не спеть? – Он смолк, задумчиво глядя в огонь. Нахмурился, бездумно перебирая струны.

– Про что петь будешь? – полюбопытствовал Жуга.

– А? – встрепенулся рифмач. – Вот про него. – Он кивнул на костёр и снова помрачнел. – Есть одна старая песня, не очень, правда, старая. Начало у неё весёлое, а вот конец... Впрочем, слушай.

Вайда тронул струны. Полилась мелодия, вроде не грустная, но такая, словно Вайда боялся громко играть, словно кто-то прятался за деревом, подслушивая. Струны пели мягко, упругим чистым перебором, и Жуга упустил миг, когда в музыку вплелись рифмованные строки:

*Коль заблудился ты в лесу,
Глухая полночь на носу
И волки сходят с гор,
Спокоен будь: не трать слов,
Насобирай побольше дров
И разведи костёр.*

*Когда застанет дождь в пути,
Не знаешь ты, куда идти,
Но коль твой нож остёр,
Ты завернись плотнее в плащ,
Нарежь ветвей, построй шалаш
И разведи костёр.*

*Когда на землю ляжет снег
И солнце свой замедлит бег,
Забыв согреть простор;
Когда вокруг метёт метель
И лишь сугроб – твоя постель,
То лучший друг – костёр.*

*Когда горит в ночи окно,
Искрится старое вино,
Кипит весёлый спор,
Забудь свои обиды, друг,*

*Спеши скорей в тот тесный круг,
Где правит бал костёр.*

*Огонь не добрый и не злой,
Но плоть становится золой —
Суд королевский скор:
Тому, кто хочет быть собой
И жизнь прожить с прямой спиной,
Один путь — на костёр...*

Песня кончилась. Некоторое время оба молчали.

— Красиво, — наконец сказал Жуга. — Только как-то... жестоко.

— Какая жизнь, такие и песни, — вздохнул Вайда, пряча инструмент обратно в бархат. — Ладно, давай спать.

Развернули одеяла. Жуга подбросил дров и передвинул костёр в сторону. Смёл оставшиеся угли. Закутавшись плотнее, оба улеглись на прогретом пяточке земли, время от времени поворачиваясь с боку на бок, когда слишком припекало, и вскоре заснули.

* * *

Среди ночи Жуга вдруг проснулся. Царила полная тишина. Снегопад прекратился, лишь одеяла у обоих были запорошены тонкой белой пеленой. Травник сел и зябко поёжился. Огляделся.

Верховой полночный ветер расчистил небо, открыв бледный растущий месяц и густую россыпь звёзд. Через небосвод от края до края дымчатой белой лентой тянулся Чумацкий шлях. Костёр почти погас, лишь тлели, догорая, угольки. Жуга пощупал землю под собою — та была ещё тёплой. Спать не хотелось, наоборот, голова была ясная до звона в ушах. На душе было странно и тревожно. Непонятно откуда накатило чувство потери. Вот только... потери чего?

Он зевнул, привстал, расправил и набросил на плечи одеяло. Огляделся в поисках шляпы. Смятая и скомканная, та отыскалась в изголовье, Жуга расправил её и нахлобучил на голову. Во сне холод почему-то не так донимал, зато теперь проснувшееся тело срочно требовало тепла — тепла или движения: вдруг накатил резкая неуёмная дрожь.

— Спишь, Вайда? — вполголоса окликнул Жуга. Тот не ответил, и Жуга нахмурился.

Что-то было не так, и через миг Жуга понял, что именно.

Слишком уж тихо было вокруг.

Он опустился на колени и тронул друга за плечо.

— Рифмач, — снова позвал он. — Рифмач, очнись! Рифмач!

Тяжёлыми каплями сочились минуты, а Жуга всё тряс и тормозил спящего друга за плечо, за руки, за волосы, пока стынувшее в снегу тело, страшно тяжёлое и податливое, не завалялось с боку на спину и не замерло так. Холодный лунный свет посеребрил тронутые инеем волосы и бороду. Влажным блеском отразился в невидящих глазах. Жуга вздрогнул и отшатнулся.

Из дальнего далёка вдруг донёсся тоскливый и протяжный волчий распев, отзвучал и смолк, не оставив после себя даже эха. Разом навалившись отовсюду, ватным комом вернулась тишина — ни шороха веток, ни снежного скрипа.

Ни сердцебиения, ни дыхания.

Вайда был мёртв.

* * *

Отец Алексей, приходский священник, жил на отшибе, на самом краю села, и когда ранним утром в окошко постучались, он нисколько не удивился и молча пошёл открывать: если входить в деревню с южной стороны, то его дом стоял первым, и прохожие в поисках ночлега, милостыни или воды частенько заходили сперва к нему и только после к другим.

Стоявший на пороге странник оказался молод и худ, смотрел устало, опирался на посох. Рядом, сооружённые из срубленной ели, замерли сани-волокуши; свежавыпавший снег ещё хранил их неровный след – путник и впрямь шёл с юга. Сверху, закутанное в плащ, лежало закоченевшее тело.

Священник всё понял без слов, кликнул попадью. Та заохала, запричитала и, набросив тулуп, побежала к соседям. Вскоре явились два сонных ухватистых мужика, схожие фигурой и лицом – братья? – подняли покойника и унесли.

Деревня помаленьку просыпалась. Подходили люди, спрашивали. Плохие новости бежали быстро – к середине дня уже все знали о случившемся. Кое-какие деньги у рыжего паренька водились. Кошель перешёл из рук в руки, две бабки взялись обмыть и убрать усопшего, Ондражей, столяр, подрядился соорудить домовину. Прохожего человека проводили в дом, усадили за стол. Попадья поставила самовар, собрала снеди – тот не притронулся к еде, лишь выпил чаю и после, обсохнув и обогревшись в натопленной горнице, поведал в нескольких горьких словах, что случилось. Говорил он медленно, тяжело, часто умолкая и глядя в одну точку.

– Как звать тебя?

Паренёк поднял рыжую голову.

– Жуга.

– А его... как звали?

– Вайда.

– Откуда он?

– Откуда шёл, не знаю. В Старшей Кронице мы повстречались.

Священник помолчал.

– А промышлял чем?

– Ходил, странствовал... песни пел. Хорошие песни. Свои.

– Рифмоплёт, что ль? – спросил отец Алексей. Жуга кивнул. – А сам ты кто будешь?

– Травник я... Всё в толк не возьму, от чего он умер. Земля ведь ещё тёплая была, когда я его поднимал.

– Верю.

– И ночью оттепель была...

– Да.

– Он не мог так просто замёрзнуть.

– Наверное, не мог.

Бессильно подперев голову рукой, Жуга сидел за чашкой остывшего чая, изредка вороша всклокоченные волосы. Поднял взгляд – в кривозеркалье начищенного самовара отразилось худое измождённое лицо. Жуга прикусил губу и сжал кулаки.

– Куда его унесли?

– В церковь.

– Мне нужно... туда.

– Сиди, сиди... Там и без нас всё сделают как положено. Вечером сходим.

Жуга некоторое время молчал, взвешивая доводы, затем помотал головой.

– Нет, – сказал он, вставая. – У меня ещё есть девять дней. Пойдём сейчас.

Отец Алексей ничего не понял, покачал головой, но перечить не стал и молча принялся одеваться.

Бревенчатая маленькая церковь оказалась на удивление новой и ухоженной, только выстудилась преизрядно. Светились лампы у икон. За стеной потрескивала печь, оттуда мягкими волнами расходилось тепло. Наверху, в купольном сумраке виднелись размытые лики стеной росписи. Пахло ладаном.

Гроб с телом Вайды стоял у алтаря. Горели свечи в изголовье. Переодетый и причёсанный, рифмач лежал словно живой, и лишь лицо его, непривычно бледное и спокойное, выдавало истину.

– Где его похоронят? – хрипло спросил Жуга и закашлялся. Звук заметался эхом в гулкой церковной пустоте и затих в углу.

Отец Алексей пожал плечами:

– Здесь. А почему ты спрашиваешь?

– Не всегда лицедеев хоронят на кладбище.

– Он ведь православной веры?

Жуга не знал точно, но кивнул, нимало не колеблясь: «Да».

– Тогда как и всех – на погосте. Я поговорю с поселянами, к завтраму выкопают могилу.

Жуга покачал головой, поднял взгляд на священника, и голубые глаза его так ярко вдруг блеснули, отразив свечное пламя, что отцу Алексею сделалось не по себе.

– Не надо, – тихо сказал Жуга. – У меня больше нет денег.

Он покосился на гроб и снова вздохнул.

– Я сам буду рыть.

* * *

Солнце клонилось к вечеру, когда Жуга, скользя и опираясь на посох, медленно поднимался на гору, где примостилась чёрная хибара деревенской кузни. В кузницу вела тропинка. Узкая, плотно утоптанная, она подходила к самым дверям и после убегала дальше, спускаясь к воде, к пробитой в речке проруби. В кузне явно кто-то был: тонким звоном пела под ударами молотка наковальня. Жуга не стал стучаться – всё равно бы не услышали – и, подойдя, сразу открыл дверь, вошёл и огляделся.

Внутри было жарко и сумрачно. В дальнем углу был сложен очаг дикого камня, там багровым отсветом мерцали угли. В другом углу примостился низкий стол-верстак, на котором вповалку лежали разновеликие клещи, молотки, зубила и другой кузнецкий инструмент. По стенам был развешан всяческий готовый товар – крючья, засовы, петли ворот, серпы, косы, скобы, не то тележные, не то бочарные обода, три-четыре топора и множество подков, рядом нанизанных на толстый гранёный прут.

Человек у наковальни поднял голову.

– Не стой на пороге! – крикнул он, весело блеснув зубами. – И дверь закрой – дует!

Жуга замешкался, затворяя скрипучую дверь, а когда повернулся обратно, молот в руках кузнеца уже плющил горячее железо, наполняя маленькое помещение звоном и грохотом.

– Будь здоров, коваль! – крикнул Жуга, силясь перекрыть шум.

– Здорово, коль не шутишь, – кивнул тот и ловко перевернул клещами красную болванку.

– Я...

– А ну, подсоби! Удержишь?

– Попробую...

Жуга опомниться не успел, как уже сжимал в руках ещё тёплые рукоятки клещей. Мастер поплевал на ладони и ухватил молот обеими руками:

– Эх, вашу мать!..

Молот взметнулся высоким косым замахом, и Жуга вздрогнул, ощутив руками эхо гулко-го удара. Молот плясал свой тяжёлый танец, давил, плющил и гнул податливый красный металл, а тот остывал, постепенно тускнея.

– Держи! – Кузнец остановился и мотнул головой в сторону очага. Приблизился. Грудь его ходила ходуном. – Туда его, понял?! – крикнул он гостю чуть ли не в самое ухо.

Жуга кивнул и развернулся, заталкивая болванку в огонь. Кузнец бросил молот и схватился за верёвку. Сипло задышали мехи. Угли вспыхнули, дохнули жаром, и вскоре глазам стало больно смотреть на раскалённую заготовку. Кузнец метнулся к наковальне, указал рукой:

– Давай!

Брызнули искры, и Жуга понял, что настоящая работа только началась. Теперь кузнец бил в полную силу, вкладывая душу в каждый удар. Жуга силился уловить этот краткий миг, посмотреть, что у них получается, и всякий раз невольно смаргивал. От звона закладывало уши. Но шло время, и вскоре на чёрном поле наковальни замаячил знакомый силуэт – лемех.

– В воду! – крикнул кузнец.

Жуга огляделся и, завидев поблизости бочку, полную воды, шагнул к ней.

Забулькало. Взметнулся пар, а когда его клубы рассеялись и Жуга вытащил готовый лемех наружу, кузнец уже снимал кожаный фартук. Снял с гвоздя рубашку, надел. Зачерпнул ковшом воды, жадно, большими глотками выпил чуть ли не до дна и зачерпнул ещё. Протянул Жуге – пей, мол. Тот с благодарностью кивнул и принял ковшик: в горле пересохло, вдобавок он совсем сопрел в своём полушубке.

Кузнец поднял лемех и повернулся к очагу. Сощурился, рассматривая.

– Хорош, а? – обернулся он, осклабился, и Жуга вдруг с удивлением увидел, что перед ним вместо кряжистого широкоплечего мужика, каким он всегда представлял себе кузнеца, стоит невысокий жилистый парнишка чуть старше его самого, весь в саже и копоти, с весёлой улыбкой на чумазом открытом лице. Его длинные чёрные волосы перехватывал кожаный ремешок. Жуга невольно глянул на молот, который теперь показался ему совершенно неподъёмным.

– Тебя как звать? – спросил кузнец, набрасывая поверх рубашки старый нагольный тулуп. Сдёрнул шапку с гвоздя.

– Жуга.

– Ну, спасибо, Жуга, вовремя подоспел... Чего пришёл-то?

– Кирку мне надо. Да и лопата не помешала бы. Люди посоветовали у тебя спросить. Дашь?

– Кирка? – Паренёк потёр подбородок. – Если найдётся, отчего бы не дать. – Он порылся в груди железак, сваленных в углу, и вытащил средних размеров кирку без рукоятки. – Вот. А зачем тебе?

– Могилу копать.

– А. – Паренёк помрачнел. – Так это ты пришёл сегодня с этим, который замёрз?

– Я.

– Ну что ж, хоть и грех так говорить – Бог тебе в помощь.

– Благодарствую. Ладно, пойду я, пожалуй.

– Копать? Прямо сейчас? – поразился кузнец. – Ты что, очумел? Вечер ведь. Вот что: я в баню сейчас, а тебе, я вижу, тоже вода не повредит. А после посмотрим, чем тебе помочь.

– Да я... – начал было Жуга – и вдруг ощутил, как ноют руки и ноги, как давит на плечи мягкими рукавицами дневная усталость, течёт по телу кислый едучий пот, и умолк.

– Правда твоя, – признал он, – баня – это сейчас было бы самое то.

– А я что говорю! – Паренёк завернул в мешковину откованный лемех и пинком растворил дверь кузни. – Пошли.

У порога Жуга задержался, отметив мимоходом, что на улице уже стемнело.

- Тебя как звать? – спросил он.
- Имя, прозвучавшее в ответ, было резким, как удар молота.
- Збых.

* * *

После бани и нескольких кружек душистого липового чая с мёдом Жуга разомлел. Его грязную рубашку Збых запихал в корзину и дал взамен чистую из своего запаса, белую, с затейливой вышивкой.

- Бери. Кажись, эта впору будет.
- Рубашка повисла на травнике, как на вешалке.
- Жена вышивала? – спросил Жуга, рассматривая узор.
- Сестра.
- Она здесь сейчас?
- К подружке в соседнюю деревню отправилась.
- Что ж так – в соседнюю?
- Да нашенская она... подружка, в смысле. Замуж вышла, к мужу и переселилась. А ты откуда будешь?
- Издалека. С гор.

Слово за слово Жуга рассказал новому знакомому обо всём, что случилось в лесу. Збых слушал, рассеянн кивая и изредка спрашивая о чём-нибудь. Хмурился, качал головой. Наконец поднял взгляд.

- Ночлег нашёл, нет?
- Нет. Разве только у отца Алексия...
- Ну, это ни к чему. Раз такое дело, оставайся покамест у меня. Денег не надо.
- Жуга помолчал, отставил глиняную кружку с остывшим чаем и некоторое время сидел недвижим. Пожал плечами.
- Неудобно как-то...
- Да брось, всё равно бобылём живу.
- А сестра?
- А что сестра? Она у меня девка с понятием. Считай, я тебя погостить зазвал. Так что лезь вон на полати.

Жуга, который впервые за весь день поел с охотой, теперь молча сидел за столом, прильнув к натопленной печке. Глаза смыкались, говорить не хотелось, и спорить он не стал, лишь кивнул благодарно, лёг, накрылся полушубком и вскоре уснул.

Збых ещё некоторое время сидел один, задумчиво глядя в стол. По правую руку от него, словно соринка в глазу, маячило чёрное. Кузнец повернул голову и вздрогнул: на миг показалось, что рядом на лавке свилась кольцами тонкая чёрная змейка. Збых похолодел, но тут же вздохнул с облегчением, припомнив, как Жуга за разговором кромсал ножом узкий лоскут сыромятной кожи, и потянул «змейку» к себе. То был затейливо плетённый кольцом ремешок с узелками. Узелков было много, десятка полтора, и Збых всё время сбивался, пытаясь их счесть. Махнув рукой, он бросил эту затею, зевнул, перекрестился на образа, погасил свечу и полез на печь.

* * *

Шорох шагов? Скрип несмазанных петель в ночной тишине? Дуновение холода? Збых не смог бы ответить, что его разбудило, но так или иначе среди ночи он открыл глаза и более не смог уснуть.

Едва стемнело, сразу со всех сторон налетел ветер-баламут, размётывая по полям сухой колючий снег, шуршал по крыше, царапался в окна, завывал дурным голосом. В избе было тихо и тепло. Мерцала огоньком лампада. Постель Жуги была пуста. Збых решил, что странник вышел по нужде, но прошло пять минут, десять, и кузнец не на шутку растревожился. Он слез с печи, оделся и вышел на двор.

– Жуга! – позвал он. – Жуга, ты где?

Ответа не было.

У крыльца брала начало и терялась за воротами цепочка полузаметённых следов. Обеспокоенный, Збых вернулся за шапкой, подпоясаясь, прихватил фонарь и рукавицы и двинулся на поиски.

Мело. Закрываясь от ветра рукой и пригибаясь к земле, кузнец медленно пробирался вдоль тёмных, укутанных снегом домов. Изредка останавливался, светил фонарём – снег быстро сглаживал неровности, но в деревне было от силы десять домов и всего одна улица, да и тучи постепенно разошлись, объявилась луна, и вскоре следы привели его к паперти. Збых потоптался в нерешительности, хотел постучаться, да раздумал, загасил фонарь и лишь потом, стараясь не шуметь, приоткрыл дверь и проскользнул внутрь.

Жуга был здесь, хотя разглядеть его было трудновато – в трапезной горели только лампы и две толстые свечи в изголовье гроба. Было тихо, и в этой гулкой тишине неясным эхом расплзался по углам негромкий отчётливый шёпот. Збых похолодел, хотя сам не понял почему: было в этом шёпоте такое, отчего кузнец скользнул в тёмный угол и затаился. Обитая войлоком дверь закрылась мягко, без звука, лишь сквозняк тронул пламя свечей, и стоявший у гроба рыжий паренёк ничего не заметил, поглощённый своим занятием.

Жуга творил наговор.

Збых потом не мог бы вспомнить, сколько простоял он в этом закутке, тараща глаза в церковный полумрак. Сперва ничего не происходило.

Потом появился свет.

Он возник ниоткуда – струистое блестящее сияние рождалось в пальцах у Жуги, сгущалось, странной светлой тенью мерцая на фоне черноты. Потом шёпот травника смолк. Дымная тень вытянулась неровным облачком и плыла уже сама по себе, направляясь к покойнику. Кузнец поёжился – слишком уж быстро двигалась она, – а затем вздрогнул от неожиданности: показалось вдруг, что мертвец шевельнулся в гробу. Збых поднял руку протереть глаза и чуть не закричал, когда открыл их сызнова: Вайда поднимался – медленными, неверными рывками, ухвативши края домовины! Глаза его были открыты и пусты.

Крик свой кузнец удержал, хотя сам бы не сказал как, но теперь уже поздно было скрываться: Жуга, слышав шорох, обернулся.

– Ты?! – выдохнул он, делая шаг навстречу.

Рифмач с глухим стуком рухнул обратно. Пламя свечей дрогнуло, одна погасла.

– Я! – с вызовом бросил Збых и вышел из угла. – Ты что тво- ришь, нелюдь, в божьем храме?! – Кузнец выпрямился во весь рост, угрюмый, жилистый. Его не так просто было испугать. – А я-то тебя к себе в дом...

Жуга обернулся на гроб, на кузнеца, снова на гроб и с искажённым лицом заметался меж ними, словно зверь в капкане. Замер на миг, силясь сорвать что-то с руки – мелькнула знакомая кожаная полоска, – и вдруг вихрем налетел на кузнеца, крича страшно и отчаянно. Збых, который уже двинулся к нему, засучивая рукава, опешил и сдал назад.

– Убирайся! – кричал Жуга, размахивая руками, словно мельница. – Я не смогу теперь её сдержать! Беги, чтоб тебя!.. Беги, пока не поздно!

Силой Господь Збыха не обидел, как говорится, съездит по уху – дверей не найдёшь, но рыжий паренёк, гибкий и вёрткий как белка, и странные слова до того ошеломили кузнеца,

что опомнился он, лишь когда Жуга уже выталкивал его в раскрытую дверь. Опомнился – и заработал кулаками.

Лишь потом до него дошло, как странно, нелепо дрался Жуга. Он метался, кружил, не по делу оборачивался, пропуская глупые удары, тряс головой, цедил воздух щербатым ртом и вновь наседали, тесня Збыха то к двери, то прочь от неё, то вовсе в сторону. Пред взглядом кузнеца мелькали руки, ноги и безумные глаза, и всё время казалось, будто нечто, сверкая, дымно маячит у травника за спиной. Збых запомнил миг, когда он, изловчившись, сбил противника с ног и склонился, заноса кулак, но в глазах блеснуло серебром и что-то бухнуло в затылке, шею пронзили сотни ледяных иголок и сердце бешеным галопом рвануло из-под рёбер.

После не было ничего.

* * *

...мрак...
...голоса во мраке...
...словно в глубоком-глубоком колодце...
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
здесь
кто
?
кто
здесь
... ..
...вверх ...
... ..
(?здесь ... кто... здесь?)
... ..
...вниз ...
... ..
...
.
«Пусти...»
«Кто ты?»
«Я... я...»
«Кто ты?!»
... ..

Мягкие лапки скользят по щеке.

Ледяные сосульки коготков.

Искры в глазах.

... ..
«Впусти меня!»
«Я... не могу...»
«Отпусти меня!»
«Не могу!»

... ..

«?»

«!»

Пушистая лапка скользит вниз по шее... Холод в затылке.
Густой, непроглядный мрак. И кружится... кружится...

!впусти меня!

кто ты?!?!?!? кто ты

впусти меня?!?!?!? впусти меня

кто ты?!?!?!? кто ты

!впусти меня!

!янепомнюнепомнюнепомнюнепомню!

... ..

«Збых!»

«?..»

«З Б Ы Х!!!»

«!!!»

* * *

Тёплая ладонь коснулась лба, темнота раскололась двумя белыми вспышками, веки поднялись и тут же опустились – свет был слишком ярк. Прошла, наверное, минута, прежде чем Збых смог нормально видеть.

Он лежал у себя в избе, возле жарко натопленной печки, укрытый до подбородка одеялом. За окном давно рассвело. Збых приподнялся на локтях и повалился обратно на подушку – так сильно закружилась голова. Поднял руку, ватными пальцами коснулся лица.

– Лежи, не вставай, – послышалось сбоку.

Збых повернул голову. Рядом сидел Жуга.

– Что... со... мной?

– Потом объясню, – буркнул травник, вставая.

Он взял ухват, сдвинул печную заслонку и с головой залез в устье. Вытащил небольшой, накрытый крышкой горшок, поставил его на стол, нацедил из него через тряпочку.

– На, подкрепись, – протянул он дымящуюся кружку.

Збых пригубил и подул, остужая. Отпил глоток. Топлёное молоко с малиной и травами. Он выпил всё и протянул пустую кружку. В горле по-прежнему было сухо.

– Ещё...

– Хватит пока, – рассудительно сказал Жуга, принял кружку и поставил её на стол.

На руке ощущалось что-то жёсткое. Збых поднёс ладонь к лицу. Левое запястье оплетал тройным кольцом давешний ремешок с узелками.

– Что... это?

Жуга перехватил его взгляд и нахмурился.

– Оберег. Так надо. Я тебе потом объясню, а пока не снимай. Нипочём не снимай, слышишь?

Накатила дремота. Веки смыкались сами собой.

– Что... ты... натворил?

Жуга помолчал.

– Зря ты за мной увязался, – наконец неохотно сказал он. – Ну да ладно. После будем думать, что к чему, а пока спи. Как ты себя чувствуешь?

Збых сглотнул.

– Зуб болит.

Жуга вздрогнул и промолчал.

* * *

– Эй! Жуга! Погоди...

Жуга обернулся.

Вниз по улице за травником чуть ли не бегом поспешал какой-то бородач. Догнал, поравнялся и остановился перевести дух.

– Уф... Совсем запыхался! День добрый.

– День добрый, – кивнул в ответ Жуга. – Меня звал, что ли?

– Ага. Я...

– Ну, так меня Жуга зовут, а не Жузга... Чего кричал?

– А, ну извиняй, если обидел ненароком... Ты ведь вроде травник, а?

– Ну, положим.

– Дело у меня к тебе. Ведь раз ты, парень, травник, то и в заговорах разных тоже смыслить должен. Ты ведь не при деньгах сейчас?

– С чего ты взял?

– Слухами земля полнится. Помоги, а? А уж я в долгу не останусь.

Жуга некоторое время не отвечал, разглядывая незнакомца. Это был среднего роста нестарый крестьянин с рыхлым, землистого цвета лицом, одетый в добротный, хоть и не новый полушубок, шапку и сапоги. Не бедняк, но и не очень уж зажиточный, так, серединка на половинку.

– А что стряслось? – спросил Жуга.

Мужик в полушубке замялся. Поскрёб в затылке.

– Да как тебе сказать... В двух словах не обскажешь. Вот что: живу я рядом, пошли ко мне? Посидим, поговорим, а то чего на морозе стоять...

– Как тебя звать?

– Меня-то? Вацлав.

Жуга вздохнул и задумался. Спешить сегодня и впрямь было некуда.

– Что ж, пойдём.

Изба у Вацлава оказалась – всем избам изба: пятистенная, с резными окошками и большим крытым подворьем. Отряхнувши на крыльце снег с башмаков, Жуга оставил в сенях полушубок и шапку и вслед за хозяином прошёл в опрятную горницу. Как и следовало ожидать, жил Вацлав не один – у печки суетилась жена, а с печки поглядывали трое ребятишек – две девочки-двойнятки лет семи да мальчонка чуть помладше. При появлении незнакомца троица поспешно спряталась за занавеской.

– Проходи, друг Жуга, садись, садись. – Вацлав кивнул на скамью и уселся рядом. Глянул на жену, молчавшую настороженно, нахмурился, прикрикнул сердито: мол, не стой ступой, неси всё, что есть, на стол. Та засуетилась, застучала посудой. На столе появились щи в горшке, каравай, разные закуски, пироги, яйца, сыр, молоко и большой жбан с пивом. Вацлав крякнул довольно, подсел поближе.

– Ну, закусим, чем Бог послал!

Осмелев, вылезли наружу ребятишки и, получив по куску пирога, остались сидеть.

Раскупорили жбан. Пиво оказалось густое и крепкое. Съели по чашке щей, ещё по одной. Наконец, когда на столе появился самовар, Жуга решил, что пора переходить к делу.

– Ну, хозяйева, спасибо за угощение, пора и дело знать. Говори, Вацлав, зачем звал.

– Значит, так, – налив себе чаю, начал тот. – Уж полгода, наверное, будет с тех пор, как у нас неладное творится. Я уж кого только не просил помочь – и батюшку, и бабушку Нису, да всё без толку. Всяк толь...

В углу как будто кашлянули. Вацлав поперхнулся, выронил блюдо и остолбенело уставился на гостя. Чай разлился по скатерти. Хозяйка ахнула и прикрыла рот ладошкой. Жуга бросил быстрый взгляд на хозяина, на его жену, на стол перед собой и вздрогнул: кусок пресного пирога, взятый с общей тарелки, сам собой съехал на скатерть и теперь ползком, как улитка, медленно пробирался меж чашек обратно. Послышалось хихиканье.

Ни секунды не медля, Жуга вскочил, опрокидывая лавку, рука сама нащупала за поясом шершавую ореховую рукоять, и через миг его нож пригвоздил самоходный пирог к доскам столешницы. «Ай мэ!» – тихо вскрикнули под потолком. Стоявший возле печки берёзовый веник шаркнул по полу и безо всякой причины взвился в воздух, целясь прутьями в лицо. Жуга, не глядя, сбил его ударом кулака, вскинул руки и выкрикнул коротко: «*Кумаи!*» Упала, звеня, печная заслонка, и всё стихло. Жуга постоял с минуту, настороженно прислушиваясь, шумно выдохнул, поднял и утвердил на место лавку, сел и налил себе чаю. Выдернул нож, тронул дырку на скатерти, покачал головой, откусил пирога и стал жевать как ни в чём не бывало. Вацлав со страхом смотрел на него, словно Жуга уплетал живого ежа.

– Славные у тебя пироги, хозяйка, – хмуро сказал травник, прожевавшись. Повернулся к Вацлаву. – Теперь выкладывай начистоту, что и как.

– А... *это* не вернётся?

– Пока я здесь, не вернётся.

Хозяин собрался с духом и торопливо, сбивчиво начал.

Он не помнил, когда началось. Вроде бы летом, а может, осенью. В тот год стояли табором цыгане у села. Вели себя чинно, коней не крали, а если и крали, то в других деревнях. Жили у себя, а в село навевались за пивом да посудачить. Андрлик, тесть его, который пиво варит, здорово тогда нажился. Опять же, и ребятишки ихние в село захаживали, пели, плясали, попрошайничали. Таскали, понятное дело, что плохо лежит. А как уехали, тут, значит, началось вот это... это вот... вот это самое.

Воцарилась тишина.

– Ну, – хмуро спросил Жуга, – что же ты умолк?

– Дык ведь всё вроде... – пролепетал тот, потупившись.

Жуга поднял взгляд, посмотрел Вацлаву в глаза.

– Всё, говоришь? Ну что ж, раз так... Спасибо за хлеб, за соль. – Он встал. – Пойду я, пожалуй.

Вацлав растерянно захлопал глазами.

– Эй, погоди! Это как же... как же это...

Жуга обернулся. Лицо его скривилось.

– Думать надо было! – хмуро сказал он. – Бог знает, чего ты там для цыганчат пожалел. Может, хлеба они просили, может, юбку старую или рубаху скрали... Не ведаю я, раз молчишь. Сам тоже, поди, нажился на них, а менки пожалел.

– Дык ведь я... – закудаhtал Вацлав. – Кто ж знал! Ведь надоели ж хуже горькой редьки, нехристи! Ну отодрал я двоих ремнём, чтоб не шастали где попало... пацана с девкой... Кто ж знал!

– «Кто ж знал!» – передразнил Жуга и опустился на лавку. Помотал рыжей головой. Вздыхнул. – Хитрые они. Даже дети малые, и те у них могут кой-чего. *Вераку* тебе подсунули. Или *тырву*, чёрт их разберёт...

Хозяйка и ребятишки сидели тише воды ниже травы. Вацлав растерянно молчал. Чесал в затылке.

- И... что теперь?
- В дом ты их пускал?
- Нет...
- Пошли на двор.

Во дворе Жуга огляделся, прошёлся туда-сюда и решительно направился под навес-дровяник.

- Осенью дрова склал? Летом?
- Летом...

Жуга неторопливо двигался вдоль поленницы, дотошно ощупывая дрова, вытаскивал щепки и куски коры. Посадил занозу, сморщился: «Здесь нет». Прошёл дальше, потом ещё чуток, и Вацлав уже отчаялся, когда из-за третьей поленницы вдруг донеслось торжествующее «Ага!» – и показался травник.

- На, держи.

Вацлав с изумлением уставился на его находку. То были две грубые деревянные куклы, наряженные в пёстрое тряпье. Ни рук, ни ног у них не было. Нарисованные углём лица скалили зубы.

- И это всё?! – опешил крестьянин.
- Всё.
- Гм, это же надо, а? Скажи кому – не поверят. Ведь даже рук нет...
- А руки ихние по избе твоей шарили, – усмехнулся Жуга.
- Вацлав повертел деревяшки в руках, покосился на травника.
- Что мне с ними делать?

Жуга пожал плечами.

– Хочешь – сожги, а нет – девчонкам отдай. Аккурат две штуки. Теперь можно, теперь от них вреда не будет.

Вацлав содрогнулся:

– Ну уж нет! Хватит лукавого дразнить. В огонь их, в плиту! Да слышь-ка... – Он замялся. – А ну как вернётся эта пакость? – Травник покачал головой. – Ага... Ну, спасибо тебе! Век благодарен буду. – Он сунул кукол в карман. – Так как насчёт денег? Двадцати менок хватит? Сочтёмся, а? Вот и славно, за мной не залежится. А сейчас, такого дела ради надо бы того... пропустить по кружечке. Пошли-ка в дом, друг Жугуц, отпразднуем!

Жуга поднял голову.

- Жуга.
- Что? – обернулся Вацлав.
- Меня зовут Жуга, – хрипло сказал травник и, повернувшись, зашагал вниз по улице.

* * *

Збых проснулся ближе к вечеру и долго лежал без движения, глядя, как трудится в тёмном углу под потолком паук над своей сетью. Рваной шелухой опадали остатки странных, непонятных снов. Шум в голове прошёл, и лишь слабость, противная и доселе кузнецу совершенно не знакомая, мешала нормально думать и двигаться.

Хлопнула дверь. Вошёл Жуга, отряхивая снег.

– Давно проснулся? – Он скинул полушубок и подошёл, протягивая к печке красные с мороза ладони.

- Только что. – Збых приподнялся и сел. Голова закружилась.
- Есть хочешь?
- Пожалуй...

Жуга слезил в печь, вытащил чугунок с похлёбкой. Разлил в две тарелки, отрезал хлеба.

Рассеянно черпая перепревший суп, Збых едва одолел половину и отодвинул миску. Жуга вообще к еде не притронулся. Мрачный и взъерошенный, он сидел, задумчиво подперев голову рукой, и молча ковырялся ложкой в густом вареве. Покосился на Збыха.

– Ты как?

Кузнец прислушался к себе.

– Да вроде ничего...

– Голова не болит?

– Нет... Только вот слабый я какой-то.

– Это пройдёт.

Некоторое время оба молчали. Збых поправил подушку и снова лёг. Посмотрел в угол. Паук закончил свою работу и теперь скорчился чёрной точкой в центре паутины. Кузнец усмехнулся.

– Четыре буквы, – сказал он.

Жуга поднял голову:

– Что?

– Я говорю: четыре буквы. Па-ук – четыре буквы.

– Какой ещё паук?

– Да вон, в углу.

Жуга посмотрел туда.

– И что?

Кузнец пожал плечами и снова усмехнулся:

– Чудно... Грамоты не знаю, и вдруг буквы. С чего бы это, а? – Он помолчал. Поднял голову. – Слышь, Жуга...

– Что?

– Вчера ночью, в церкви... Это в самом деле было? Или мне приснилось?

Жуга вздохнул и потряс головой.

– Дорого бы я дал, чтобы всё это оказалось сном, – хмуро сказал он.

– И всё-таки, что ты натворил?

– Долго рассказывать.

– Нет уж, друг, начал – так договаривай. А иначе и начинать не стоило. Всё равно спешить некуда.

Жуга поскрёб в затылке.

– Правда твоя, – признал он. – Ну, слушай.

Рассказ и в самом деле был долог. Обхватив колени, Збых молча выслушал, как двое путников заночевали в лесу и как под утро проснулся только один.

– Понимаешь, – сбивчиво объяснял Жуга, с трудом подбирая слова, – что-то тут не так. Будто ему... помогли умереть, что ли. Вот я и решил дознаться.

Збых задумчиво потёр небритый подбородок и поморщился, когда заскорузлый ремешок оцарапал щёку.

– А в церкви что было?

– Девять дней ещё не прошло, – хмуро сказал Жуга, – его душа покамест рядом обретается. Я хотел... чтобы Вайда сам сказал, что с ним случилось.

Збых похолодел.

– Так, стало быть, та тень... – Он умолк, не договорив.

Жуга кивнул.

– Не подумал я. Мне ничего не грозило – у меня оберег был. Но кто же знал, что ты за мной увяжешься! – Он усмехнулся криво, постучал пальцами по столу и добавил немного погоды: – Был я тут сегодня у одного, так он тоже всё твердил без конца, как дурак: «Кто ж знал! Кто ж знал!» Вацлавом кличут, в крайней избе живёт. Знаешь его?

– Которого? Рудаха? – переспросил Збых. – Как не знать! Каким это ветром тебя к нему занесло?

– Да так. – Жуга махнул рукой. – Нежить у него баловала, вот он меня и попросил помочь.

– Нешто повывел?

– Угу. А что?

Збых откинулся на подушку, покосился недоверчиво:

– Батюшка наш, Алексей, тоже пробовал помочь. Святить его избу хотел, так они в него, слышь, поленом с печки запустили.

– Да? – усмехнулся Жуга. – Меня веником приласкало.

– Повезло. А Вацлав этот – куркуль, каких поискать. Снега зимой не выпросишь.

Жуга пожал плечами:

– За то и пострадал. Может, хоть это его чему-нибудь научит.

Збых снова умолк, глядя в потолок. Паук был всё там же.

– Да что ты уставился на паука своего? – не выдержал Жуга.

Кузнец рассмеялся.

– Да вот, подумалось вдруг... Странность какая: букв четыре, а ног – восемь... Представляешь:

*Четыре буквы, восемь ног
Нашли укромный уголок,
Где и темно, и тесно,
И можно жить чудесно...*

Что-то хрустнуло. Кузнец умолк на полуслове, глянул на Жугу. Тот сидел недвижим, с лицом белым, как простыня, сжимая в пальцах обломки ложки.

– Слышь, Жуга, – смущённо пробормотал Збых. – Не пойму никак, что со мной. Я ж сроду ничего такого не слагал... ни единой вирши...

Он помолчал, кусая губы. Провёл рукой по одеялу.

– Жуга...

Ответа не последовало.

– Мне страшно, Жуга!

Тот поднял голову.

– Мне тоже.

* * *

На следующий день рано утром объявилась Збыхова сестра. Она ворвалась в дом стремительная, словно ветер; дверь едва успела хлопнуть у неё за спиной, а та уже скинула шубу и уселась возле брата. Жуга даже не сразу понял, что происходит.

– Ружена, ты? – Збых приподнялся на локтях.

– Лежишь, Збышко? – Она поправила на нём одеяло. – То-то я гляжу, в кузнице нет никого. Захворал?

– Есть немного... – с неохотой признал тот. Обернулся. – Жуга, познакомься – это сестра моя, Ружена... Ружена, это Жуга.

Та посмотрела с любопытством:

– Это ты вчера у Рудаха побывал?

– Я, – кивнул Жуга. – Откуда знаешь?

– Вацлав про тебя все уши прожужжал. – Она снова повернулась к Збыху: – Он что, живёт тут, у тебя?

– Пока да... А что?

Та пожала плечами.

– Да так. Ничего. – Она встала, поправила волосы. Подошла к столу. – Что тут у вас? Ши? Ещё и прокисшие небось? Ну так и есть! Эх, мужики, мужики... Не додумались на холод выставить.

– Чего их выставять? – проворчал Збых. – Новые сварю.

– Уж ты сваришь, как же, от тебя дождёшься... Жениться тебе надо, братец, вот что я скажу.

– Ещё чего! – Збых поёжился. – Мне и с тобой-то сладу нет. Целый день спину гнёшь, понимаешь, на хлеб не хватает, а тут ещё бабу себе на шею повесить... На себя посмотри.

– Поговори у меня... Веник где?

– Чёрт его знает...

– Вон, за печкой, – вмешался молчавший доселе Жуга, который примостился на скамейке в углу и с интересом наблюдал за происходящим. Ему нравилась та весёлая кутерьма, которую Ружена развела вокруг больного брата, да и сама она была хороша собой – стройная, с русой косой, задорными голубыми глазами и острая на язык, что, правда, ей даже шло. Работа так и спорилась в её руках. Она в момент растопила печь, поставила греться воду, вымыла полы и в довершение всего напрочь смела паутину в углу вместе с пауком.

– А ты, Жуга, чего сидишь? – с усмешкой обернулась она. – Ты-то вроде не больной. А ну, лезь в погреб. Капусты зачерпни из бочки да туюсок с брусникой захвати – там в углу стоит.

Наконец всё утряслось. Изба засверкала чистотой, Збыха переодели в свежую рубаху, а вскоре и обед поспел. Збых ради такого дела выбрался к столу. Жуга поглядывал на него с некоторой тревогой, но на сей раз тот съел всё, даже добавки попросил. Потянулся за хлебом.

– Это что? – Ружена кивнула на ремешок.

– Это? – Збых кашлянул смущённо. – Так... жилу растянул.

– Растянул, говоришь? – Ружена нахмурила брови. Посмотрела на брата, на Жугу – тот поспешно отвёл взгляд. Вдохнула. – Ох, что-то темните вы, хлопцы... Салом смажь, а то руку сотрёшь.

– Смажу, смажу... А где оно?

– Горе ты моё! В погребе, где ж ещё... Да сиди, я сама схожу.

Она вышла из-за стола, взяла свечу и откинула крышку подпола, как вдруг отскочила назад и с ногами взобралась на лавку:

– Ай!

Збых и Жуга обернулись, встревоженные.

– Что стряслось?!

– Мышь!!!

Серая проказница и впрямь не замедлила появиться, блеснула глазками, стрелой метнулась по полу и скрылась в углу.

Збых прыснул и вдруг захохотал, звонко, заливисто. Ружена соскочила на пол и с укоризной глянула на брата.

– Говорила тебе, давай кошку заведём.

– Эх, сестрёнка, этакой крохи испугалась... Эка невидаль – мышка тащит сыр детишкам. Мышка тащит сыр детишкам... – повторил он, словно пробуя слова на вкус, и вдруг прочёл:

– *Что ты тащишь, мышка?*

– *Сыр несусь детишкам.*

– *Где взяла? – Купила.*

– *Крону заплатила.*

– *Что ж ты сдачи не взяла?*

– *Так хозяйка же спала!*

Збых вознамерился было снова рассмеяться, да глянул на сестру и осёкся.

В глазах девушки затаился страх. Она посмотрела на Жугу, на брата, снова на Жугу и медленно попятилась к двери. Не оглядываясь, вслепую направила шубу.

– Ружена, ты чего? – Збых привстал. – Постой, куда ты...

– Не подходи! – вскрикнула та. – Стой, где стоишь!

– Руженка, погоди!

Но прежде чем кузнец сделал шаг, девушка распахнула дверь и выскочила вон. Збых остался стоять посреди избы в растерянности и смутении.

– Чего это с ней? – как бы про себя сказал кузнец. Посмотрел на приятеля. – Можешь ты объяснить? Чего молчишь?

– Могу, – хмуро ответил Жуга. – Это рифмач.

– Кто?

– Вайда. – Травник привстал, снова сел. Провёл рукой по волосам. – Он всё-таки там, в тебе.

– Где?! – Збых почувствовал дрожь в коленках и поспешно опустился на лавку. Вспомнились тень в церкви, странные сны и прочие нелепости. Он похолодел. Рука потянулась ослабить ворот рубашки. – Здесь?! С чего ты взял?!

Жуга помотал головой.

– Даже смех, и тот его, – сдавленно сказал он. – Да... Влипли мы с тобой, друг Збых, в историю... Не знаю, что и делать теперь.

Збых помолчал.

– Это что ж, – медленно произнёс он, – во мне теперь две души, что ли? Моя и его?

– Вроде как...

– А разве так бывает?

Жуга поднял голову, усмехнулся невесело:

– Сплошь и рядом. Только не у нас, а у баб, когда они детей носят. Потому Ружена и разглядела в тебе кого-то ещё.

– Но я же... Вот чёрт! – Збых, склонив голову, с тревогой прислушался к своим ощущениям. Покосился на Жугу. – А они там того... не смешаются внутри, а?

– Не должны... – с сомнением произнёс Жуга. – А впрочем, не знаю. Лестницу я плёл с таким расчётом, чтоб чужая душа ко мне не влезла, а тебе уже после повязал... Ты, кстати говоря, в самом деле смажь-ка её салом.

– Что ж теперь делать?

Жуга пожал плечами:

– Ружена, надо думать, вернётся к завтраму, а пока... расскажи-ка мне про всех, кто в деревне вашей живёт.

– Это ещё зачем? – опешил кузнец.

Жуга вздохнул и печально посмотрел на растерянного кузнеца.

– Надо же с чего-то начинать.

* * *

Миновал полдень, когда Жуга, насадив кирку на рукоять и прихватив лопату, отправился на кладбище. Збых остался дома. В деревне было тихо и безлюдно, поселяне сидели по домам, лишь в конце улицы гомонила ребятня да суетилось на помойках вороньё. Жуга шёл быстро, не глядя по сторонам, лишь изредка, приметив тот или иной дом, замедлял шаг, вспоминая, что рассказывал кузнец об их жильцах, и меньше чем за полчаса добрался до ограды погоста.

К немалому его удивлению на кладбище уже кто-то был: на белом снегу темнел прямоугольник начатой могилы. Два дюжих мужика, покряхтывая, сосредоточенно ковыряли лопатами стылую землю. Углубились они в неё едва ли по колено. Жуга подошёл ближе и остановился у края ямы.

– Бог в помощь.

– Благодарствуем, – кивнул в ответ один из них. Второй глянул исподлобья, ничего не ответил.

– Для рифмача могила?

– Ага.

– Так ведь я вроде не просил помогать. – Жуга присел, размял в пальцах комок мёрзлой глины. Оглядел обоих. – Да и заплатить мне нечем. Давайте уж я сам.

– Это ничего, это бывает, мы ж понимаем, – сочувственно сказал первый. – Мы забесплатно. Отец Алексей просил подсобить. А третьего не надо – тут вдвоём еле развернёшься, так что иди-ка ты, мил человек, домой. А вот кирку молодец что принес, кирка это, стало быть, в самый раз сейчас будет, вот...

Разговаривать больше было не о чем, и Жуга, оставив мужикам кирку, двинулся в обратный путь, приятно озадаченный, с чего бы это поселяне сделались такими сердобольными. День клонился к вечеру, на улице похолодало, и Жуга сам не заметил, как ноги привели его к порогу деревенской корчмы. Из трубы вился уютный дымок, неподалеку в ряд стояло несколько порожних возов. Жуга помедлил в нерешительности, пощупал за пазухой тощий кошель – не осталось ли мелочи? Мелочь осталась. Он вздохнул, раскрыл дверь и вошёл.

Внутри было сумрачно и тепло. Хозяин – видимо, тот самый Андрлик – дремал возле бочек с пивом, но сразу поднял голову, заслышав, как хлопнула дверь. В углу за длинным столом трое возчиков отогревались после дороги горячим сбитнем. Справа от окна сидел угрюмый белобрысый паренёк и бесцельно глядел в заиндевевое стекло. На столе перед ним стояла нетронутая кружка с пивом. Мельком глянув в его сторону, Жуга оставил лопату подле входа и прошёл к хозяину.

– День добрый, – поздоровался тот.

– И тебе того же. – Жуга пошарил в кошельке, вынул монетку. – Сбитню налей.

Андрлик сгрёб менку, кивнул, снял с полки кружку и наполнил её из самовара густым горячим сбитнем. Жуга огляделся, облюбовал стол почище и уселся. Пригубил из кружки. Напиток оказался хоть куда – с травами, на меду, согревал руки и тёплой волной отзывался в животе. Жуга выпил уже больше половины, когда паренёк у окошка вдруг поднял голову, обвёл корчму мутным взглядом и приметил травника. Встал, подхватил кружку и направился до него. Уселся напротив и некоторое время молча рассматривал незнакомца. Поскрёб небритую шею.

– Ты, что ли, Жуга будешь? – хмуро спросил он.

– Ну я. – Жуга отпил из кружки. – А что?

Паренёк покосился на свою кружку, словно видел её впервые, вздохнул и отодвинул в сторону. Сплёл пальцы, согнул их до хруста. Потупился.

– А вот скажи, травник, – глядя в сторону, начал он, – может твоя наука помочь, когда человек человека не понимает?

Жуга нахмурился:

– Это как?

– Ну вот взять, к примеру, такой случай: парень девку любит, а она его – нет. Можно тут помочь?

– Ничем тут не поможешь. Тут или парень дурак, или девка дура... или нету здесь любви никакой, так, баловство.

Парнишка некоторое время молчал, кусая губы. Поднял взгляд.

– Ну есть же, там, зелье какое-нито, приворотное... Ведь есть же?

Жуга пожал плечами.

– Есть, конечно... да только дурь всё это. Силой человека ещё никто счастливым сделать не мог.

– Ну, так то силой! А это...

– Травы – тоже сила, – хмуро сказал Жуга, заглянул в кружку, одним глотком допил сбитень и встал. – Не дело ты затеял, парень. Колдовством тут не поможешь.

– Так значит, не дашь ничего?

– Не дам.

Паренёк глянул исподлобья, помотал головой.

– Видно, правду люди говорят, – процедил он сквозь зубы, – с рыжим да красным не связывайся. Все вы, ведуны, одним миром мазаны, что ты, что бабка Ниса. Нос все любите задирать, а как до дела дойдёт – хрен тебе. Эх... – Он махнул рукой, отвернулся да так и остался сидеть, подперев голову кулаком. Жуга хотел ещё что-нибудь сказать, но передумал, нахлобучил шляпу, подхватил лопату и направился до Збыха.

Кузнеца дома не оказалось, зато вернулась Ружена. Жуга замялся нерешительно на пороге, не зная, что сказать – к такому повороту он не был готов, но девушка сама начала разговор.

– Проходи, садись, – тяжело вздохнув, сказала она, кивая на лавку. – Поговорить с тобой хочу, пока брата нет.

Жуга опустился на скамью.

– Где он?

– Я его на улицу вытолкала – пускай до кузницы прогуляется. – Она помолчала, дрожащими пальцами теребя косу, и вдруг повернулась к Жуге.

– Жуга, скажи, ведь ты... не со зла? – В глазах её были слезы. – Всё это – не со зла?

Жуга ответил не сразу.

– Что он тебе рассказал?

– Всё... Наверное, всё. – Она спрятала лицо в ладонях и заплакала. У Жуги духу не хватило её успокаивать, и он снова промолчал. – Говорила я ему: уедем из этой деревни... – глухо слышалось сквозь рыдания. – Кузнечье ремесло всюду уважают, не пропали бы... так ведь нет же...

– Деревня-то при чём? – с недоумением спросил Жуга. – Хорошая деревня. И люди вроде как люди... Добрые. Вон, помогли мне бесплатно.

Ружена подняла заплаканное лицо.

– Они всегда готовы помочь... если надо похоронить, – сдавленно сказала она. – Думаешь, ты первый в эту зиму приволок сюда мертвеца?!

Жуга побледнел.

– А... разве... нет?..

* * *

Расчистив заметённую дорожку, Збых растворил скрипучую дверь и некоторое время стоял на пороге, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. В кузнице было пусто и холодно. Вода в бочке подёрнулась льдом.

Збых подошёл к очагу, поворошил холодные угли, рассеянно перебрал инструмент на верстаке. Тронул неподвижные мехи. Взялся было за молоток, но вздохнул и отложил его в сторону. Ощущение тяжести в руках было странное и незнакомое.

Он вышел и долго стоял, глядя, как опускается на деревню вечер, потом повернулся и посмотрел в другую сторону – на реку, на лес за рекой. Настроения работать не было. Он запахнул плотнее полушубок и направился вниз по тропинке, к темневшей во льду проруби.

Близились ночь. Небо подёрнулось тёмной синевой, затем почернело совсем. Воздух был тих и прозрачен. Одна за другой высыпали звёзды. Вошла луна, посеребрив верхушки елей на том берегу, щербатой сырной головой отразилась в воде. Мягким покрывалом заискрился снег. Збых стоял недвижно, глядя на спящую зимнюю реку, чувствуя, как распирает грудь непонятный, неведомый доселе зуд. Голова томила ожиданием слов. Он стоял и вспоминал.

...Жаркими пальцами пляшет костёр, лижет сухие вязанки. Чёрным хвостом над землёй жирный зловонный дым. Запах горелого мяса и след в пламени стихшего крика – в шуме толпы, в шуме толпы, в шуме толпы...

...Повозка старая ползёт неспешно по дороге, плетутся сонно под ярмом усталые волы. Под солнцем пыль, и потный лоб никак не остывает. Но почему так хорошо нам ехать в никуда? Нигде подолгу не сидеть, нигде не оставаться. И рядом – милое лицо и карие глаза...

*...На снежной поляне вдруг голос зовущий,
В просторах снегов умирающий день.
Полночные звёзды и ветер метущий,
Погасший костёр и скользящая тень...*

Збых помотал головой.

– Не моё... – прошептал он еле слышно. – Всё – не моё...

Он посмотрел на свои руки – широкие мозолистые ладони деревенского кузнеца. Пошевелил пальцами, хмыкнул. Откуда это странное чувство поющих под пальцами струн? Он же не играл никогда ни на чём, не знает даже, с какого конца за скрипку браться. И голова... Збых снова затряс головой. Слова. Слова. Накатывают, кружатся, теснятся...

– Збых!

Кузнец оглянулся. Вниз по склону бежал Жуга. Споткнулся, заскользил, упал, зарывшись носом в снег. Встал, отряхиваясь. Поднял и нахлобучил шляпу, и, уже не особенно торопясь, спустился к реке. Остановился рядом.

Некоторое время они молчали.

– Красиво, – совершенно неожиданно для себя сказал вдруг Збых.

– Что? – встрепнулся Жуга.

– Красиво, говорю, – задумчиво повторил кузнец. Посмотрел Жуге в глаза. – Почему я раньше этого не замечал? Или... это тоже из-за рифмача?

– Всё может быть... Сам ты что об этом думаешь?

Збых наклонил голову, посмотрел искоса.

– Я не думаю, я знаю, – ледяным голосом сказал он и вдруг ни с того ни с сего начал читать:

*Призрак давних эпох, навевающий сон,
Эхо тихих шагов, уходя в небосклон,
Бороздящее тьму на рассвете.
Лёгкий шелест листвы, рокот тёплой волны,
Тишина подземелий и грозы весны —
В колыбель приходящие к детям.*

*Оберег и броня тёплых маминых рук,
Вереница событий, друзей и подруг,
Первый враг, что понять так непросто.
Поле, лес и луна – в облаках и в реке,
Лето, осень, весна, льдинка на языке —*

Это в памяти держит подросток.

*Уходящая юность, груз новых забот,
Сны, печали, усталость, кровь, слёзы и пот,
Смех и горе, ответы, вопросы...
Дуновение смерти за чьей-то спиной
И любовь, что поможет остаться собой, —
Так внезапно становишься взрослым.*

*Новый груз новостей, тревожений и бед,
Череда поражений, ничьих и побед.
Первый волос седой на макушке.
Всё, что в жизни узнал, уже можно забыть,
Всё равно эти знания не применить —
И грустят старики и старушки.*

*Нет ни сна, ни печали, лишь молкнут шаги,
В воду бросили камень, погасли круги,
Только души в единое слиты.
Вновь ушёл в дальний путь призрак давних эпох,
И в молчанье холодных застывших веков
Пыль заносит могильные плиты...*

Жуга слушал почти не дыша эти скупые сбивчивые вирши, от которых щемило сердце, и нездоровый холод волной поднимался в душе, и не оставалось после ничего, только один большой неясный вопрос: почему? зачем? за что?

– Силён рифмач... – одними губами прошептал Жуга.

Збых умолк. Покосился на ремешок на запястье. Кожа под ним покраснела и чесалась.

– Жуга, – тихо позвал он.

– Что?

– Что дальше будет?

– С тобой или с ним?

– С нами... с обоими.

Жуга не ответил. Присел у края майны. Сгрёб ладонью снег.

– Смотри. – Он слепил снежок и бросил его в прорубь. С лёгким плеском тот исчез и показался снова еле видимым белым пятнышком под тёмной водой. – Вода это как бы твоя душа. А снежок – его. Не плавает, не тонет.

Он умолк, а когда продолжил, голос его звучал странно.

– Вода растопит снег, – говорил Жуга, не глядя на кузнеца. – Пройдёт девять дней, и его душа отправится в путь. Если они смешаются, то и твоя уйдёт следом... Три дня уже прошло.

Збых почувствовал, как замирает сердце. Сглотнул гулко.

– И... ничего нельзя сделать?

Жуга помолчал.

– Девять дней – огромный срок, если знать, что делать, – наконец сказал он, рассеянно глядя в прорубь. Вода в ней уже подёрнулась ледком, и вскоре снежок окончательно вмерз. – Лёд видишь?

– Ну, вижу, – согласился Збых. – И что?

– Оберег для тебя что лёд для этого снежка. Не даст растаять. – Он повернулся к Збыху: – Почему ты не сказал мне, что до Вайды было ещё трое?

- Те, которые помёрзли? Я о них не подумал. А что, это важно?
- Важнее некуда. – Жуга встал и отряхнулся. – И вот что ещё: кто такая бабка Ниса? В который раз о ней слышу, а ты вроде мне про неё не рассказывал.
- Бабка Ниса? Так она не в деревне живёт.
- А где?
- На выселках...
- Вот как? – Жуга поднял бровь. – Ну что ж, раз так, заглянем завтра на выселки. А сейчас пошли домой. Сестра твоя извелась там вся.
- Збых вздохнул и покосился на приятеля.
- Я зря ей всё рассказал? – спросил он.
- Жуга покачал головой.
- Пожалуй, это лучшее, что ты мог сделать.

* * *

Изба, в которой обитала пресловутая бабка Ниса, оказалась недалеко от деревни – каких-нибудь полчаса ходьбы. То была низкая хибара, донельзя ветхая и до сих пор не упавшая лишь потому, что вросла в землю по самые окна. Воздух над щербатой кирпичной трубой был чист и неподвижен, но Збых заверил друга, что бабка почти всегда дома.

– Она странная и говорит не всегда понятно, – рассказывал кузнец по пути, – но если может, то всегда помогает. Если хворь какая приключится или другая беда, все к ней идут. Помнится, летом корова у тётки Вежбы пропала. Три дня искали, не нашли, потом додумались бабку Нису позвать. Та вышла к лесу, поклонилась на четыре стороны, пошептала. Жива, говорит, скотина ваша, в лесу заплутала. Вернётся к завтраму. И что ты думаешь? Вернулась.

- Она что, так и жила всегда в этой избе?
- Тут раньше Михалек-рыболов жил, да лет шесть назад женился, себе новый дом отгрохал, а этот старухе отдал. А она до того в землянке ютилась.
- А лет ей сколько?
- Збых пожал плечами.
- Бог знает... Сколько себя помню, она всегда была.
- Сам бывал у неё?
- Случалось...

Заботливо расчищенная от снега, к дверям вела дорожка. Тут же стояла лопата. Стучать Збых не стал («Не любит она этого, да и на ухо туга...»), пихнул ногой забухшую дверь, шагнул уверенно в полумрак сеней, налетел на бочку, полную воды, и чуть не упал. Лежавший сверху ковшок грохнулся на пол, и почти сразу в глубине избы зашаркали шаги. Жуга покачал головой и улыбнулся: бабка оказалась не так уж и глуха.

– Никак не привыкну, – проворчал Збых, вставая и отряхиваясь. Поднял ковш, повертел в руках и положил на место. – Вечно она переставляет её с места на место, бочку эту дурацкую... И откуда только силы у неё берутся эту тяжесть ворочать! Не иначе и впрямь колдовство.

Жуга усмехнулся:

- Пустую бочку передвинуть дело нехитрое.
- Пустую? А, ну да...

Друзья прошли в горницу и лицом к лицу столкнулись с деревенской травницей. Збых снял шапку, стряхнул снег. Поклонился.

– Здравствуй, бабка Ниса.

Поклонился и Жуга.

– День добрый.

Та ответила не сразу. Посмотрела на Жугу. Помолчала.

– Здравствуйте, коль пришли, – наконец сказала она.

Голос её был низким и звучным. Жуга присмотрелся. Бабка Ниса была стара. Очень стара, и всё же... Что-то вовсе не старческое невидимкой проступало сквозь маску времени. Годы не согнули спину, артрит не посмел тронуть тонкие, всё ещё сильные пальцы, и где-то в глубине живых, ярко-зелёных глаз до сих пор мерцал затаённый блеск ранней юности. Жуга сморгнул: на миг перед взором возникло и исчезло юное девичье лицо в сиянии золотистых выющихся волос, тонкое, неуловимое. Много лет назад это была красивая женщина, и время оказалось не в силах стереть некогда прекрасные черты.

Збых откашлялся, прочищая горло.

– По делу мы, бабка Ниса, – сказал он. – Выслушай, помоги советом, подскажи, как быть. Бабка пожевала губами, прищурилась. Вздохнула.

– Три тени от двух дураков... – пробормотала она, словно бы про себя. – Век живу, а такого не упомню. Как звать тебя, горец?

Жуга вздрогнул, нахмурился, пригладил пятернёй растрёпанные волосы. Шрам на его виске побелел.

– Жуга.

Травница помолчала. Покачала головой.

– Не надо ничего рассказывать, – наконец сказала она. – Знаю и так: и про лес, и про церковь. – Она взглянула на Збыха – тот стоял тише воды ниже травы. – Не могу я вам помочь. Ничем. Уходите.

Збых кивнул и попятился к двери, но Жуга остался стоять, нахмутив лоб, как будто чего вспоминал. Молчание затягивалось, Збых уже хотел поторопить его, но тут Жуга шагнул вперёд. Пальцы его рук сложились в непонятную плетёнку, он дважды обернулся вокруг себя и вдруг подпрыгнул, коснувшись рукою потолка, после чего замер недвижим. Посмотрел вопрошительно бабке в глаза.

Впалые губы травницы тронула улыбка.

– Правильно, – со вздохом кивнула она. – Ну что ж, раз так... Слушай, горец, всё, что я могу тебе сказать, слушай и запоминай:

*В полночном лесу разыщи белый волос —
Когда отзовётся потерянный голос,
Пятёрка найдёт одного.*

*В одном человеке двоим будет тесно:
Сорви человека с девятого места,
И друга спасёшь своего.*

Травница умолкла.

Жуга некоторое время обдумывал сказанное, потом поднял взгляд.

– Какого из двоих, бабка Ниса? – хрипло спросил он.

Та молча покачала головой и отвернулась.

– Уходи, горец, – с затаённой болью сказала она. – Остальное только помеха тебе, здесь я ничего поделать не могу. Уходи.

Жуга промолчал.

Попрощавшись, оба вышли и долго стояли на улице, вдыхая чистый морозный воздух и заново привыкая к дневному свету.

– Збых, – сдавленно сказал Жуга, не поднимая головы. – Скажи, что я – дурак.

– Это ещё почему?

– Хочу исправить одну ошибку, вместо этого делаю две новые.

– Ты о чём?

– О чём, о чём, – огрызнулся травник. – Ни о чём! Теперь я ещё и бабке Нисе должен помочь.

Ни слова более не говоря, он повернулся и зашагал обратно в деревню. Збых не придумал ничего лучшего, как пойти следом.

* * *

Оставшийся день до вечера Жуга рылся в сарае у Збыха, перебирая хлам, пока не откопал две старые, подбитые оленьим мехом охотничьи лыжины, а утром следующего дня смазал их салом, прихватил посох, топор и котомку и отправился в лес. Был он угрюм и молчалив, а когда Збых вызвался идти с ним, покачал головою в ответ, и кузнец остался дома.

День выдался пасмурным. Лежалый снег мягко поскрипывал. Жуга шёл весь день, почти не отдыхая, шёл на юг, пока не добрался к вечеру до памятной старой стоянки, ставшей для Вайды последней. Здесь он сбросил лыжи и осмотрел окрестности, ничего особенного, впрочем, не приметив. Поляна мало изменилась, лишь снег замёл кострище да толще стала белая шуба на деревьях. Жуга насобирал дров, расчистил кострище и разжёг огонь. Расстелил одеяло, распаковал провизию и, подкрепившись, стал ждать.

Быстро темнело. Взошла луна, еле видимая через облака. Булькала вода в котелке. Жуга лежал, погружённый в свои мысли, гоня непрошенный сон, и лишь время от времени приподнимался зачерпнуть травяного отвара и подбросить дров.

Слова бабки Нисы были туманны. Травница, похоже, что-то знала, но упорно не хотела говорить. Почему? Жуга терялся в догадках. По крайней мере, в лес она ему ясно велела идти, но вот что дальше...

Жуга и сам со дня на день собирался вернуться сюда. Миновало пять дней с момента смерти рифмача (даже шесть, считая первые сутки), а он всё ещё не продвинулся в своих поисках. Поселяне же с непонятной поспешностью стремились предать усопшего земле, даже не выждав толком положенных девяти дней. Жуга вспомнил рассказ Ружены. Три человека уже замёрзли в лесу этой зимой, Вайда был четвёртым. Деревня же словно бы в насмешку называлась Тёплый Стан.

За размышлениями Жуга не заметил, как задремал и пропустил тот миг, когда тревожное предчувствие могло его предупредить, и заподозрил неладное, лишь когда стал замерзать. Он вздрогнул и проснулся.

Костёр почти догорел. Рассыпавшись неровным кругом, тлели красные точки угольков. А по ту сторону костра... Жуга помотал головой, но видение не исчезло: по ту сторону костра стоял мальчонка лет шести-семи. Стоял и смотрел на него, не двигаясь и даже не мигая.

– Ты откуда взялся? – спросил Жуга. – Как тебя звать?

Тот не ответил. Жуга присмотрелся. Обыкновенный мальчик, каких много, одетый в дражные штаны и рубашку, только слишком уж худой и до синевы бледный. Жуга опустил взгляд и вздрогнул: парнишка был бос. С минуту они просто смотрели друг на друга, затем малец, ни слова не говоря, склонил голову набок, протянул свою тощую, похожую на птичью лапку руку и двинулся в обход костра.

Жуга почувствовал озноб. Он вскочил, запутавшись в одеяле, отпрыгнул было в сторону, но сразу увяз в снегу и упал. Отполз на четвереньках за костёр. Паренёк двигался следом, постепенно ускоряя шаг: лёгкий, как тень, он почти не проваливался на твёрдой корке свежего наста. Волной накатил холод, колющий, обжигающий. Жуга отчаянным броском метнулся в сторону, огляделся, разыскивая лыжи. Стояли они недалеко, но, даже если добежишь, их ещё надо надеть...

Мороз ударил в затылок, судорогой свело спину. Жуга оглянулся. Так и есть – паренёк снова приблизился. Теперь уже не было загадкой, как погиб рифмач, теперь надо было спастись самому. Без толку бегать – рано или поздно парнишка его догонит. Нельзя без конца убегать – так вообще ничего не узнаешь!

Жуга снова огляделся. Если загадочный пришелец ищет тепла... Взгляд его упал на костёр. «Коль заблудился ты в лесу...»

Раздумывать было некогда. Непослушными пальцами дёргая ремешки, он скинул башмаки, пинком отбросил котелок и босиком шагнул на угли.

Жар привычным потоком ударил в ноги, заставил расправиться окоченевшее тело. Жуга выпрямился и двинулся по кругу, не спуская глаз с найдёныша.

– Кто ты?! – ещё раз крикнул он, не получил ответа и закрыл глаза. Почти сразу пришло ощущение присутствия чуждой, непонятной силы. Жуга сглотнул и потряс головой, прогоняя сторонние мысли. Надо было пробовать иначе.

«Кто ты?» – беззвучно спросил он, не останавливаясь и не замедляя шага.

Робкий проблеск в темноте и снова – ничего.

«Кто ты?!»

Только пугающая тьма и холод там, где должна быть жизнь. Жуга вздрогнул – перед ним было только тело. Впрочем... Он двинулся дальше по кругу и снова вздрогнул: тонкая, почти неощутимая нить пуповиной тянулась в никуда, заставляя это тело двигаться и жить странным подобием жизни.

Жуга застонал. Дети не верят в собственную смерть!

Эта душа сумела удержаться рядом, день за днём теряя всё человеческое, скатываясь к тупой животной жажде тепла в попытке вернуть утраченную жизнь.

Почему Ружена не сказала, что был ещё один?!

Боль в ногах прорвала невидимый барьер, выплеснулась наружу, и Жуга спешно двинулся дальше. Но было поздно: ноги горели. И в этот миг...

«Я... я...»

«Кто? Кто ты?!»

«Я иду к тебе... Я ищу тебя...»

Запах палёного мяса мешал сосредоточиться. Жуга стиснул зубы и задышал ртом.

«Кто ты?!»

Беззвучный плач в ответ.

«Мне холодно... холодно... и больно...»

Жуга больше не размышлял. Пальцы сами сложились лодочкой, он выкрикнул короткий наговор, и жидкий пал метнулся вверх по телу, ударил в руки и выплеснулся, обжигая ладони, туда, где в темноте зимней ночи плакал и метался брошенный всеми маленький одинокий человек.

Жуга не помнил, когда подкосились ноги, помнил только, как он упал в холодный пепел и после долго полз на четвереньках, пока не уткнулся головой в шершавый сосновый ствол. От запаха жжёного мяса свербело в носу, живот скрутило чёрной судорогой, Жуга сжался в клубок, и через миг его вырвало на снег жгучей кислой желчью. Потом – снова и снова.

Потом накатила тьма.

* * *

Дуновение воздуха.

Шорох шагов.

Что-то шершавое и мокрое касается обожжённой подошвы.

«Одиночка!»

Медленно, толчками пробуждается боль... течёт потоком...

«Очнись, одиночка!»

Жуга застонал и повернулся на бок. Открыл глаза, ахнул и поспешно сдал назад, спиной ударившись о дерево: он снова был не один – пять пар глаз глядели в упор не мигая. Пятеро волков, белых как снег, сидели перед ним ровным полукругом.

Жуга молчал. Резкое движение разбудило боль. Сопротивляться не было ни сил, ни желания.

Крайний справа зверь – матёрый белый волчара – встал и медленно двинулся вперёд, низко пригнув к земле морду. Блеснул глазами.

«Привет тебе, одиночка».

Жуга сглотнул. Запёкшиеся губы едва разлепились.

– Кто... вы? – выдохнул он.

«Волки. Волки зимы. Мы не причиним зла».

– Зачем... вы здесь?

Вожак поднял голову.

«Ты звал – мы пришли».

Мысли еле ворочались в голове, тяжёлые, медлительные, скованные болью. Каждое слово давалось с трудом. Вспомнились слова бабки Нисы: «Пятёрка найдёт одного».

Жуга поднял голову. Волков было пять.

– Тот... мальчишка...

«Мы знаем, одиночка. Его отдали нам в начале зимы».

– Зачем он... вам?

Белый волк отвернулся. Губы его приподнялись, обнажая клыки.

«Мы не просили, – был ответ. – Приходит новая вера, и про старую говорят: «Зло», но забывают её не скоро. Думают, жертва поможет. Люди хотели снежной зимы. Люди её получили».

– Я... могу его забрать?

«Ты можешь его забрать, одиночка».

Жуга облизал пересохшие губы.

– Как?

Волк поднял взгляд.

«У тебя есть Кольцо. Ищи человека».

Жуга напрягся, вспоминая. Кольцо... Кольцо...

Браслет!

«Сорви человека с девятого места», – сказала бабка Ниса. Девятой по счёту подвеской на браслете была человеческая фигурка.

– Только одного? – спросил он.

«Только одного».

Жуга помолчал, собираясь с силами.

– Что вам нужно от меня?

«Мы – волки. При встрече нам нечего с тобой делить. Берегись, когда придут псы дождя».

Вожак повернул голову. Прислушался.

«Сюда идут. Прощай».

И прежде чем Жуга успел ещё что-нибудь сказать, все пятеро повернулись и, словно тени, растворились меж деревьев.

* * *

Ружена и Збых нашли его, когда рассвело, пройдя по лыжному следу. Жуга лежал, скорчившись под большой сосной, тихий, оцепенелый, но живой. Полушубок и рубашка его были залиты рвотой. Ноги обгорели, подошвы были словно две печёные картофелины. У погасшего костра валялись задубевшие от мороза башмаки. Снег вокруг был изрыт и истоптан, но разобрать в следах хоть что-то не было возможности. Брат и сестра подобрали брошенный мешок, закутали травника в одеяло, положили его на лыжи и волоком потащили домой.

* * *

– Ты думаешь, нам это поможет? – с сомнением произнёс Збых, вертя в руках браслет тускло-зелёного металла. Посмотрел на Жугу. Тот кивнул:

– Думаю, да. Ляг на кровать.

Збых заколебался. Покосился на свой оберег.

– Что, прямо сейчас?

– Чем раньше, тем лучше.

Морщась от боли в обожжённых ступнях, Жуга опустил ноги на пол и проковылял к столу, рядом с которым стояла Ружена. Девушка только что сняла с плиты горшок с горячей водой и теперь с беспокойством наблюдала, как рыжий паренёк развязывает свой мешок. Он насыпал в кружку горстку мелких чёрных семян, добавил пучок травы и залил кипятком. Накрыв тряпицей и отставил в сторону. Перехватил тревожный взгляд Ружены и пояснил, не дожидаясь вопроса:

– Это мак. Всего лишь мак. Сонный настой.

– А его обязательно пить? – забеспокоился Збых.

Жуга протянул руку и взял браслет. Посмотрел кузнецу в глаза, пожал плечами:

– Будет лучше, если ты заснёшь.

Збых вздохнул:

– Ну ладно, давай, что ли.

Он взял кружку, помедлил в нерешительности, прежде чем выпить горячий, пахнущий банным веником отвар, и откинулся на подушки. Отдал кружку сестре, покосился на Жугу. Помолчал, глядя, как тот надел на руку свой браслет и сдвинул его подальше на запястье. Мелькнул в просвете рукава неровный белый шрам.

– Жуга...

Тот поднял взгляд.

– Что?

Збых сглотнул.

– Как думаешь, у тебя получится?

Жуга помедлил с ответом, отвёл взгляд. Закусил губу, посмотрел виновато, как нашкодивший ребёнок. Кивнул.

– Получится, Збых. – Он улыбнулся. – Обязательно получится.

– И знаешь ещё что, Жуга, – сонно пробормотал Збых. – Ты извини меня... ну, за то... что я тогда, в церкви...

Не договорив, он умолк на полуслове. Веки его сомкнулись, дыхание замедлилось – кузнец уснул.

Жуга и Ружена переглянулись.

– Ты правда сможешь это сделать? – спросила она.

Жуга не ответил. Хромая, подошёл к столу и опустился на лавку. С силой, до хруста размял пальцы. Покосился на запястье. Тёмный камень браслета мягко мерцал в полумраке избы. Ружена вздохнула, поправила на брате одеяло и села рядом.

– Ты можешь их разделить? – снова спросила Ружена.

– Могу.

– И Збыху не будет хуже?

Жуга помолчал. Взъерошил волосы пятернёй.

– Видишь ли, Руженка... – Он замялся. Девушка терпеливо ждала продолжения. – Слова тоже имеют силу. Слово может убить, а может и спасти, это уж как повернёшь. Я владею этим, но Вайда – он... – Жуга наморщил лоб и прищёлкнул пальцами, подыскивая нужное слово. – Он рифмач. Он это дело знает совсем с другой стороны, и чем всё может обернуться, ума не приложу. – Он посмотрел на спящего кузнеца и вздохнул. – Они слишком долго были вместе, Ружена. Збых никогда больше не будет прежним.

Девушка некоторое время сидела молча, кусая губы.

– Ты думаешь, он будет чувствовать себя... ущербным?

Жуга поднял взгляд.

– Он не сможет больше сочинять стихи. Даже если захочет.

– И только? Так он и раньше их не сочинял.

– Но раньше он и не хотел, понимаешь? – Жуга вскочил, охнул и упал обратно. Поскрёб пятернёй босую пятку, скривился.

– Болит?

Жуга помотал головой: «Нет». Ружена вздохнула. Раны на рыжем пареньке заживали на удивление быстро – ещё вчера он не мог не то что ходить, но даже стоять, а сегодня из-под чёрной коросты ожогов уже проглядывали розовые пятна здоровой кожи.

– Всяк на свете должен своё дело знать, – сказала она. – Збых своё знает, а потому не беспокойся. Ты не видел, как он из железа кружева плетёт. Делай что должен, и будь что будет.

– Иногда я не могу понять, – задумчиво произнёс Жуга, рассеянно теребя подвески на браслете, – что я с собой приношу – добро или зло. Вайда, теперь вот Збых. А ещё мальчишка этот...

– Зденек?

– Да, Зденек... Когда, кстати, он пропал?

– Прошлой осенью... А откуда ты знаешь?

– Так, – Жуга пожал плечами, – слышал краем уха.

Ружена помолчала.

– Я не знаю, – наконец сказала она. – Наверное, всё-таки зла в тебе нет. Другой бы просто бросил их обоих и ушёл себе спокойно. А ты остался.

– Остаться остался, а толку... Ладно. Хватит об этом. – Он вздохнул и взял со стола нож. Тронул пальцем лезвие и протянул его Ружене.

– На, возьми.

Та поспешно отстранилась.

– Это ещё зачем?

– Узел на обереге засох – тебе не развязать. Когда скажу – разрежешь ремешок.

– И что с ним потом делать?

Жуга подошёл к кровати. Обернулся.

– Сожги. Так будет лучше.

Он перелез через Збыха и улёгся рядом. Нашупал на браслете угловатую подвеску с человечком. Посмотрел на Ружену.

– Не боишься?

– Боюсь, – кивнула та. Нож в её руке дрожал.

– Это хорошо, – кивнул Жуга. – Срезай.

Он подождал, пока нож не рассёк кожаную полоску, стиснул зубы и сорвал подвеску. И провалился в темноту.

* * *

... всё дальше и вперёд скользя по тонкой грани между сном и явью, ни туда ни туда не сворачивая. Ни света ни темноты, только клубящиеся тени кружатся, сплетаются, растворяясь друг в друге и тут же пропадая. Лица. Руки. Глаза. Скрипы. Шорох. Шум в ушах.

Жуга в этом странном «нигде» двигался медленно, словно слепой в лабиринте. Тела своего он не чувствовал, лишь браслет весомо оттягивал левую руку; самой руки видно не было, только краем глаза удавалось углядеть мерцающую во мгле красную искорку: камень.

Жуга остановился и огляделся.

«Вайда!»

Ответа не было.

«Вайда!»

Новая волна шорохов, но и только.

Жуга растерялся. Он не знал, что будет делать, когда попадет сюда. Он даже не знал, куда его занесёт. Какие поиски, когда нет ни верха, ни низа, ни середины?

Хотя если подумать...

Браслет помог ему сюда попасть. Должен же в этом быть хоть какой-то смысл!

«Вайда!» – снова позвал он.

Нет ответа.

Жуга задумался.

У Вайды сейчас нет своего тела. Это Збых, а не Вайда спит в избе, но его звать как раз не стоит – кузнец может только помешать. Что сводит их воедино?

«Рифмач!»

Эхо метнулось вдоль невидимых стен, разгоняя тени. Жуга шагнул, нащупывая путь невидимой ногой, и вновь остановился.

«РИФМАЧ!!!»

Тени сгустились. Теперь в них появилась форма, возникли границы. Шум перестал быть неразличимым – ещё не слова, но призраки слов. Ещё шаг – и впереди замаячила размытая фигура человека.

«Рифмач, я здесь!»

«Я... я... я... ззуу...»

Жуга снова продвинулся вперёд и замер, поражённый.

Перед ним были двое. Хотя нет – один... Нет, поправил себя Жуга, всё-таки двое.

Это было странно и страшно – видеть, как сливаются, перетекая из одного в другое, головы, руки, ноги... Призрачные тела дёргались, бились в медленных и бесконечных судорогах, и от этого становилось ещё страшнее. Лиц видно не было. Сердце у Жуги замерло: он понял, что едва не опоздал.

«Рифмач!»

Движение замедлилось. Голова (сейчас она была одна) повернулась к нему. Тёмный провал рта раскрылся.

«Кто-о-о...» – эхом прошелестел вопрос.

«Это я. Жуга. Я искал тебя, Вайда. Пойдём со мной».

Головы медленно разделились. В дымном проблеске проглянуло лицо рифмача.

«Зачем... ты...»

«Идём со мной, – повторил Жуга. – Оставь спящего в покое. Ты здесь чужой, Вайда. Идём, пока не стало поздно. Семь оборотов уже прошло».

Искажённое болью лицо исчезло и появилось вновь.

«Я не помню... Ничего не помню...»

«Память – колодец. Разбей пустое отражение и войди в воду. Перестань быть тенью. Отыщи себя».

На сей раз молчание затянулось надолго.

«Ты... поможешь мне?»

Жуга больше всего боялся обещаний, но иного пути, похоже, не было.

«Я помогу тебе», – кивнул он.

Некоторое время ничего не происходило, и Жуга лихорадочно стал соображать, что теперь делать, как вдруг Тень разделилась. Одна её часть осталась на месте, другая двинулась к травнику. Она подходила всё ближе и ближе, и с каждым шагом из смутной игры света и тени всё отчётливее возникало бородатое лицо рифмача.

Вайда подошёл вплотную и остановился.

«Жуга! – Густая борода раздвинулась в улыбке. – Жуга... Чёрт возьми, как же я рад тебя видеть!»

* * *

Слипшиеся веки разлепились. Над постелью склонилось встревоженное девичье лицо.

– Ружена...

– Я здесь, здесь, Жуга...

Он сглотнул.

– Збых...

– Он так метался, так метался... а теперь снова спит... Это хорошо?

– Да... Так и надо. – Жуга приподнялся на локтях и попытался сесть. Это ему удалось. Поднёс к лицу руку с браслетом. Камень мягко вспыхивал и гас вместе с биением сердца. Наверное, и цвет изменился. Впрочем, это было уже не важно.

Ружена перехватила его взгляд.

– Вайда теперь там?

Жуга кивнул:

– Да. Кажется, да...

Он разжал кулак. Мелкий серо-зелёный порошок – всё, что осталось от фигурки человека с браслета, – струйками потёк меж пальцев.

– Вот, значит, как... – пробормотал он.

Часть порошка прилипла к ладони, Жуга вытер её о рубаху и только теперь заметил, что весь взмок от пота.

Ружена, похоже, тоже это заметила.

– Ой, я сейчас...

Она вытащила из сундука и помогла Жуге надеть чистую рубашку, затем они совместными усилиями переодели Збыха, тоже мокрого как мышь, и уложили обратно.

– Может, поешь? – Ружена захлопотала, торопливо собирая на стол. – У меня похлёбка на плите. Горячая.

Жуга почувствовал, что и в самом деле проголодался. Есть хотелось невероятно.

– Сколько всё это длилось? – спросил он.

– Почти весь день. Полночь скоро...

Жуга слез с кровати и еле добрался до стола. Голова кружилась, зато ноги, похоже, уже совсем зажили, только жутко чесались. Он отрезал хлеба, полил квашеную капусту постным

маслом и подвинул к себе миску с похлёбкой. Ружена уселась напротив, молча глядя, как он ест.

– Расскажи о себе, – вдруг попросила она.

Жуга прожевался. Поковырял ложкой в миске. Поднял голову.

– А чего рассказывать?

– Ну хотя бы откуда ты.

– С гор я, – неохотно сказал он. – Только ушёл я оттуда.

– Зачем?

– Сам не знаю. Раньше казалось, что знал, а теперь... – Он покосил-ся на девушку, усмехнулся невесело. – Странствую вот... от зимы лета ищу.

Ружена помолчала.

– Кто ты такой, Жуга?

Тот вздрогнул и отложил ложку. Потупил взгляд.

– Не спрашивай меня об этом, Руженка, – глухо сказал он. – Пожалуйста...

Она протянула свою руку. Ладонь легла поверх ладони. По щеке у девушки сбежала слеза.

– Молчи, рыжий, – мягко сказала она. – Молчи. Ничего не говори. И знаешь... кто б ты ни был... Спасибо тебе за всё.

Со стороны кровати донёсся шелест, и из-под одеяла показалась заспанная Збыхова физиономия.

– Эй, а мне в этом доме сегодня дадут поесть?

Жуга с Руженой посмотрели на кузнеца, затем друг на друга и приснули со смеху.

* * *

Уснуть этой ночью Жуга не смог – ныла и зудела рука под браслетом. Перед глазами маячило искажённое болью лицо рифмача, но Жуга лишь под утро догадался, что происходит, и, словно подброшенный невидимой пружиной, вскочил и заметался по горнице, торопливо одеваясь. Запрыгал на одной ноге, завязывая башмаки.

– Эй, ты чего? – забеспокоился Збых.

Из-за занавески выглянула Ружена.

– Что случилось?

– Они хоронят его! – выкрикнул Жуга. – Хоронят, понимаете?! Они не стали ждать!

Кузнец спрыгнул с печки.

– погоди, я с тобой...

Жуга лишь махнул рукой в ответ, торопливо нахлобучил шляпу и выскочил за дверь. Збых кинулся вдогонку, на ходу надевая полушубок.

Жуга ещё не совсем поправился, был слаб, хромотал, и хоть до кладбища добежали быстро, всё равно опоздали. Жуга оказался прав – рифмача и в самом деле решили похоронить. Уже издали можно было заметить разношёрстную толпу на погосте. Здесь собрались если и не все поселяне, то большая их часть. Был здесь и отец Алексей. Два мужика, уже знакомые травнику, сноровисто орудовали лопатами, засыпая могилу. Мёрзлые комья глухо стучали по крышке гроба.

– Опять эти двое! – Жуга сжал кулаки.

– Это Карел... и Ешек... – пропыхтел на бегу Збых. – Они у Рудаха батрачат...

– Братья, что ли?

– Ага...

Жуга прибавил ходу. Замахал руками.

– Эй! Стойте!

Поселяне заоборачивались. Расталкивая толпу, Жуга пробрался к полузакопанной могиле. Красный, распаренный после бега, он всё никак не мог отдышаться.

Отец Алексей нахмурился.

– Почто шумишь, вьюнош? Чем кричать, лучше б спасибо сказал людям за работу. Не время сейчас кричать и не место. Что не позвали тебя, то не наша вина: сам ты где пропадал последние дни? Стань в сторонке, не мешай.

Народ вокруг молчал. Мужики снова взялись за лопаты.

– Нет, погодите! – Жуга схватил крайнего из них за рукав. – Вы что делаете? Ведь не прошёл ещё положенный срок!

Тот стряхнул его руку. Сплюнул.

– Прошёл – не прошёл... Тебе какая забота? Думаешь, если сумел у Вацлава нечисть вывести, так всё теперь сможешь? Всё равно не вернёшь его, как и тех четверых... Отойди, не мешай.

Жуга вздрогнул.

– Четверых? – медленно переспросил он. – Но ведь мальчишку, Зденека вы так и не нашли... С чего ты взял, что он мёртв?

В толпе встревоженно зашептались. Жуга огляделся.

– Вот оно что... – пробормотал он. – Кто-то из вас помог мальчонке умереть. Кто-то свёл его в лес по осени, так?

Священник покачал головой.

– Побойся Бога, странник! Не дело ты говоришь, ох, не дело...

Но Жуга уже никого не слушал.

– Збых! – Он отыскал взглядом кузнеца. – Родители его здесь?

Тот покачал головой:

– У них и так семеро по лавкам, где уж им по кладбищам бегать.

– Ясно. – Жуга кивнул. – А в полях, значит, недород в последние годы. И снегу захотелось. Так, поселяне? Узнать бы, кто вам такое посоветовал. Бабка Ниса? Вряд ли...

«Ты думай, чего говоришь!» – загомонили в толпе. «Мало ли как дети пропадают!», «Ишь выискался!», «Все они, ведьмаки, одинаковые...», «Сам небось и пришел дружка своего!»

– А ещё к Руженке липнет, сволочь!

Жуга обернулся на крик и разглядел в толпе белобрысую голову паренька из корчмы, которому давеча отказался дать приворотное зелье. Этого только не хватало!

Один из мужиков – не то Ешек, не то Карел – шагнул вперёд, схватил Жугу за руку и попытался оттащить в сторону, но вскрикнул, наткнувшись на браслет, и поспешно отскочил. Потёр ладонь.

– Жжётся, гадина!

Жуга покосился на браслет – камень пылал как огонь. Он поднял голову и встретился взглядом со священником. Тот стоял в сторонке, теребя наперсный крест.

– А ведь вы знали, батюшка, – сказал Жуга. – Всё-всё знали. Ведь он, наверно, приходил к вам... уже потом...

– На всё воля Божья. – Тот опустил глаза. – Я молился за него, но... – Он развёл руками. – Бог не вмешается, если люди молчат.

А люди молчали – толпа, угрожающе притихнув, медленно смыкала круг. Збых огляделся. Лица... серые, злые... Неужели он жил с ними рядом столько лет?

«А ведь они боятся, – вдруг подумалось ему. – Всего боятся. Своих хозяев боятся и своих батраков, своих жён и своих мужей. Даже детей своих и то боятся до смерти...»

Не хватало только искры, чтобы вспыхнул пожар, и её не пришлось долго ждать.

– Бей ведьмака! – вскричал кто-то, и толпа бросилась вперёд. Збых рванулся на помощь другу, но ему подставили ножку, в воздухе мелькнула лопата, и кузнец, оглушённый, повалился на снег.

– Збышко!!!

Ружена подросла только в последнюю минуту и не смогла сдержать крика, увидев, как людская волна прокатилась над её братом и захлестнула рыжего странника.

– Не троньте его!!!

Её отпихнули в сторону. Девушке оставалось стоять и бессильно смотреть на кучу шевелящихся тел. Слышались крики, пыхтение, ругательства, треск рвущейся материи.

И вдруг всё кончилось.

Никто не понял, откуда они взялись – белые волки – пятеро зверей во главе с матёрым вожаком; они как-то сразу возникли в самой гуще драки, как возникают ниоткуда хлопья снега в чистом зимнем воздухе, и через миг рыжего паренька окружил вихрь когтей, горящих глаз и шёлкающих клыков. Толпа ахнула и схлынула назад, оставив на истоптанном снегу распротёртое тело.

Повисла гнетущая тишина.

Жуга лежал недвижно, уткнувшись лицом в снег. Налетавший ветер шевелил его рыжие в пятнах крови волосы. «Убили!» – ахнула женщина. «Молчи, дура... – грубо осадил её мужской голос. – Молчи...»

Четыре волка остались стоять неровным полукругом, осцериw зубы, – замершие, собранные, готовые к прыжку. Пятый подошёл к травнику, склонился над ним. Мелькнул промеж зубов жаркий розовый язык.

Послышался стон. Пальцы простёртой руки сжались, горстью загребая снег, Жуга поднял голову и открыл глаза. Обвёл взглядом притихших поселян. Разбитые губы шевельнулись.

– Тени... – еле слышно сказал он. – Как вы не понимаете, что все вы – просто тени...

Он медленно приподнялся. Сел. Вытер губы, безразлично покосился на окровавленный рукав и попытался встать. Волк с готовностью подставил плечо. Жуга благодарно кивнул, ухватился рукой за волчий широкий загривок и медленно, приволакивая ногу, двинулся к лесу.

Ружена подняла голову. Губы её округлились: «Жуга!» – хотела позвать она, но тот вдруг сам остановился, оглянулся, взглядом нашёл в толпе девушку и молча покачал головой.

Он так и ушёл, не сказав больше ни слова, и никто не посмел его остановить, пока сидели и ждали возле могилы четверо снежных волков.

Потом ушли и они.

* * *

Збыха отнесли домой. Ружена помогла уложить брата на кровать и вытолкала всех вон. Пришёл кузнец в себя только к вечеру, а на следующий день, одолжив у соседа лошадь и сани, погрузил в них весь свой нехитрый скарб и вместе с сестрой уехал из деревни, по слухам – к дальней родне. Дом продали.

Говорят, белых волков видели ещё раз, но следующей ночью разыгралась метель, такая выюжная и ветреная, что никто не решился выйти на улицу. А когда утром наиболее смелые из местных, опрокинув для храбрости кружечку-другую, вооружились чем ни попадя и заявили на кладбище, то нашли вместо могилы лишь полузаметённую снегом яму: гроб был пуст, тело рифмача исчезло.

Намерились спросить бабушку Нису, но травницы дома не оказалось. Не появилась она и после, и пустая хибара её долго стояла на берегу, пока со временем не развалилась.

А дня через два к деревне вышел худой, измождённый мальчонка лет пяти-шести. Он шёл медленно, зябко кутаясь в старую шаль, доходящую ему до колен. Редкие поселяне тороп-

ливо крестились при встрече с ним и после долго смотрели вслед, а Вацлав, который вышел поглядеть, что за шум, завидев его, хлопнулся в обморок.

Парнишка молча прошёл мимо длинного ряда домов и остановился у крайней слева избы. Постоял у дверей, как будто вспоминая, затем поднял руку и робко постучался.

– Мама, – позвал он, – открой...

Оправа: Говорящий

5

Солнце подбиралось к зениту. Становилось жарко. В округе было тихо, лишь кузнечики в траве старались, стрекотали всюду да высоко в небе переливчато и звонко пел жаворонок.

Медведь шумно вздохнул и повалился на бок.

«Неплохо бы перебраться в тень. Или уйти к реке».

Травник полез в мешок, вытащил оттуда пузатый овальный бочонок и выдернул пробку.

– У меня с собой есть вода.

Зверь долго и жадно лакал, неуклюже ворочая лапой бочонок. На потемневших дубовых клёпках засветлели глубокие царапины. Травник к воде не притронулся, лишь подождал, пока медведь не напился, и спрятал бочонок обратно в котомку.

«А-ах... – Зверь снова уселся на зелёный ковёр. – Что ж, хорошо. Значит, с Волком ты уже знаком».

– Знаком. И я...

«От мести к интересу через безразличие и страх, – не слушая его, меж тем проговорил медведь. – Ах-р... утраченная вера... Ты рисковал, спасая этих... кузнеца и этого словесника с шерстью на морде. Это самое у вас и зовётся дружбой? Ах-р... занятно...»

– Не знаю. – Жуга пожал плечами и задумался. Потеребил подвески на браслете. – Я, конечно, рисковал. Но они ведь рисковали больше!

«Что я ещё забыл? Какое чувство? Помнишь?»

– Может быть, любовь? – предположил Жуга.

Медведь презрительно фыркнул.

«Никогда не мог в вас этого понять. Навыдумывали слов – дружба, любовь... Ах-р!!! Какая чепуха! Да ты, наверное, их и сам не понимаешь. Все эти ваши «чувства» – только пыль, которую уносит ветер».

– Может быть, ты прав, – ответил странник.

И, помолчав, добавил:

– А может быть, и нет.

Башня ветров

Выстрела в спину не ожидает никто, и когда хрустальный шар в лавке волшебника Веридиса взорвался с адским грохотом, помочь уже ничем было нельзя. Растревоженные жители соседних домов высыпали на улицу. В окнах особняка показалось пламя, побежали за водой. Наконец сломали дверь, и в дальней комнате, уже охваченной огнём, отыскали двоих.

Ученик колдуна ещё дышал. Сам волшебник был мёртв. На лице его, истерзанном осколками хрусталя, застыло удивление.

* * *

Хмурым зимним утром свинцовые волны Галленской бухты вспенили вёсла, и в гавань вошёл корабль. То был драккар – развалистая низкобортная ладья викингов. Нос корабля был чист, резная драконья голова – обычный талисман морских разбойников в бою или дальнем походе – была снята. Корабль шёл торговать.

Часы на башне пробили полдень, когда гружённая товаром ладья норвегов вдруг вспыхнула синим пламенем, словно охапка соломы, и в считанные минуты сгорела дотла прямо у причала, не успев даже толком ошвартоваться. Обугленный её остов поглотила вода. Из мореходов не спасся почти никто.

Хрустальный шар это видел.

Днём позже разыгралась буря. Холодный ветер разметал забытый костёр цыган-степняков, чья потрёпанная кибитка притулилась у дороги, раздул тлеющие угли и швырнул их под колёса. Минуту спустя огонь охватил всю повозку.

Хрустальный шар и это видел.

А вечером на городском рынке бродяга на спор ходил по углям. Ближе к ночи вор срезал у него кошель.

И это хрустальный шар тоже видел.

* * *

Викинг Яльмар Эльдьяурсон – двести фунтов крепких мышц и косая сажень в плечах – с грохотом поставил на стол пустую кружку и вытер губы рукавом.

– Эй, хозяин! – крикнул он. – Неси ещё!

Пиво принесли. Яльмар сгрёб рукою кружку и залпом отхлебнул чуть ли не половину. Хозяин таверны не спешил уходить, хоть и стоял молча. Норвег повернул голову.

– Чего тебе?

– Гони деньги, варяг. – Толстяк нервно потерял нож на поясе. – Ты заплатил только за четыре пива.

Яльмар нахмурился. В другое время кабатчик мог бы нарваться на неприятности, но не сейчас. Портовая крыса... Викинг покосился на грудку пустых кружек, сдвинутых на край стола, напарил в кошель монету и бросил её на стол. Монета оказалась серебряной. Хозяин сгрёб её и удалился. Яльмар отхлебнул ещё, поморщился и хмурым взглядом обвёл задымлённое помещение.

Миновал полдень. Впрочем, догадаться об этом смог бы далеко не каждый – маленькое затянутое бычьим пузырьком оконце почти не пропускало серый свет зимнего дня, лишь колокол на башне с часами возвестил полдень двенадцатью гулкими ударами, да и те потонули в грохоте прибоя – на море сегодня было беспокойно. Три фонаря под потолком еле разгоняли мрак по углам, четвёртый не горел. Было холодно. Натужный треск поленьев навевал входящему мысли о тепле и уюте, но один лишь взгляд на камин пускал их по ветру – плясавший там робкий огонёк, казалось, сам себя не мог согреть. Таверна в Галленском порту, ободранная двухэтажная домина с огромным красным флюгером вместо вывески, в этот неурочный час отнюдь не страдала от наплыва посетителей. Она и вовсе пустовала бы, не пояись этим утром на рейде два торговых когга⁹ с юга. К вечеру полутёмное, заставленное низкими липкими столами помещение заполняли все кому не лень – матросы, шлюхи, рыбаки, торговцы, портовые пьяницы, игроки, наёмники и жулики всех мастей – двери были открыты для всех и каждого, но сейчас лишь дюжина матросов заявила промочить глотки. Ближе к огню шла игра – там бросали кости, спорили и безбожно ругались. Четверо рыбаков за столиком в углу обсуждали свои дела. Изредка кто-нибудь косился на викинга и поспешно отводил взгляд: Яльмар опрокидывал кружку за кружкой, молча напиваясь в угрюмом одиночестве, и в компании, похоже, не нуждался.

Дверь скрипнула, отворяясь, и с шумом захлопнулась. В таверне заоглядывались.

⁹ Когг – одномачтовое (позже – двухмачтовое) торговое парусное судно, обычное для Северной Европы на рубеже XIV–XV вв. Имело круглое в сечении днище, закрытый трюм и руль вместо кормового весла.

Вошедший не был моряком. Не был он и горожанином – худой, нескладный парень лет двадцати, безусый и безбородый; он вошёл, неуверенно озираясь, и, завидев камин, направился к нему.

Погода, похоже, и не думала исправляться. И обувь, и одежда у странника промокли насквозь. Спутанные рыжие волосы свисали липкими сосульками. Шляпы он не носил: старый нагольный тулуп, холщовая рубашка, штаны да пара башмаков – вот и всё имущество. Он постоял у огня, грея озябшие руки, затем стянул набухший водою полушубок и уселся на скамейку поближе к очагу с явным намерением обсушиться.

Хозяин таверны смерил незнакомца презрительным взглядом – беднота! – и вразвалочку подошёл к нему.

– Чего надо? – с кривой ухмылкой спросил он, уперев кулаки в стол.

Пришелец медленно повернул голову. Взгляд его пронзительно-синих глаз был холоден и равнодушен.

– А что предложишь? – в тон вопросу прозвучал ответ.

Кабатчик плюнул в огонь.

– Рыба, пунш, солонина и пиво. Если не нравится, можешь убираться ко всем чертям. Если есть чем платить – сиди. Ну?

– Рыбу, – помедлив, сказал тот. – И хлеба.

– Две менки.

Рыжий разжал ладонь. Две мелкие монетки легли на неровные доски столешницы. Хозяин сгрёб их волосатой рукой и замешкался на миг, взглядом зацепив диковинный браслет у парня на запястье – вещица была грубоватой работы, но чёрный камень, оправленный в тусклый зеленоватый металл, завораживал затейливой игрою красных сполохов. Ничего не сказав, кабатчик угрюмо кивнул и скрылся за кухонной занавеской, где скворчало и шипело и откуда в таверну ползли облака маслянистого чада. Вскоре он вернулся, неся обгрызенную деревянную миску с золотистым рыбьим боком и сухую лепёшку.

– На.

Парень кивнул, отломил от лепёшки изрядный кусок и принялся за еду.

– Хей, приятель!

Странник повернулся на голос. Два матроса, уже изрядно поднабравшиеся, устраивались на скамье напротив.

– Ты откуда такой рыжий? Нездешний, да?

Тот молча проглотил кусок и отломил другой. Приятели переглянулись.

– Хей, тебя не учили здороваться?

Парень поднял взгляд.

– А тебя?

За соседним столом послышались смешки. Один из матросов, который пониже, побагровел и сжал кулаки.

– Ну, ты...

– погоди! – осадил его второй – долговязый малый с серьгой в ухе и синеватой наколкой на руке. Ощерился щербатой ухмылкой и вынул из кармана игровой роговой стаканчик. Подбросил на ладони кости.

– Сыграем, рыжий?

Тот покачал головой:

– Я не играю.

– Что ж так? Не умеешь?

– Не хочу.

– Ну, разок-то можно. Уважь старика. – Он выложил на стол монетку. – По маленькой, а?

– У меня нет денег.

– Ну-у? – Физиономия моряка вытянулась в притворном изумлении. Вокруг опять заусмехались – теперь уже вся таверна с интересом выжидала, чем всё кончится. – Нет денег, говоришь? Ай-ай-ай... А ты браслет свой поставь! С камушком который.

Парнишка вздрогнул и снова помотал головой:

– Нет.

– Да брось ты ломаться! – Разгорячённый выпивкой, ганзейский мореход всё больше раздражался. Кости брякнули в стаканчике раз, другой и выкатились на стол. Все невольно подались вперёд. – Ого! – радостно вскричал долговязый. – Парень, да тебе везёт: гляди – пять и четыре! Готов спорить, ты выбросишь больше. А может, хочешь первым бросать? Так давай. На, держи.

– Я же сказал: я не играю.

– А я говорю: будем играть! – Кулак моряка обрушился на стол. Хлеб и рыба полетели на пол. – Тряси!

Повисла гнетущая тишина. Странник посмотрел в налитые кровью глаза моряка, вытер руки о рубаху и молча взял стаканчик. Также молча сгрёб в него кости, встряхнул и выбросил на стол.

Все замерли, ошеломлённые результатом. Приятели переглянулись. Разметка исчезла! Все шесть граней каждого кубика были девственно чисты, словно только что вышли из-под ножа костореза. Народ задвигался, медленно расступаясь. Кто-то присвистнул.

Пришелец поднял взгляд. Тонкие губы тронула улыбка.

– Выброси больше, если сможешь.

Долговязый матрос поднялся.

– Ах, вот ты как... – Он заглянул в стаканчик, даже потряс его для проверки. – Схитрил, стало быть. Ну, этим нас не удивишь. Отдавай кости!

Парень пожал плечами и кивнул на стол:

– Забирай.

Верзила потянулся к ним и вскрикнул, отшатнувшись: кости вспыхнули ярким пламенем, а через мгновение занялся и стакан. Теперь уже все матросы вскочили, бранясь и опрокидывая лавки. Заблестели ножи.

– А вот это ты, парень, зря, – ухмыльнулся моряк с серьгой. – С колдунами мы знаешь чего делаем? А ну, ребята, бей его! – Он повернулся, успев уловить краем глаза движение, и рухнул, сбитый с ног ударом кулака.

В воздухе мелькнул тяжёлый боевой топор и с грохотом обрушился на стол. Кости полетели на пол, дымя и рассыпая искры, щербатая доска столешницы треснула вдоль по всей длине. Вмиг протрезвевшая толпа шарахнулась назад.

Викинг медленно огляделся по сторонам в наступившей тишине. Глаза его горели холодным бешенством.

– Собаки! – рявкнул он. – Вы только и можете, что кидаться всем скопом на одного! – Он плюнул презрительно и выхватил из-за голенища нож. – Ну, подходите, раз такие храбрые! Ха! Клянусь Одином, мне даже не понадобится мой топор, чтобы вас проучить! Ну?!

Долговязый поднялся, сплёвывая кровь и выбитые зубы.

– Мы ещё встретимся, чёртов колдун! – мрачно пообещал он и вышел из таверны, хлопнув дверью. Двое его дружков переглянулись и направились следом. Толпа, ворча и огрызаясь, медленно расплзалась по углам.

– Так-то лучше. – Норвег ухмыльнулся, коротким движением выдернул топор и сунул его за пояс. Посмотрел на рыжего – тот всё ещё стоял у стены, сжимая нож. Яльмар огляделся, подвинул к столу скамейку и сел.

– Хозяин! Пива! – крикнул он и, подумав, добавил: – Кувшин!

* * *

– Можешь звать меня Яльмаром, – объявил викинг своему новому знакомому, разливая пиво по кружкам. – Яльмар Эльдьяурсон, хотя это и слишком длинно. Друзья зовут меня Олав, враги – Олав Страшный. Выбирай что хочешь, мне всё равно. – Он глотнул из кружки, громко рыгнул и поморщился. – Что скажешь о себе?

Паренёк помолчал, прошёлся пятернёй по волосам, молча разглядывая собеседника.

Викингу было лет тридцать. И так высокий и плечистый, он казался ещё шире, одетый в потёртые кожаные штаны и чёрную мохнатую куртку. Руки бугрились мускулами. Длинные светлые волосы схватывал ремешок. Густая щетина грозила в скором времени стать бородой. На загорелом обветренном лице поблёскивали голубые глаза.

– Зови меня Жуга, – наконец сказал паренёк.

– Жуга?

– Да.

– Гм... – Яльмар заглянул в свою кружку и потянулся за кувшином. – Откуда ты?

– Издалека. С Хоратских гор.

– Никогда о таких не слышал. Что ты здесь делаешь?

Парень пожал плечами.

– То же, что и все. – Он поднял взгляд на собеседника. – Зачем ты полез в драку?

Норвег скривился:

– Полез и полез... Ненавижу, когда вдсятером бьют одного. А что, хочешь сказать, сам бы отбился?

– Двое всегда дерутся хуже одного.

– Ишь ты! – Яльмар невесело усмехнулся. – Ну-ну... А вот скажи-ка лучше – кости ведь не сами собой загорелись?

– Верно мыслишь.

Викинг задумчиво повертел кружку в руках.

– Ворлок, стало быть... – пробормотал он.

Некоторое время оба пили молча. Наконец кувшин опустел.

– Позавчера я привёл сюда свой драккар, – с горечью в голосе говорил Яльмар, – а он сгорел! Слышишь, ты, рыжий? Они все выбрали меня своим ярлом, я привёл их сюда, привёл торговать, а он сгорел, как охапка соломы, как эти твои дурацкие кости. Один и Фрея! – взревел он. – Я едва успел сойти на причал! Они все пошли ко дну – Тор, Смирре, Эрик! Ниссе! Херлуф! Все двадцать! Кто я теперь? Ярл без дружины... Что скажут после обо мне? Ярль... Эльдьяр... – Он помотал головой и вздохнул. Поднял взгляд. – Слушай, парень, а ведь ты просто должен мне помочь. Здесь не обошлось без колдовства. Где ты живёшь?

Жуга пожал плечами.

– Нигде, стало быть. – Викинг встал, подобрал с лавки свой плащ и нахлобучил на голову рогатый чёрный шлем. – Я заплатил за комнату на неделю вперёд, – сказал он. – Это здесь, недалеко. Если нгде ночевать, можешь пока пожить со мной. Так как? Согласен?

Жуга помолчал, прежде чем ответить.

– С чего ты взял, что я смогу тебе помочь? – спросил он.

– Даже если нет, что с того? Хуже уже не будет, – буркнул варяг и направился к двери, чуть не столкнувшись по пути с кабатчиком. – Чего тебе?

– Э-ээ, а как же... пиво... – начал было тот и умолк под его яростным взглядом.

– Пошли, Жуга. – Яльмар мотнул головой.

Рыжий набросил полушубок и нагнал викинга уже на улице.

– Чего он хотел?

– Наверное, хотел сказать, что он остался нам должен. А вообще, мне плевать. Нам туда. Две фигуры свернули в проулок и растворились в дымке морозящего дождя.

* * *

– Чего хромаешь?

– А?

– Чего хромаешь, говорю?

Жуга пожал плечами:

– Так... нога.

– Гм! – хмыкнул Яльмар. – Это ничего. Это не горе, если болит нога, лишь бы руки были целы да глаза видели... Так. Кажется, здесь.

Кутаясь в плащ и слегка пошатываясь, викинг долго плутал в лабиринте узких улочек. Жуга шёл следом, рукой прикрывая лицо от секущего ветра. Он был здесь впервые, а вскоре выяснилось, что и Яльмар тоже ориентируется неважно – приятели подолгу застревали на перекрёстках, пока норвег вспоминал, куда сворачивать, а дважды пришлось возвращаться. Быстро темнело. По серому небу неслись грязные клочья штормовых облаков. Город опустел, прохожих было мало, а те, что встречались, спешили перейти на другую сторону. Постоянный уклон в сторону моря не давал сбиться с пути, но планировка была бестолковой. Проще сказать – её не было вовсе. Узкие улочки петляли, пересекались под самыми немислимыми углами, соединялись тёмными дырами подворотен и нередко оканчивались тупиками. Грязь под ногами чередовалась с дощатыми тротуарами, бревенчатым настилом, булыжной мостовой. Невзрачные окраинные домики вскоре сменились двухэтажными, крытыми черепицей строениями, каменными и деревянными, правда, безо всякой штукатурки – из-за сырости та постоянно обваливалась. Тут и там скрипели вывески – щит у оружейника, остроносый сапог над лавкой башмачника, игла над портняжной мастерской. Как и следовало ожидать, надписи здесь были не в чести.

Наконец приятели вышли куда хотели. То был постоялый двор с тремя подковами на вывеске – Яльмар обосновался чуть ли не в самом центре города. Здесь и столовался: стоимость харчей входила в общую плату. Мокрые и замёрзшие, Яльмар и Жуга ввалились в корчму, облюбовали стол у камина и спросили у хозяина жареного мяса и чего-нибудь выпить. Пиво оказалось куда лучше, нежели в порту, – и гуще, и крепче, и дешевле, но посетителей уже не было: с приходом ночи ворота закрывались. Друзья быстро разделались с ужином, запалили свечу и поднялись по лестнице в комнату. Та оказалась чистой и просторной. Дверь запиралась изнутри. Крыша не протекала.

– Славное местечко! – одобрил Жуга, оглядевшись. – Дорого небось?

– А... – Яльмар отмахнулся с пьяным безразличием.

– Чего ж ты сидел в порту, если здесь и стол, и крыша?

– Дурак, – горько усмехнулся тот, – там же море... Ты где спать будешь, с краю или у стены?

Он задвинул засов, поставил свечу на стол и развернул одеяла. Кровать в комнате была одна, неширокая, зато прочная. С некоторым неудобством можно было разместиться вдвоём.

Жуга растворил окно и выглянул наружу.

Город накрыла туманная шаль зимнего дождя. Промозглый ветер с моря нёс брызги воды и мелкую снежную крупу. Мерцал сквозь тучи мутный, прищуренный глаз луны. Фонари не горели. Тут и там сугробился ноздреватый городской снег, мокрый, серый, изъеденный морской солью, – не снег, а насмешка. Жирно блестели булыжники мостовой. Было холодно и сыро.

Варяг передёрнул плечом.

– Закрой. Дует.

Неожиданно снаружи донёлся шорох. Крупная серая тень метнулась через дорогу, колючей зеленью блеснули глаза. Собака! Завыла, зашлась хриплым лаем, да так злобно и громко, что Жуга невольно вздрогнул и отшатнулся.

– Тьфу, пропасть...

– Что там? – Яльмар подошёл посмотреть. – Это что за псина? Твоя, что ль?

– Впервые вижу.

Приблудный пёс не хотел униматься. Яльмар нахмурился.

– Ишь завывает! Фенрир, да и только. Не к добру это. Чем бы его... – Он огляделся и поднял увесистый трёхногий табурет. – Ну-ка, рыжий, отойди.

– Постой... Слышишь?

Викинг замер. Мотнул головой: что, мол?

– Ш-шш...

За стеной прошелестели шаги. Окно справа распахнулось со стуком, отрывисто щёлкнула тетива, и толстая арбалетная стрела враз перебила псу хребет. Вой оборвался, перешёл в смертный скулёр и затих, лишь когти в агонии скребли по мостовой.

Окно захлопнулось.

– Ого... – только и смог сказать викинг, икнул и почесал в затылке.

Жуга промолчал.

* * *

Всю ночь норвег ворочался, брыкался, ругался на нескольких языках, звал кого-то по имени, а в промежутках между этим оглушительно храпел. Вдобавок оба совместными усилиями чуть не порвали одеяло в тщетной попытке поделить его пополам. Жуга в итоге встал ни свет ни заря, вздохнул и поплёлся умываться.

Яльмар продрых до полудня.

– Один! – охнул он, проснувшись, и схватился за голову. – До чего ж хреново-то... Где это мы вчера так набрались?

– Не мы, а ты, – хмуро поправил его Жуга. – В порту.

– В порту? А, верно. – Яльмар сел и поморщился. Посмотрел в окно: «Гляди-ка, уже светло!», встал, зевая, натянул свою чёрную, мехом наружу пошитую куртку, перепоясался и сунул за ремень топор.

Поразмыслив, решили перекусить.

Постоялый двор давно проснулся. Входили-выходили люди. Лаская слух, звенели пивные кружки. Снаружи доносился обычный городской шум – скрипели повозки, цокали копыта, зывали покупателей уличные торговцы, плаксиво гундосили нищие. Слышались мерные удары кузнечного молота. Известное дело: кузня на постоялом дворе первая вещь после винного погреба.

– С чего начнём-то, ворлок?

Жуга пожал плечами:

– Посмотрим... Деньги у тебя ещё остались?

Кошель викинга заметно отошал. С неудовольствием отметив сие прискорбное обстоятельство, приятели разменяли серебряный талер и заказали что подешевле – жареной рыбы, гороху с салом, хлеба и большой кувшин пива.

– Ну, выкладывай. – Норвег покончил с рыбой, вытер руки краем плаща и налил себе пива. – Зачем тебе деньги?

Жуга ответил не сразу. Медленным взглядом обвёл тесное задымлённое помещение. На постоялом дворе былолюдно.

– Провожатому платить.

Викинг поперхнулся и отставил кружку.

– Какому ещё провожатому? – подозрительно спросил он.

– Я так смекаю, Яльмар: раз мы с тобой города не знаем, надо сыскать кого-то из местных нам в помощь.

– А чего нам по городу шляться?

Жуга посмотрел удивлённо:

– Но не в море же нам плыть!

– Почему бы нет?

– В чём? В твоём колпаке?!

Викинг задумчиво покосился на свой шлем и покраснел.

– Ну, хорошо, – угрюмо заявил он. – А ты что предложишь?

– Любой горожанин расскажет в сто раз больше, чем мы узнаем сами. А твоя ладья... чего с неё взять? – она же сгорела и утонула, ведь так?

– Так... – Яльмар угрюмо сжал кулаки и оглянулся. – Ладно. Убедил. Как поступим? Есть у тебя кто на примете?

– Может, и есть. Обернись.

Яльмар глянул через правое плечо, через левое, развернулся всем телом и с озадаченными видом уставился на Жугу.

– Этот?!

Жуга отхлебнул пива и кивнул:

– Этот.

* * *

Он сидел за столом в одиночестве, жадно вгрызаясь в большую пресную лепёшку – худой голенастый мальчишка лет пятнадцати, одетый в чёрное и зелёное. За спиной пустым мешком свисал серый клубок капюшона. Изрытое оспинами лицо, острый нос, короткие, мышиного цвета волосы – сразу и не заметишь такого, да и место он выбрал укромное, в тёмном углу за камином. Насторожённый взгляд чёрных глаз придавал его лицу загнанное, почти злобное выражение, напоминающее крысиную мордочку. Лепёшка в его руках быстро уменьшалась.

Яльмар хмыкнул, сдвинул шлем на глаза и почесал в затылке. Нахмурился.

– Зашиби меня Мьельнир, если я хоть что-то понимаю... На кой нам этот сосунок?

Жуга криво усмехнулся.

– А ты приглядиись. Вчерашнего пса помнишь? Сдаётся мне, именно этот «сосунок» сшиб его одной стрелой прямо у нас на глазах.

Викинг как бы невзначай обернулся ещё раз и теперь углядел на коленях у рябого паренька полированное ложе взведённого арбалета.

– Ты когда-нибудь стрелял из такой штуки? – невозмутимо продолжил Жуга, когда викинг повернулся обратно. Яльмар фыркнул:

– Ещё чего! На что он мне? Оружие трусов. Мне и топора хватает – ковали его, конечно, не Дурин и не Двалин, но сталь добрая.

– Ага. То-то ты вчера табуретками бросался... Даже я ту псину плохо видел, а я в темноте нитку в иголку вдену, глазом не моргну. А трусость тут ни при чём – это тебе в драке некого бояться, а у парня другой возможности выстоять нет. Да и кто знает город лучше мальчишки? В общем, со всех сторон подходит.

– Пожалуй, что и так... – с некоторым сомнением в голосе согласился Яльмар, вставая и поправляя топор. – Да и денег он вряд ли много запросит. А на худой конец прихлопнем его, если что. Ладно. Согласен. Пошли.

– погоди, – сказал Жуга и тоже встал. – Дай лучше я с ним поговорю, а то ещё выстрелит с перепугу, тебя увидевши.

Викинг недоумённо посмотрел Жуге вослед, оглядел себя со всех сторон и пожал плечами.

* * *

– День добрый.

Парнишка молча смерил подошедшего хмурым взглядом, прожевал и отхлебнул из кружки. Вопреки ожиданиям хвататься за арбалет он не спешил. Жуга уселся на скамейку напротив, мельком заглянул ему в кружку и подивился – паренёк пил молоко.

– Чего надо?

Услышав ломкий мальчишеский голос с отчётливым местным говором, Жуга окончательно уверился, что сделал правильный выбор.

– Меня Жуга зовут, – назвался он. – Разговор к тебе есть. Ты город хорошо знаешь?

– А зачем тебе?

– Вызвать нам с другом надо кое-что про дела здешние. И провожатого мы ищем. Поможешь нам? Не задаром, конечно.

Паренёк помолчал. Покосился на Яльмара.

– Этот, что ли, друг твой?

– Угу. Так что скажешь?

Тот нахмурился, обдумывая. Поднял взгляд.

– Скажи сперва, что за дело замыслили.

Жуга невольно усмехнулся. Парнишка оказался на удивление хитёр – мимоходом вызнал о двух приятелях кучу всякой всячины, ни слова не сказав о себе. Да, такому палец в рот не клади...

Рука под браслетом зудела и чесалась. Жуга нахмурился. Тревожное чувство на миг овладело им: что-то было не так. Он ещё раз оглядел мальчишку – тот не выдержал и потупил взор.

– Сколько тебе лет? – вместо ответа спросил Жуга.

– Тринадцать!

Может, эта манера говорить? Фразы резкие, отрывистые, но без вызова. Нарочито громкие, что ли. Не настоящие. Поддельные. Словно... словно...

Чёрт, да ведь он голос коверкает!

Жуга придвинулся ближе.

– Что у тебя с голосом? – тихо спросил он.

Паренёк насупился.

– Ничего, – буркнул он, отводя глаза. – С чего ты взял?

– Ладно, ладно, не кипятись. От тебя всего-то требуется город нам показать. Справишься? – Паренёк не ответил. – Как тебя звать?

– Зерги, – колебавшись, сказал он.

Жуга удивлённо поднял бровь:

– Это имя?

Паренёк пожал плечами:

– Зови меня так.

Жуга снова смерил мальчика взглядом и хмыкнул. Так-так... одна рука под столом, арбалет на коленях... стрела наверняка нацелена ему в живот. Ёж. Маленький такой ёжик – с какой стороны ни подойди, кругом одни иголки.

Некоторое время собеседники молчали, глядя друг на друга, затем паренёк вздохнул и отложил арбалет.

– Я согласен, – объявил он.

– Хорошо, – кивнул Жуга. – Сколько ты просишь?

– О цене договоримся. Что замыслили?

Подозвали Яльмара, тот в двух словах поведал о своей беде. Зерги нахмурился.

– Значит, это у тебя ладья сгорела, – пробормотал он и покачал головой. – Нарвался, стало быть...

– Ты меня не учи, сопляк! – огрызнулся Яльмар, поправляя топор. – От горшка два вершка, а туда же – поучает.

– Чего развоевался? – хмуро сказал Жуга. – Сам небось в его годы уже в море не раз ходил.

– Так то я! Я это совсем другое дело!

– Оно и видно, – кивнул Жуга.

– Чего видно?!

В споре оба забыли, с чего началось. Зерги сидел, задумчиво переводя взгляд с одного на другого, затем вдруг произнёс со вздохом:

– Не выйдет у вас ничего.

Приятель слегка опешили.

– Ну, это мы ещё посмотрим! – в голос ответили оба и переглянулись.

– Ладно. – Викинг медленно остывал. – Хватит болтать. Скажи лучше, что возьмёшь за работу?

Паренёк поднял взгляд.

– Разориться боишься? – усмехнулся он.

– И всё-таки сколько? – спросил Жуга, опережая Яльмара, который уже снова наливался кровью.

– Нисколько. – Зерги встал, оглядел себя и поправил куртку. Поднял арбалет. – Идёмте.

– Куда? – опешил Яльмар.

– Пока в порт, а там видно будет.

Викинг посмотрел ему вслед, снял шлем и озадаченно поскрёб в затылке.

– Зашиби меня Мьельнир, если я хоть что-то понимаю! – второй раз за вечер произнёс он. Жуга, уже шагнувший к двери, обернулся.

– Всё спросить забываю: этот Мьельнир – он кто?

– Не «кто», а «что»... – буркнул Яльмар. – Молот боевой. У Тора.

– А Тор – он бог?

– А то кто же!

– Тогда поминай его пореже, что ли. А то ведь и впрямь зашибёт.

– Это ещё как сказать! – Викинг водрузил шлем на место и расплылся в улыбке.

* * *

Перед уходом Яльмар задержался на минутку, подозвал хозяина и раскошелился на каравай хлеба и большой круг копчёной колбасы.

– Никогда не знаешь, где заночуешь, а спать с пустым брюхом – последнее дело, – вслух рассуждал он, запихивая снедь в сумку. Повернулся к Жуге. – Есть у тебя какая-то фляга? Нет? Жаль. Ладно, обойдёмся без пива.

День распогодился. Потеплело. От вчерашнего шторма не осталось следа. В просветах облаков проглядывало солнце. От воды поднимался лёгкий туман. Ближе к морю неясным силуэтом темнела высокая колонна маяка.

– Ну и где он, твой провожатый? – недовольно спросил Яльмар, оглядываясь по сторонам. – Смылся?

– Вон он, – указал Жуга. В дальнем конце улицы мелькнула худая, обтянутая зелёным сукном спина, мелькнула и скрылась за поворотом. Обгоняя прохожих, приятели поспешили вослед, свернули раз, другой, и вскоре впереди завиднелись верхушки мачт. Жуга вспомнил мимоходом, как вчера на пару с Яльмаром искал постоялый двор, и невольно усмехнулся. Похоже, Зерги и впрямь знал город как свои пять пальцев. Шёл он быстро, упругой лёгкой походкой, то и дело оглядываясь на двоих товарищей, но шага не сбавлял. Прохожие косились на них с плохо скрываемым любопытством. Троица и впрямь выглядела странновато: здоровенный норвег с топором и в рогатом шлеме, худой угловатый парень с густой копной рыжих волос и мальчишка со взведённым арбалетом впереди. Потные и запыхавшиеся, они прошли мимо большого рыбного рынка и догнали мальчика, лишь когда он добрался до причалов и остановился, поджидая обоих.

– Здоров ты бегать, – усмехнулся Жуга.

– Я всегда так хожу, – коротко бросил тот, не оборачиваясь. – А что, помедленней надо?

– Неплохо бы.

Некоторое время все молчали. Зерги стоял, поглаживая пальцем натянутую струну тетивы и глядя на море. Холодный бриз шевелил его прямые серые волосы.

– Зачем мы здесь? – Яльмар огляделся окрест.

Зерги повернул голову:

– Где был твой корабль?

Викинг вытянул руку, указуя на старый, далеко выдающийся в гавань причал, и Зерги без промедления направился туда.

Гибель драккара ещё не стёрлась из памяти моряков: швартоваться тут опасались. Рыбам здесь тоже делать было нечего, и причал стоял пустой и заброшенный. Зерги прошёлся туда-обратно, присел, поскрёб ногтем обугленные доски. Отложил в сторону арбалет, поднатужился и оторвал одну. Перевернул и хмыкнул. Жуга стоял рядом, задумчиво потирая подбородок.

– Что там? – спросил викинг, подходя ближе.

– Ты видел, как всё началось? – спросил Зерги вместо ответа.

– Лучше б я этого не видел, – хмуро буркнул Яльмар. – Всё вспыхнуло. Сразу. Сам ведь видишь: даже на причале доски занялись.

– Это и странно, – кивнул Зерги.

– Почему странно?

– Причал всегда в воде, – ответил за него Жуга. Прошёлся рукой по волосам, присел и коротким движением оторвал ещё одну доску. Перевернул и показал Яльмару. – Видишь? Обгорела со всех сторон. Это ж какой жар должен быть, чтобы сырое дерево так поыхало?

Викинг поскрёб в затылке, наклонился и, помогая себе топором, оторвал доску и на свою долю. Повертел её в руках. Хмыкнул.

– Ну, сильный огонь, – согласился он, – хотя видал я и посильнее. Вся-то она не сгорела.

– То-то и оно! При таком-то при огне!..

Зерги посмотрел на Жугу с интересом. Повернулся к Яльмару:

– А как причал тушили?

– Причал-то? – Норвег наморщил лоб, припоминая. – Что-то не упомяну... Вроде и не тушили никак. Как драккар затонул, само всё погасло.

– Сразу? – последовал быстрый вопрос.

– Сразу.

Зерги и Жуга переглянулись. Яльмар стоял, переводя взгляд с одного на другого. На лице его медленно отражалось понимание.

– Зашиби меня Мьельнир! – Кулаки его сжались. – Так значит, я был прав – это всё-таки колдовство... Клянусь Одним, месть моя будет страшна!

И викинг в ярости топнул ногой.

Раздался треск, доски настила подломились, и приятели ахнуть не успели, как Яльмар пробил перекрытие и с шумом бухнулся в воду, подняв фонтан брызг. Через миг викинг всплыл и забултыхался, пытаясь уцепиться за опору причала. Сваи были скользкие, обледенелые, и сделать это ему не удалось при всём старании. Тяжёлая куртка, сапоги и особенно топор тянули на дно. Яльмар фыркал и ругался.

Зерги остался стоять в полной растерянности. Впервые за весь день маска равнодушия слетела с его лица. Жуга укоризненно покачал головой, опасливо приблизился к широкому пролому и принялся разматывать кушак.

– Ну, вот, говорил я ему – не бранись понапрасну, – проворчал он, опустил на колени и сунул голову в дыру: – Эй, Яльмар! Где ты там? Держи!

Некоторое время викинг безуспешно пытался поймать конец кушака.

– Бросай топор! – крикнул Зерги.

– Ещё чего! – с шумом и плеском возмутились внизу. – Я лучше утону!

– Да не в воду! – поморщился мальчишка. – Сюда бросай!

Подброшенный мощной рукою, топор взлетел и со стуком упал на причал, а ещё через миг Яльмар уже схватился за верёвку: в подобные моменты варяг соображал на удивление быстро.

– Тяни! – скомандовал Жуга.

Зерги ухватился за него обеими руками и напрягся. Помощь от него была не ахти какая, и Жуга изрядно повозился, прежде чем втащил норвега на причал. Яльмар трясся и лязгал зубами. От промокшей одежды валил пар. Волосатая куртка быстро смерзлась – мех торчал во все стороны колючими ежастыми льдинками.

– Что, замёрз? – усмехнулся Жуга. – Ладно. Хватай свою железку и беги домой, а то совсем околеешь.

– А ты? – спросил варяг.

Жуга покосился на Зерги и вздохнул.

– Я потом, – сказал он.

* * *

Убедить Яльмара идти домой оказалось не так просто: варяг хорохорился, всем видом стараясь показать, что для бывалого морехода любое купание нипочём, но вскоре холод и усталость взяли своё – оставив товарищам сумку с провизией, неудавшийся ярл с достоинством удалился.

Сумка закрывалась неплотно. Хлеб намок и просолился, а в скором времени грозился ещё и застыть. Колбасе, правда, холодная ванна несколько не повредила. Рассеянно жуя горьковатую хлебную мягкость, Зерги и Жуга оставили за спиной полуразрушенный причал и двинулись в порт.

Здесь было тихо. Длинная набережная, мощённая тяжёлым серым камнем, сегодня была пуста – два судна на рейде и никого больше. В воздухе витали холодные запахи острой морской соли, тухлой рыбы, вина и смолы. Вода в бухте казалась тяжёлой и маслянистой. На причальных камнях намёрзла корка льда.

– Это же надо, а? – сказал Жуга, глядя на море. – Экая прорва воды!

– Ты что, никогда моря не видел?

– Нет.

Паренёк, казалось, искренне удивился.

– А я всю жизнь тут живу. Ты откуда сам?

– С гор. Это что за корабли? – указал он рукою.

Зерги повернул голову.

– Ганза¹⁰. – Он нахмурился и, поймав вопросительный взгляд Жуги, пояснил: – Ты не смотри, что их сегодня только два. Обычно их когти никому здесь проходу не дают. Первейшие мореходы на трёх морях.

Жуга поднял бровь.

– Яльмар, помнится, то же самое про своих говорил.

– Варяги грабят, ганзейцы торгуют.

– И никогда – наоборот?

– Всякое бывает, – пожал плечами Зерги.

Оставив в стороне таверну, оба спустились к самой воде и теперь молча шли вдоль берега по широкой песчаной полосе отлива, мало-помалу приближаясь к маяку, возле которого и остановились.

Это была высокая, дикого камня башня на четыре угла, на зубчатой вершине которой в туман и в тёмную ночь разводили сигнальный огонь. Она стояла здесь, суровая в своём одиночестве, в стороне и от моря, и от города, но при этом видимая отовсюду. Дверей не было, лишь торчали из стены проржавевшие вывороченные петли. У входа брали начало и терялись в темноте стёртые каменные ступени. Песок вокруг был усыпан обломками камня, виднелись остатки стены, и при желании ещё можно было разглядеть неясные контуры громадного сооружения, видимо некогда здесь стоявшего.

– Занятно, – пробормотал Жуга и обошёл башню кругом. Коснулся рукою каменной кладки и долго стоял, задрал голову и глядя вверх. Повернулся к Зерги. – Кто это построил?

Тот пожал плечами.

– Занятно, – повторил Жуга и вдруг без всякого перехода спросил: – Это ты вчера пса подстрелил? – Зерги кивнул. – Чем он тебе не угодил?

– Не люблю собак, – хмуро ответил тот.

– И только?

– А что, этого мало? – Он прищурился. – Почему ты спрашиваешь?

– Да так, не даёт мне покоя одна вещь.

– Какая?

Жуга посмотрел на своего спутника.

– Совпадения. Почему ты вызвался помочь?

– Я говорил уже, – буркнул тот и потупился, – из интересу.

– Ты меня за дурака-то не держи, – усмехнулся Жуга. – Врёшь ты всё. У вас, у городских, забесплатно только сыр в мышеловке. Иной раз даже в дозоре можешь не встретить врага, а ты самострел с собой таскаешь. Говоришь, будто всю жизнь здесь провёл, а живёшь на постоялом дворе. Я же помню, как ты смотрел на нас в кабаке – любому готов был стрелу в брюхо всадить. И тут на тебе – «из интересу»... Что за интерес такой?

– Какое тебе дело до этого?! – огрызнулся малец, перехватывая арбалет. – Знал бы ты, сколько раз эта штука мне жизнь спасала... и не только жизнь. Много тут ублюдков шляется, готовых не ограбить, так задницу тебе разодрать... Сволочи.

Жуга слегка опешил.

– Я в твои годы об этом как-то не думал...

– Да что ты вообще знаешь о городе, ты, козёл горный?! – Лицо паренька скривилось на крик. – Это город-порт, здесь приходится убивать, чтоб тебя не убили! Здесь каждая женщина на две трети вдова! Забыл уже, как в кости вчера играл?! Если б не варяг... – Он сжал кулаки и отвернулся.

– Погоди, погоди... – Жуга нахмурился. – А про кости откуда знаешь?

¹⁰ Ганза – торговый союз североевропейских городов.

Тот махнул рукой, сказал сдавленно:

– Знаю, и всё. – Посмотрел на Жугу. – Скажи лучше, зачем в город пришёл?

Жуга помолчал, затем полез за пазуху и вытащил крест прозрачного жёлтого камня.

– Видел когда-нибудь такую штуку?

Зерги протянул руку.

Всё это время Жуга исподволь, украдкой наблюдал за своим спутником. Голос паренька утратил резкость и злость, черты лица смягчились. Теперь он ничем не отличался от самого обыкновенного тринадцатилетнего мальчишки. Жуга нахмурился, пытаясь сообразить, чем же он раньше отличался. Ведь отличался же...

– Янтарь. – Зерги подбросил камень на ладони. – Его тут полно по берегам валяется. Ну и что с того?

– Кто мог сделать такой?

– Да кто угодно. – Он протянул крест обратно. – Любой подмастерье из местных камнерезов.

– Понятно, – кивнул Жуга и вздохнул. – Ну, ладно. Поругались и будет. Что про корабль скажешь?

– Есть одна мыслишка, – как бы нехотя признался Зерги и, помолчав, продолжил: – Жил тут у нас волшебник один. Так вот. Дня три тому назад дом его сгорел. Враз и дотла. Ну вроде как корабль этот варяжский.

Жуга нахмурился.

– Мне надо взглянуть. Покажешь?

Тот кивнул:

– Идём.

* * *

Погода быстро портилась, и прежде чем приятели добрались до квартала ремесленников, поднялся ветер. Крупными хлопьями повалил мокрый снег. Жуга плотнее запахнул полушубок, Зерги поднял капюшон. Они прошли улицей могильщиков, миновали большую, быстро пустеющую площадь и молча шагали ещё минут десять, пока Зерги наконец не остановился.

– Это здесь.

Дома тут были простые, небогатые, добротной деревянной постройки и тоже всё больше в два этажа. Стояли они плотно, стена к стене, и было тем более удивительно, что пламя, оставив от дома волшебника одно пепелище, почти не тронуло соседних домов, разве что на стенах кое-где виднелись тёмные пятна обугленного дерева. Неровная груда прогоревших балок, два-три столба да скрипящий на ветру фонарь – вот всё, что осталось от колдовского особняка. Огонь здесь порезвился на славу – уцелела лишь обитая железом дверь, да и та свалилась с прогоревших брёвен проёма. Жуга хмурым взглядом окинул пожарище, глянул на стены соседних домов. Покосился на своего спутника.

– Всё, что было ценного, соседи растащили, – не дожидаясь вопроса, сдавленно сказал тот. Лицо его скрывала тень от капюшона.

– Ты уже бывал здесь? – последовал вопрос.

Зерги кивнул и отвернулся, и Жуга снова обратил свой взор к развалинам. Снег быстро заметал пожарище. Мокрые угли противно хрустели под ногами. Насчёт соседей Зерги оказался прав – всюду виднелись недавние отпечатки башмаков. Запахав штанины и рукава, Жуга с дотошностью всё осмотрел, приподнял две-три железяки и, не найдя ничего интересного, направился к Зерги.

– Похоже, правда, – задумчиво сказал он, вытирая снегом грязные ладони. Поморщился: кожу под браслетом жгло немилосердно. – В точности как у Яльмара ладья: нет причины – нет

огня. – Он отбросил чумазый снежок и внимательно посмотрел Зерги в глаза. – Сдаётся мне, друг Зерги, ты про этот пожар знал ещё до того, как с нами встретился... Или я не прав? – Зерги промолчал. – Значит, прав, – кивнул Жуга и почесал в затылке. – Что-то я никак в толк не возьму: мы помощника нанимали, а вместо этого сами тебе помогаем. Кто ты такой, а?

– Я не хочу говорить об этом. – Перехватив арбалет поудобнее, Зерги поправил капюшон и плотнее запахнул куртку. Посмотрел на Жугу. – Не нравится – ищи другого. Ну так что? Пойдём до Яльмара или как?

Травник кивнул, поправил сумку на плече, и оба зашагали вверх по улице.

Путь их лежал мимо серых высоких домов с редкими отсветами в окнах – близился вечер, на улицах сильно стемнело. Петляя узкими кривыми переулками, приятели одолели уже больше половины пути, когда Жуга почувствовал неладное: худая высокая фигура, загородившая проход, не сулила ничего хорошего. Вскоре они сблизились, и в сумраке проступило знакомое лицо долговязого моряка, того самого, с серьгой. Зерги быстро оглянулся, сдал назад и спрятался в тени.

– Здорово, рыжий! – Щербатый рот ощерился в ухмылке. – Далеко собрался?

– Отсюда не видать, – хмуро ответил Жуга. – Дай пройти.

– Это кто с тобой? – Долговязый прищурился. – Викинг, что ли, так усох?

– Не твоё дело. Говори, чего надо.

– Да так... – Моряк пожал плечами и подбросил монетку. – Должок за тобой. Рассчитаться надо.

– В самом деле? – Жуга поднял бровь.

– Хватит болтать. – Моряк сплюнул и сунул руку в карман. – Отдавай браслетку – и разойдёмся мирно. Усёк?

– А ну как не отдам?

– Тебе же хуже. Сами заберём, ещё и шкуру попортим.

– Чью? – Жуга снял с плеча сумку.

– Что «чью»? – не понял моряк.

– Чью шкуру, я спрашиваю?

На мгновение верзила растерялся, затем лицо его перекопилось. В руке тусклой сталью блеснул тяжёлый матросский тесак.

– Ну, что ж, сам напросился... – Моряк шагнул вперёд.

Нож рассёк воздух там, где мгновение назад стоял Жуга, а в следующий миг моряк споткнулся о его ногу, некстати оказавшуюся на пути, и что-то тяжёлое, на длинном ремне, с размаху стукнуло его по затылку. Верзила всем телом вцепился в стену и медленно сполз на мостовую. Нож выпал из его руки и глухо звякнул о камни.

Зерги, с арбалетом наготове, подошёл ближе.

– Чем ты его? – с лёгким недоумением спросил он.

Жуга поднял сумку и покачал ею в воздухе.

– Яльмаров подарочек. – Он с хрустом разогнул заледеневшее колбасное полукольцо и усмехнулся. – Вишь, как кстати пришёлся... Ладно, ходу отседова.

Жуга шагнул вперёд и сразу остановился: уходить было некуда. В запале драки оба не приняли в расчёт, что моряк мог прийти не один – из-за угла показались ещё четверо, с ножами в руках и явно не настроенные разговаривать. Жуга оглянулся и выругался – ещё трое спешили к ним с другого конца улицы.

– Чёрт... тут колбасой не обойдёшься... – Он отбросил сумку, быстрым движением намотал на руку ремень и потянул из-за пояса нож. Четвёрка впереди перешла на бег. – Назад, Зерги, назад! Вали вон того! – Он указал на моряка посередке.

Мальчишка вскинул арбалет. Тетива щёлкнула, и прежде чем стрела настигла цель, Жуга рванулся им навстречу, увлекая Зерги за собой. Бегущий первым вскрикнул и упал. Приятели

замешкались на миг, и Жуга не замедлил этим воспользоваться. Нырнув под занесённый нож, он сбил кулаком одного, вскочил и успел увидеть, как мальчишка двинул противнику арбалетом промеж ног. Короткий страшный крик сотряс улицу и оборвался, когда Зерги, не говоря худого слова, засветил моряку прикладом по голове. Жуга, не ожидавший от него такой прыти, несколько опешил.

– Оставь его! – запоздало крикнул он. – Бежим!

И в этот миг их настигли.

Распалённые злобой, четверо моряков с ходу бросились в драку. Зерги почти сразу сбили с ног, некоторое время он ещё отбивался, отчаянно кусаясь и царапаясь, затем Жуге стало не до мальчишки – в схватке он потерял нож, потом сразу несколько тяжёлых потных тел навалились сверху, и сильный удар по голове отправил его в темноту.

* * *

«Дым...»

Неровную чашу приморской котловины до краёв заполнял туман. Был он неподвижный и ровный, словно мутное зеркало, и тёмные башни замка возвышались, подобно островам среди моря. Всё остальное утонуло без следа.

«Их приход всегда сопровождается дымом. Как от погасшего костра... Почему я раньше не обращал на это внимания?»

Узкие ступени выются каменной змеей. Вверх и снова вверх. Проснулась ставшая уже привычной боль в ногах. Вот и вершина. Ветер в лицо. Далёкий вой.

«Как там Рея? Может, всё-таки стоит отослать её отсюда?»

Он напрягся и почти сразу получил ответ: она никуда не поедет. Он нахмурился. Сомнения, сомнения... Риск слишком велик – в конце концов, их ещё никогда не собиралось СТОЛЬКО.

Там, внизу, нарастает шум. Похоже, стягиваются войска. Ожил в туманной глубине большой набатный колокол – звон плывёт в холодном воздухе, тяжёлый, тягучий... А я так устал... Боги! Если б ещё хоть кто-нибудь видел ЭТО моими глазами!

Он обернулся, внимательно оглядывая поле битвы с высоты птичьего полёта, и вздохнул.

«Сюда никто не войдёт», – подумал он.

* * *

Очнулся Жуга в темноте. «Ослеп!» – была первая мысль, и сердце замерло от ужаса, но через мгновение стало ясно, что попросту не открываются глаза – запёкшаяся кровь намертво склеила веки. Браслет его исчез, полушубок тоже. Лежать на дощатом полу было жёстко и холодно, и Жуга совсем бы замёрз, когда б не ощущал спиной что-то тёплое и живое. Бесчисленные синяки и ссадины жутко ныли и чесались, голова так и вовсе раскалывалась от боли. Шею, руки и живот стягивала верёвка, свободными оставались только ноги. «Вот гады! – мысленно ругнулся он. – Живого места не оставили...» Пошевелил затёкшими пальцами и застыл.

– Ну, наконец-то! – с облегчением вздохнули рядом. Верёвки на груди натянулись.

– Зерги? – спросил Жуга. Разбитые губы еле шевельнулись.

– Я, конечно. Кто ж ещё!

Судя по эху, находились они в тесном, маленьком помещении, лежали, связанные спина к спине. Раз или два сверху слышались шаги, скрип и приглушённые голоса. Воздух был затхлый и спёртый.

– Где мы?

- На корабле, – последовал ответ.
- Где?! – Жуга рванулся и охнул, когда верёвка врезалась в тело.
- Да не дёргайся ты! – полузадушенно прохрипели за спиной. – И так дышать нечем.
- Извини. – Жуга подался назад, ослабляя петлю на шее. – Давай хоть сядем, что ли...
- Сядешь с тобой, как же! – пробурчал Зерги, но всё ж задвигался, заёрзал, скребя ногами по полу. Жуга помогал в меру сил.
- Куда ползём-то?
- А то не видишь!
- Ни хрена не вижу, – согласился Жуга и пояснил, не дожидаясь вопроса: – Глаза залепило.
- А-а... Тогда ясно.
- Оба уткнулись в стену и после неуклюжей возни ухитрились сесть.
- Да, дела, – отдышавшись, сказал Жуга. – Вот попали так попали... Зачем мы им?
- Известное дело зачем, – проворчал Зерги. – От мертвяка какая польза? А так продадут где-нибудь.
- И только? – хмыкнул Жуга. – Отходчивые ребята. Могли бы и зарезать... мы ведь всё-таки порешили одного... или двоих?
- Двоих.
- Тем более.
- Теперь уже Зерги усмехнулся:
- Чего стоит жизнь против денег? Наёмники... Промеж них и разговор без ножа не разговор, чего уж о драке говорить.
- Некоторое время оба молчали.
- Слышь, Жуга, – спросил неожиданно Зерги, – а ты вообще кто?
- В смысле? – Тот повернул голову.
- Ну, чем занимаешься?
- Травник я.
- И только?
- А что?
- Так, ничего. Просто этим делом бабки в деревнях промышляют, а тут...
- Почему? – удивился Жуга. – Знал я, помнится, одного э-ээ... фар-мация из Гаммельна, так он говорил, что травы в лечении – первейшая вещь...
- А в колдовстве?
- И в колдовстве... А почему ты спрашиваешь?
- Зерги не ответил, и тут Жугу осенило.
- Слу-ушай, Зерги, – ошеломлённо сказал он. – Провалиться мне на месте, если ты не ученик чародея! Того, погоревшего!
- С чего ты взял? – помедлив, спросил тот.
- А иначе – кто? Кто? – Жуга помолчал, собирая воедино все странности своего спутника, и продолжил: – Я ж говорил, что ты не задаром взялся нам помогать, так вот он, твой интерес! Зачем простому парню знать, что у какого-то волшебника дом сгорел? Стреляешь в темноте... не на слух же! – явно наговор, чтоб ночью видеть, так? И поспорил ты нас тогда ловко, ничего не скажешь. И ещё – ты ведь плакал тогда, у пепелища? А я-то гадал, чего ты отворачивался. То-то мне браслет покоя не давал!
- Какой ещё браслет?
- Теперь-то какая разница, – безразлично сказал Жуга. – Всё равно отняли, сволочи. А что, я угадал?
- Почти, – кивнул тот, и Жуга сдавленно выругался, когда верёвка затянула шею.

Оба снова умолкли, на сей раз надолго. Жуга морщился и кривился, силясь продрать колтун на ресницах, но без толку.

– Снаружи что? день? ночь? – спросил вдруг он. – Здесь вообще видно хоть что-нибудь?

– Очень даже видно.

– Куда нас засадили?

Зерги осмотрелся, насколько позволяла верёвка.

– Маленькая такая каморка, – наконец сказал он, – шесть шагов на пять... потолок низкий... Дверь вроде крепкая... Что ещё?

– Окошко есть?

– Нет.

– А дыры какие-нибудь?

– Не так чтобы много. В стенах разве что.

– Дверь не скрипит?

– Вот уж не знаю. Не выходил я. Да и что тебе с того скрипа?

– Как сказать! Петли дверные многим скрипят, многим – поют... Гм... корабль... – нестати вдруг пробормотал Жуга и умолк.

– Что делать будем?

– Для начала не худо бы от верёвок избавиться, а там видно будет.

– А получится? – засомневался Зерги. – Тут и шевельнуться больно. Или придумал чего?

– Может, и придумал. Спробовать хочу одну штуку, вдруг получится. Только молчи и не рыпайся, если что.

На мгновение Жуга умолк, прислушиваясь, и вдруг принялся тихонько насвистывать, морщась от боли в разбитых губах.

– Эй, ты чего?.. – насторожился Зерги, но травник лишь мотнул головой: «Не мешай».

Жуга медленно перебирал созвучия, меняя тон и высоту. Длинные и короткие звуки шли чередой, без всякого смысла и порядка, пока постепенно не осталось всего три ноты. Казалось, Жуга заблудился в этих звуках, без конца повторяя одно и то же, но шло время, и Зерги неожиданно поймал себя на том, что простенький мотивчик всецело его захватил. Было в нём что-то влекущее, некий непонятный ни уму ни сердцу зов. Зерги задумался, соображая, что бы это значило, и в этот миг его босую ногу тронули холодные когтистые лапки.

...Истошный визг разорвал тишину, резанул по ушам. Жуга выругался, стиснул зубы и так резко вскинул голову, ударив Зерги в затылок, что чуть было снова не лишился чувств. Зерги прикусил язык и смолк. Когда боль в голове утихла, Жуга обнаружил, что один глаз у него открылся, хотя и не полностью.

– Нет худа без добра... – пробормотал он и прислушался. Снаружи было тихо – похоже, на шум в каморке не обратили внимания. Жуга вывернул шею и покосился на мальчишку. Тот всхлипывал и трясся.

– Что стряслось?

– К-крыса... – выдавил он.

– Всего-то? – Жуга скривился. – Я уж думал – медведь пришёл.

– Н-ненавижу!

– Медведей?

– К-крыс!

– Мог бы сразу предупредить. Орёшь как девчонка...

Он почувствовал, как напряглась и вдруг расслабилась мальчишечья спина, вздохнул и медленно принялся высвистывать всё сначала.

* * *

Это был огромный сумрачно-серый крысенок с надорванным ухом и колючими бусинками глаз на умной зубастой морде – не иначе местный корабельный патриарх. Зерги содрогнулся:

– Господи... ну и тварь!

– Молчи.

Неслышимый и почти незаметный в полутьме, крысенок теперь сразу направился к Жуге, взобрался ему на плечо и принялся за верёвку. Он возился там, тяжёлый, неприятно тёплый, задевая Зерги то лапой, то хвостом; Жуга чувствовал, что мальчишка с трудом сохраняет неподвижность. Наконец петля на шее ослабла. Зерги вздохнул было с облегчением, но крысенок занялась вторым узлом, и он снова стиснул зубы. Манящий пересвист давно умолк, казалось, крысенок сама знает, что делать. Узел за узлом, петля за петлёй – работа двигалась медленно, и прошло, наверное, четверть, а то и все полчаса, прежде чем с верёвками было покончено. Крысенок прыгнула на пол, осмотрелась, как бы желая убедиться, что дело сделано, и лишь после удалилась.

– Наконец-то! – Зерги повернулся к Жуге. – Ой... у тебя лицо в крови.

– Да знаю, знаю... – поморщился травник, разминая пальцы. Кровь жаркой волной хлынула в занемевшие руки. Жуга плюнул на ладонь, протёр глаза и огляделся.

В камере было грязно и тесно. Низкая квадратная дверь, вся перекошенная, с широкой полосой сыромятной кожи вместо петель не выглядела прочной, скорее наоборот. В бесчисленные щели тянуло холодной сыростью. Снаружи было сумрачно.

– Это уже рассвело или ещё не стемнело?

Зерги пожал плечами:

– Не знаю. Рассвет, наверное... Ты что, дверь ломать собрался?

Жуга покачал головой:

– Наружу лезть резона нет: только нашумим попусту. Да и кто знает, сколько их там?

Подождем. Должны же нас прийти проведать.

– А как придёт, то что?

– Там видно будет. – Он посмотрел на своего спутника.

Ученик колдуна сидел, поджав ноги, маленький, щуплый, сосредоточенно счищал с рукава грязное пятно. Сам рукав оторвался и висел на ниточках. Под глазом у Зерги набух синяк, нос был расцарапан, но в целом парнишка, похоже, не очень пострадал.

– Замерз, стрелок?

– Есть немного, – кивнул тот. Поднял взгляд. – Жуга...

– Что?

– Эта крысенок... – Зерги замялся. – Я никогда ничего подобного не видел. Где ты учился магии?

– Я нигде не учился.

– Так не бывает.

– Бывает, – буркнул Жуга. – Я же не виноват, что от рождения такой. Чем спорить зря, рассказал бы лучше про учёбу. Авось и я чего пойму.

– Магия – штука сложная, – помедлив, сказал тот, глядя в сторону. – Если б ты знал, чего там только нет... Магия камней. Руны. Магия стихий, чисел, растений... Кое-что я умею, про другое слыхал, но чтоб такое! Как ты это делаешь?

– Долгая история. Как-нибудь расскажу.

– И всё-таки?

– Ну... крысы мне кое-чем обязаны. Я просто позвал, а она уж сама догадалась, что к чему.

– Ой ли? – усомнился мальчишка. – Тупая зверюга, и вдруг – сама... Бр-р... – Его передёрнуло.

Жуга усмехнулся:

– Самые умные крысы никогда не попадают в ловушки.

– Магия имён... – задумчиво проговорил Зерги. – Надо же! Колдуны годами бьются, чтобы истинное имя вещей узнать, а ты вот так, походя, у какой-то крысы... Тот посвист и есть имя?

– Угу.

– Гм... постой! – Он нахмурился. – Ты ведь про Гаммельн говорил...

Ответа не последовало. Зерги обернулся и успел увидеть, как Жуга тенью проскользнул к двери и замер. Показал рукою: «Молчи». Зерги кивнул и лишь теперь слышал шаги. Звякнул засов, в каморку хлынул серый свет. В дверном проёме показалась голова. Внутри было темно, и вошедший даже не успел понять, что происходит. Жуга шагнул вперёд. Взмах руки, короткое кружение – и моряк ничком рухнул на пол. Кувшин выпал из его руки и с грохотом разбился. Вода разлилась по доскам. Жуга досадливо поморщился и повернулся к Зерги:

– Дай верёвку.

Оглушённый, моряк лежал без движения, и вдвоём они быстро связали его по рукам и ногам. Это был незнакомый белобрысый детина, рослый и довольно сильный. Жуга даже подивился, как это ему удалось свалить такого одним ударом, но вскоре понял, в чём дело: от упавшего за несколько шагов крепко разило пивной кислятиной. Зерги скривился.

– Чего нос воротишь? – усмехнулся Жуга, затягивая последний узел. – Считаю, нам повезло – если уж этот так набрался, может, и остальные не лучше. Ч-чёрт, ножа нету... Поищи в карманах.

Зерги выглянул наружу, притворил дверь, вздохнул над разбитым кувшином и взялся выворачивать карманы широких матросских штанов. Отыскались там только трубка и пара монет. Жуга сдёрнул напоследок с ганзейца широкий кожаный ремень с медной пряжкой и намотал на руку.

– Ты как? Идти можешь? – обернулся он к Зерги. Тот кивнул. – Вот и ладно. Вставай. Только держись в стороне, если что.

С этими словами он распахнул дверь и первым полез наружу.

На палубе не было ни души. Над стылой водой курился тяжёлый серый туман, сквозь который едва проступали смутные очертания недалёкого берега – корабль бросил якорь в гавани. Жуга поёжился и с любопытством огляделся окрест.

Корабль, на который доставили пленников, был невелик: шагов тридцать, если считать вдоль, и семь поперёк. Жуге он показался просто громадным, и как такая махина могла держаться на плаву, он решительно себе не представлял. Посередине высилась единственная мачта, закреплённая канатами. Скатанный и зачехлённый парус был спущен на палубу. На корме оказалось помещение, широкую и плоскую крышу которого ограждала зубчатая деревянная стена. Такая же площадка, только поменьше, была на носу, выдаваясь далеко вперёд. Чуть позади, возле мачты темнел раскрытый трюмный люк. Лодки не было.

Жуга повернулся к своему спутнику:

– Ты в кораблях побольше смыслишь. Давай показывай. Где тут у них этот... хозяин, что ли?

Зерги, который хоть и начал помаленьку подмерзать, прыснул, не сдержавшись, прикрывая рот ладонью. Жуга нахмурился:

– Ты чего?

– Если хозяин нужен, который корабль снарядил, так он сейчас дома сидит, кофе пьёт. Купцу в море делать нечего, – сказал Зерги, отсмеявшись, огляделся и понизил голос: – У

мореходов, который за главного, капитан цур зее зовётся... Думается, он на берегу, сделки оговаривает или ещё что.

– С чего ты взял?

– А с того, что сторож наш упился, вот с чего! – огрызнулся тот в своей обычной манере. – При нём не посмел бы.

– Понятно, – кивнул Жуга. – Кот на крышу, мыши в пляс. Это хорошо...

– Рано радуешься, – осадил его Зерги. – На корабле всегда сколько-то человек остаётся для порядка. Эх, лодки нет! – Он огляделся и сжал кулаки. Его била дрожь.

Жуга тоже подзамёрз в рубаше, но всё ж хотел для верности ещё расспросить приятеля, что где, но в этот миг дверь надстройки со скрипом распахнулась, и на палубе показался ещё один моряк. Жуга тихо выругался, распознав коренастого собутыльника давешнего игрока.

– Курт, где ты там? – крикнул тот и в следующий миг увидел обоих. Нож, казалось, сам прыгнул ему в руку.

– Парни! Сюда! – рявкнул моряк, помедлил, выбирая противника, и... бросился к мальчишке.

– Зерги, назад! – Жуга оттолкнул его в сторону и шагнул вперёд, заступая дорогу. – Ну иди сюда, гадина...

Ремень свистнул в воздухе, обвивая запястье, Жуга рванул, и нож, кувыркаясь, полетел за борт. Моряк споткнулся, упал, пьяно выругавшись, но на помощь уже спешили трое других. Отступить было некуда – со всех сторон ждала холодная вода.

– Сзади!!! – не своим голосом вскричал Жуга. Первый сдуру обернулся и получил ногой в живот. Пока он стонал и охал, Жуга сцепился с оставшимися и обнаружил, что на палубе моряки оказались опаснее, чем на берегу, – кругом была чёртова уйма верёвок и деревяшек, Жуга только и делал, что спотыкался, моряки же, несмотря на хмель, их будто не замечали. Вскоре третий оклемался, и Жуга понял, что дело плохо. Силы были на исходе – он и так не оправился после драки, а теперь ещё рана на лбу открылась. Заливая глаза, потекла кровь. Остриё ножа царапнуло плечо, Жуга пропустил удар, другой и дрался, не надеясь уже ни на что, как вдруг воздух сотрясло громовое «Один!!!» и в доски палубы глубоко вонзился топор. Эту шербающую, неказистую, но отменно прокованную секиру Жуга узнал бы из тысячи, хотя бы по руне грома, выбитой на лезвии. Он обернулся и не смог сдержать радостного крика:

– Яльмар!

* * *

Оставив своих спутников на причале, великан-викинг сперва не особо торопился, но вскоре непроизвольно ускорил шаг. Мороз подгонял. Его широкие волосатые штаны замёрзли и хрустели при ходьбе. В сапогах хлюпало. Он шёл всё быстрее, а когда прямо по курсу замаячили три вожаденные подковы, чуть не побежал. Кашляя, трясаясь и лязгая зубами, Яльмар добрался до комнаты, скинул с себя всё и растёрся досуха одеялом, после чего спустился в корчму, оставив при себе только штаны и топор, примостился у пылающего камина и потребовал чего-нибудь горячего.

Он сидел там почти два часа, исходя паром, словно облако в штанах, дул пиво кружку за кружкой, кромсал бараний бок и не особенно задавался вопросом, куда подевались Жуга и Зерги. К тому же к вечеру Яльмар сделал важное открытие.

Пиво сегодня было густое и крепкое до необычайности.

Строго говоря, открытие это сделали ещё до него – весь постоянный двор сегодня торжественно обсуждал сие событие. А дело было так. Подмастерье в местной пивоварне, приставленный караулить остывающий на улице чан, дабы кто-нибудь злодейским образом его не выпил, заснул, сражённый ленью и бессонной ночью, и целый чан чудесного свежего ноч-

ного пива... замёрз. Шум по этому поводу случился преизрядный. Ледышки вычерпали, подмастерье получил нагоняй, а пиво уже собрались выплеснуть, да решили прежде попробовать. Тут собравшимся и открылась новая, доселе неизвестная сторона благословенного напитка. В числе первых оказался хозяин «Трёх Подков» и спешно, не торгуясь, закупил весь чан.

Весь день у «Трёх Подков» шло каруселье. Со всех сторон к постоялому двору, влекомый слухами, стекался народ. Владельцы других кабаков с досады рвали на себе волосы, подсчитывая убытки. Главный же виновник происшедшего в это время помешивал черпаком в котле, прикрывая ладонью распухшее ухо, плакал и ругал своих родителей, отдавших его в обучение на пивоварню. Яльмар ухватил самый хвост пивной гулянки, а потому успел опрокинуть от силы кружечек пять-шесть, но и этого хватило, чтобы прийти в радужное настроение. Было за полночь, когда викинг, икая и пошатываясь, поднялся по скрипучей лестнице и направился на боковую.

В комнате было темно. Яльмар повернулся, намереваясь закрыть дверь, и в этот момент уловил краем глаза шевеление в темноте. Викинг, как он ни был пьян, отреагировал мгновенно – левая рука его метнулась вперёд, хватая врага за горло, и тот забился, прижатый к стене. Что-то мягкое с глухим стуком упало на пол. Яльмар опустил глаза: кнут.

– Кто ты и что тебе надо? – рявкнул викинг, убедившись предварительно, что в комнате больше никого нет. – Отвечай или, клянусь Имиром, я тебе шею сверну!

– П-пустите меня! – полузадушенно прохрипели из темноты.

Варяг не глядя запер дверь на засов и прошествовал к столу, неся незваного гостя перед собою за шиворот, словно котёнка. Остановился, перехватил топор под мышку. Нашарил кресало.

– Не вздумай трепыхаться, – с угрозой сказал он, толкнул пленника на кровать, в два удара высек огонь и запалил свечу. Зыбкий язычок пламени осветил вздёрнутый нос, испуганные глаза и курчавую, чёрную как смоль шевелюру мальчишки лет десяти.

– Один и Фрея! – опешил норвег. Брови его полезли вверх. – Сдаётся мне, кому-то там внизу не мешало бы дать по морде... Слушай, ты! Если я нанимаю всяких сопляков в провожатые, это ещё не значит, что я предпочитаю мальчишек в постели! Понял? Заруби себе на носу!

– Но я не за этим пришёл! – запротестовал тот.

– Вор! – осенило Яльмара.

– Нет-нет!

– Врёшь!

– Вообще, да, – поспешно сознался паренёк. – Только у вас я ничего не собирался красть.

– Опять врёшь.

– Не вру, ей-богу!

– Тогда я вообще ничего не понимаю. – Яльмар развёл руками, обнаружил, что всё ещё сжимает топор, и положил его на стол. – Кто ты такой?

– Янко я. Цыган.

– Цыган? – Варяг наморщил лоб. – А! Один из тех бродяг из страны фараонов... Ну и что ты хотел?

– Я сказать пришёл кое-что важное.

– Ну так говорил бы сразу! Что, меня внизу трудно было найти, что ли?

Паренёк замялся.

– Я там не хотел говорить. Там... в общем... там, внизу...

– Да говори же!

Мальчишка помедлил в нерешительности и, словно прыгая с обрыва, единым духом выпалил:

– Сотоварищи твои в беде.

Яльмар замер, переменившись в лице.

– Какие сотоварищи? – с подозрением спросил он.

– Ну, рыжий – Жуга, и этот ещё... с арбалетом который, не помню, как зовут.

Норвег постоял в молчаливом раздумье, затем подвинул табуретку ближе к кровати и уселся напротив.

– Рассказывай, – потребовал он.

* * *

Янко, как и другие цыгане, много в своей жизни видел, да мало имел. Две лошади и кибитка, где уютилось его семейство, – вот и всё имущество. Мать и три сестры промышляли гаданием, отец крал коней. Так было всегда, сколько Ян себя помнил, но однажды и этой немудрёной жизни пришёл конец.

– Мы в степи заночевали, – не глядя на викинга, рассказывал парнишка, – от города не遠далеке. Ужин сготовили да спать полезли. А ночью проснулся я – горит кибитка! Остальных растолкал, еле выскочить успели; подчистую всё сгорело, а как загорелось, отчего – не прознали. Коней отец вечером стреножил, да и костёр затушили... Вот в город и пришлось податься.

В Галлене и без них бродяг хватало. Работы не было, денег тоже. Пришлось воровать. А вчера вдруг случай подвернулся – на площади у рыбного рынка подошли три моряка. Ганзейцы. Посулили заплатить, да и работа оказалась, прямо сказать, никакая – проследить кое за кем. Янко сразу согласился.

– С утра я за вами троими шёл, – говорил он, – а когда приятели твои одни остались, за ними увязался. Их сперва на маяк занесло, а потом к дому сгоревшему. И разговоры промеж них странные были – всё про огонь да про огонь. А потом моряки заявили. Я и указал, что где. Я ж не знал, что драка будет! В общем, повязали друзей твоих и на корабль увезли... вот.

– Давно?

– Часа четыре как.

Некоторое время Яльмар молчал.

– Одного не пойму, – сказал он наконец. – Дело ты своё сделал, плату получил... ведь получил? Получил. Чего ж ты ко мне приволокся? Или думаешь, я тебе тоже заплачу?

– Не надо платы. – Янко помотал головой. Посмотрел викингу в глаза. – Мне с тем парнем, с рыжим, поговорить надо, узнать, отчего в степи огонь зажётся. Сдаётся мне, неспроста это.

– А ну как врёшь ты всё? – вдруг усомнился викинг. – И все твои разговоры – только чтоб в ловушку меня заманить?

– Мне врать резона нет, – просто и необычно по-взрослому ответил Ян и умолк.

Яльмар встал и принялся одеваться. Натянул куртку, сапоги, сунул за пояс топор.

– Значит, так, – сказал он, нахлобучивая шлем. – Тех двоих мне терять никак нельзя, но и тебе я не сильно верю. Пойдёшь со мной.

– Но я...

– Пойдёшь, я сказал!

– Ладно, – кивнул Янко, встал и подобрал кнут. – Что, прямо сейчас и пойдём?

– Прямо сейчас.

Часы на башне пробили три. Постоялый двор спал. Не зажигая огня, оба выбрались наружу, перелезли через запертые ворота и вскоре уже шагали вниз по улицам, туда, где в про-светах меж домов серебрилась водная гладь. До порта добрались без происшествий, лишь раз у кабака к Яльмару прицепились две девицы подозрительной наружности. Было сыро, холодно, хотя на удивление светло – сквозь тонкие снежные облака ярко светила луна. В переулках и

подворотнях то и дело шевелились тени, блестела сталь, но личности, там засевшие, видимо, сочли за благо с викингом не связываться.

Два ганзейских корабля по-прежнему стояли на рейде, еле различимые в густом тумане.

– Который? – хмуро спросил Яльмар, оборачиваясь к мальчишке.

– Этот. – Янко указал рукой.

Пришлось плыть. Лодку позаимствовали у рыбацких причалов – всего и делов оказалось канат перерубить. Будь лодка прикована, пришлось бы повозиться, но цепь и замок стоили целое состояние, и рыбаки попросту уносили на ночь вёсла. Недолго думая Яльмар разрубил пополам длинный шест, вставил половинки в уключины и уселся на скамью. Спутник его примогнулся на корме.

Светало. Грязная вода бухты была холодна и неподвижна. Янко сидел молча, нахохлившись как воробей и изредка косясь на викинга. Яльмар грёб мощно и размеренно, почти не оборачиваясь, и вскоре из тумана возникла тёмная громада корабля. Стараясь не шуметь, Яльмар обогнул его кругом и направил лодку к носу, как вдруг на палубе хлопнула дверь, крикнули, а через миг тишину зимнего утра заполнили звуки потасовки. Яльмар расплылся в злой улыбке.

– Ха! – вскричал он, схватил верёвку и одним движением привязал лодку к якорному канату. – Да мы вовремя! Они таки задали им жару!

Яльмар сунул за пояс топор и полез наверх.

– А мне что делать?! – крикнул ему вслед Ян.

– Жди здесь, – буркнул тот, не оборачиваясь. – Я скоро!

И перевалившись через борт, исчез из виду.

* * *

Трое матросов замерли, ошеломлённо глядя на топор, а через миг на палубе чёрной тенью возник и сам викинг с огромным ножом в руке. Первое оцепенение прошло. Жуга опустил взгляд, увидел, как один из моряков силится выдернуть застрявшую секиру, и не раздумывая ударил. Тот упал. За рукоять ухватился второй. Секира не поддавалась.

– Не трожь топор, дурак, – негромко, даже ласково сказал Яльмар, медленно приближаясь. – Мне ведь и ножа хватит...

С кормы донеслись крики и топот ног.

– Зерги! – выдохнул Жуга и бросился туда.

Яльмар понимающе мотнул головой: «Иди, я справлюсь».

У трюмного люка дрались – пятый моряк поймал-таки мальчишку, и тот вырывался, кусаясь и царапаясь. Силы явно были неравны. Жуга рванулся на помощь, но на полпути увидел, что опоздал: весь в крови, моряк в бешенстве оттолкнул паренька прочь.

Люк был раскрыт.

Зерги зашатался, ощутив ногою пустоту, мгновение держался на краю, нелепо взмахивая руками, потом со сдавленным криком рухнул вниз. Глухой удар совпал с коротким «Хак!» выбитого из лёгких воздуха, и воцарилась тишина, нарушаемая только криками и тяжёлым пыхтением – на носу корабля охотился Яльмар.

– Зерги... – запоздало повторил Жуга и смолк.

Моряк обернулся и переменялся в лице.

– Сволочь... – Жуга сжал кулаки и двинулся вперёд. – Мальчишку... Сволочь...

– Не подходи! – крикнул моряк, отступая к борту. – Не подходи, слышишь, ты!

Словно не слыша, Жуга надвинулся и замер в двух шагах от моряка. Облизнул пересохшие губы. Он стоял недвижно, изодранный, страшный, скособоченный. Один его глаз заплыл

синяком, рыжие волосы побурели от крови. Рубаха была разодрана на груди, и там, на загорелой коже, белел огромный давний шрам.

Жуга молчал, и моряк приободрился.

– Только попробуй тронь! – осклабился он. – Вся команда на берегу. Случись что со мной – тебе не жить. А твоей родне и друзьям тем более.

– У меня нет родичей, – хрипло сказал Жуга и поднял голову. В глазах его была пустота. – У меня нет друзей.

И коротко, без замаха, ударил его в лицо.

В воздухе мелькнули обтянутые сукном ноги в башмаках, снизу донёлся всплеск, и ганзеец скрылся под водой. На мгновение показалась голова – моряк забарахтался, крича, в ледяной воде Галленской бухты, вынырнул раз, другой и погрузился снова, уже навсегда. Жуга постоял, бездумно глядя на гаснущие круги, подошёл к трюму и начал спускаться, осторожно нащаривая ступеньки узкой деревянной лестницы.

Зыбкий свет раннего утра был не в силах разогнать темноту в трюме. Пахло перцем, вином, свежей кровью и ещё непонятно чем. Жуга пошарил руками, наткнулся на что-то большое и мягкое и придвинулся ближе.

– Зерги?

Ответа не было.

– Зер... – снова позвал он и осёкся, ощутив, как шевельнулись под пальцами раздроблённые кости затылка. Грубую ткань капюшона пропитала кровь. Жуга затаил дыхание и склонился к его груди, прислушиваясь.

Сердце не билось.

Помедлив, Жуга поднял на руки безжизненное тело, встал и медленно полез наверх.

* * *

– Эй!

...

– Э-эй!

Жуга медленно повернулся на голос.

Перед ним стоял невысокий чернявый, ладно сбитый паренёк с серьгой в ухе и свёрнутым кнутом в руке, одетый в чёрные широкие штаны и красную поддёвку с чужого плеча. Волосы курчавились неровными завитками. На вид ему было лет десять. Чёрные глаза смотрели прямо, не мигая.

– Ты откуда взялся? – устало спросил Жуга.

Тот не ответил. Вытирая о штанину окровавленный нож, подошёл Яльмар. Посмотрел на Жугу, на цыганчонка, снова – на Жугу. Нахмурился.

– Этот? После объясню, – сказал он. – Больше никого нет? Это кто лежит?

Жуга помотал головой: «Никого» – и покосился на чёрный квадрат открытого люка.

– Зерги, – сказал он.

– Что? – спросил Яльмар и вытаращился на распростёртое тело. – Зерги?!

Тело погибшего мальчишки странным образом преобразилось. Прибавилось роста. Плечи стали уже, бёдра – шире. Совсем чуть-чуть, но и этого было достаточно, чтобы фигура Зерги изменилась до неузнаваемости. Жуга стёр кровь и грязь с разбитой головы. Исчезли серые, мышинные волосы. Исчезли оспины и рябь. Ничего не осталось от неказистой мальчишечьей физиономии. Перед ними, раскинув руки, лежала девушка лет семнадцати, стройная, с золотистыми, неровно обрезанными волосами и задорным, слегка вздёрнутым носиком. Невидящие серые глаза застывшим взором смотрели в светлеющее небо.

– Баба! – ошеломлённо пробормотал норвег, сдвинул шлем и почесал в затылке. Посмотрел на Жугу. – Клянусь Имиром, баба! Где были мои глаза?..

Жуга кивнул, и на лице викинга снова проступило удивление:

– Ты знал?!

– Догадывался. – Травник запустил пятерню в свои слипшиеся от крови волосы и поморщился от боли. – Чёртова дыра... – Он поднял взгляд на Яльмара; в глазах его были слёзы. – Голову она разбила. А я... Не успел я. Просто не успел.

Некоторое время все молчали.

– Я тут пошарил немного. – Яльмар протянул Жуге зеленоватый браслет с подвесками и камнем. – Твой, что ли?

– Мой.

Он взял его не глядя и привычным движением надел на руку.

В молчании шло время, и вдруг...

Сперва травнику показалось, будто что-то непонятное разливается в воздухе. Жуга вздрогнул и обернулся, ощутив за спиной тяжёлый пристальный взгляд, а в следующий миг почувствовал, как некая живая, неведомая и бесконечно чуждая сила заполняет всё тело, примеряя его на себя, как человек примеряет рукавицу, пошевеливая пальцами. Жуга похолодел.

– Жуга, ты чего? – забеспокоился Яльмар. Янко на всякий случай отступил назад. – Ты чего, Жуга?!

– Нет... – прошептал тот. – Нет... Нет! Я не хочу!!!

Он вскочил и рухнул на колени. Голова взорвалась болью. Мысли свернулись тугим клубком, и Жуга, по крохам теряя себя, сделал единственное, что смог, – забился в уголок и оттуда, со стороны беспомощно смотрел, как...

* * *

Двинулись!

Они всё же решились на штурм.

Окно распахнулось, впуская крылатого гонца: «Они идут, хозяин! Идут!» – и рухнул бессильно на каменный пол.

Поворот. Отражение в стекле – лицо мертвеца в глубинах зеркал. Снова Башня – чёрный камень стен. Снова ветер – свежий, яростный.

Неси меня, ветер, неси!

Штурм!

Пошли, повалили неровной тучей. Красные, синие, белые... Всё громче звучит набат... А Рее нету сна. Рядов уже двадцать пехоты полегло, а они всё лезут и лезут. И в воздухе – твари, твари – глазастые, злые, оскаленные морды... Надо быстрее на вираже! Они готовы всё отдать за пару крыльев. Они не остановятся ни перед чем.

Взмах руки – брешь, ещё взмах – ещё брешь. Неси меня, ветер, неси! Ты единственный, кто не предал меня!

Кто, кто, кто им помогает?!

«Боги, как я устал!»

Вцепились. Снова и снова... Ну, нет, я просто так не дамся!

Рея! Рея!!!

* * *

Жуга сидел молча, не шевелясь, остекленевшим взглядом глядя пред собой. Камень на его браслете бешено пульсировал.

Мёртвое тело вздрогнуло.

Ещё раз.

Ещё.

Янко взвизгнул и полез рукою под рубаху, нащупывая крест.

С телом Зерги что-то происходило. Кровь на досках запузырилась. Мышцы свело судорогой, сжались пальцы на руке. Голова двинулась вправо, влево. Струйка слюны, окрашенная розовым, сбежала изо рта. Кости сходились с леденящим душу скрежетом. Громко щёлкнув, встал на место выбитый сустав. Ещё одна судорога – запахло грозой, – и забилось сердце. Веки девушки дрогнули, а ещё через миг бледные губы раскрылись, кашель выбил кровь из горла, и тяжкий стонущий вдох всколыхнул неподвижную грудь.

Яльмар, отступивший сперва, подошёл, не веря глазам. Зерги дышала! Резко, хрипя и содрогаясь, но дышала! Дыхание это становилось всё ровнее и спокойнее, и лишь теперь Жуга почувствовал, как непонятное НЕЧТО медленно и неохотно оставляет его в покое. Он вздохнул и опустил занемевшие руки.

Яльмар медленно повернулся к Жуге.

– Один и Фрея... – пробормотал он. – Ты и вправду великий ворлок!

– Это... не я... – выдохнул Жуга. В глазах его был ужас.

Он встал, шатаясь. Прислонился к мачте. Глянул на Зерги, на Яльмара, медленно согнул руку и осмотрел браслет.

Сердце его упало. Подвесков было только семь: третья фигурка – маленькая восьмилучевая звезда – исчезла.

Он сглотнул пересохшим горлом и посмотрел на небо.

Поднимался ветер.

* * *

Небо хмурилось. Мокрый ветер пригнал с востока вереницу снежных облаков и развеял туман. Потеплело. Зимний вечер незаметно поглотил цвета и звуки. Сквозь паутину летящего снега смутно виднелись узкие кривые улочки и серые дома старого Галлена, а чуть правее, где берег становился крутым и обрывистым, царапал небо чёрный палец маяка. В порту было тихо и безлюдно. Рыбачьи лодки в этот день остались на берегу – ветер гнал волну. Когт на рейде ощутимо покачивало.

На корме сидели двое. Ближе к борту заснеженной грудой мехов возвышался Яльмар. Рядом, кутаясь в полушубок и пряча ладони в рукавах, сидел Жуга. Оба молчали.

– И всё же я не понимаю! – Кулак Яльмара ударил в раскрытую ладонь. – Как ей удалось нас одурачить?

Жуга криво усмехнулся:

– Дай любой девке пудры да румян, она так накрается – родная мать не узнает. А если ещё личина колдовская, так и вовсе говорить не о чем.

– Она что, вправду ученица колдуна?

– Похоже на то...

– Н-да... – задумчиво протянул Яльмар. – Но зачем? Чего ради девке одеваться мальчишкой и бегать по городу с арбалетом?

Жуга не ответил, лишь плотнее запахнул полушубок и подобрал ноги под себя. Его знобило. После утренних событий он проспал почти весь день и встал совершенно разбитым. Раны и усталость сделали своё дело. На сердце было тяжело и муторно.

Яльмару тоже было не по себе. Драка вряд ли ему повредила – викинг, как и следовало ожидать, в одиночку справился с противниками, без жалости прирезав всех троих и побросав трупы за борт, но то, что случилось после, изрядно его ошарашило. Не то чтоб Яльмар расте-

рялся, но внезапное превращение подростка в юную и весьма хорошенькую девицу способно было потрясти кого угодно, не говоря уже о последовавшем за тем воскрешении. Впрочем, надо сказать, он и опомнился быстрее всех, отнёс Зерги в каюту и закутал в одеяла. В сознание она так и не пришла. Раздув огонь в печурке и оставив Яна за ней присматривать, Яльмар и Жуга отправились на поиски съестного. Трюмы были пусты, но в кладовке нашлось несколько кругов копчёной колбасы, нарезанная сырная голова, большая бочка с квашеной капустой и вторая такая же, до половины набитая большими ржавыми селёдками. На полке отыскался мешок лука, хлеб и солёное масло. В бочонке поменьше плескалось, Яльмар потряс его, выдернул пробку и расплылся в улыбке – пиво было кислым и выдохшимся, но это было пиво.

– Хвала Одину, кажется, нам повезло! – объявил он и, за неимением кружки стащив с головы рогатый шлем, наполнил его до краёв, отхлебнул, крикнул и протянул Жуге.

– На, а то совсем усохнешь.

Жуга глотнул и только теперь почувствовал страшную жажду.

– Надо бы девочку напоить, – хрипло сказал он. – С вечера во рту ни капли не было.

Есть у них вода?

Викинг искренне удивился:

– Зачем вода, когда есть пиво?

– Да не пьёт она пива... Я ещё тогда в кабаке удивился, когда в кружке у неё молоко увидал.

– А-а... Ну что ж, тогда поищем.

Воды, однако, не нашлось. Похоже было, что ганзейские мореходы, как и норвежские, считали пресную воду лишним грузом, а может, просто кончились запасы. Так или иначе, пришлось обойтись тем, что есть. Разыскав большую оловянную кружку, Жуга согрел пиво на печке, приподнял девушке голову и поднёс край кружки к пересохшим губам. И не особо удивился, когда Зерги выпила всё: шутка ли, столько крови потерять! Она лежала, дыша ровно и размеренно, как дышат во сне. Губы девушки порозовели, румянец медленно возвращался на бледное как мел лицо.

В каморке обнаружили связанного матроса, про которого Жуга уже сто раз успел забыть. Тот пришёл в себя и теперь ползал по полу, как гусеница, в тщетных попытках освободиться. Завидев викинга, он сразу притих и замер, настороженно блестя глазами.

Яльмар не стал с ним церемониться.

– А, ещё один! – Он рывком поставил немца на ноги и подержал, пока тот не смог стоять сам. Повернулся к Жуге. – Что, этого тоже за борт?

В глазах моряка отразился ужас.

– Не убивайте! – взмолился он и попытался опуститься на колени. Яльмар брезгливо встряхнул его за шиворот и удержал на ногах.

– Оставь его, Яльмар, – хмуро сказал Жуга и повернулся к ганзейцу: – Как тебя зовут?

– К-курт... Курт Шлоссер.

Жуга присмотрелся.

– А ведь ты тоже был на берегу вчера, когда нас били... Или я не прав?

– Я не виноват! – вскричал тот. – Был, каюсь. Каюсь, каюсь! Но это Гельмут затеял!

– Гельмут? Это который? Длинный?

– Да. Я не знаю, но в него как бес вселился после кабака. Он и приятель его...

– Пёс с ним, с приятелем, – нетерпеливо перебил его Яльмар. – Где он, этот Гельмут?

На берегу? Когда вернётся?

Моряк наморщил лоб.

– А... какой сегодня день?

– Среда.

– Тогда завтра утром.

Викинг вынул нож, разрезал верёвки у пленника на ногах и легонько подтолкнул его к выходу, от чего тот едва не упал.

– Ладно уж, иди грейся. Да смотри у меня! Пацана ли, девку тронешь – пришибу.

– Попить бы, господин Яльмар...

– Обойдётся.

Яльмар деловито осмотрел свёрнутый парус, задержался у борта по малой нужде и вдруг разразился проклятиями.

– Что стряслось? – окликнул его Жуга.

– Лодка пропала!

За снежной пеленой трудно было что-либо разглядеть. Лодка, препорученная заботам Яна, исчезла. Янко ещё пытался оправдываться, но Яльмар наорал на него и долго потом ходил по палубе туда-сюда, ворча и ругаясь.

В одном из сундуков Жуга обнаружил свой полушубок и, поскольку делать больше было нечего, повалился на лежак и забылся тяжёлым сном, проспав до вечера.

– Придётся ждать, – снова нарушил молчание викинг. – Без лодки нам до берега не добраться, разве что корабль к причалу подвести.

– А это можно? – спросил Жуга. В его рыжих волосах серебрились снежинки.

– Был бы драккар – запросто. А эта лохань только под парусом и ходит. Да и были бы вёсла, кому грести – тебе да мне? Или придурку этому немецкому? Тьфу... – Викинг сплюнул и поправил шлем. – Да и ветер сегодня неподходящий...

– Значит, никак?

– Пока никак.

Быстро темнело. Жуга потянулся, разминая затёкшие ноги. Посмотрел в сторону маяка, на вершине которого разгорался сигнальный огонь, и нахмурился.

– К чему бы это, а?

– Известно к чему! – усмехнулся Яльмар. – Шторм идёт. Восточный ветер – дело такое, да... Ну, мы-то в гавани, нам бояться нечего.

– Хорошо бы. – Жуга с сомнением потёр подбородок и встал. – Пойду к Зерги, проведаю как она там.

– Дело, – кивнул Яльмар. – Присматривай за ней, раз уж исцелил.

– Проклятие! Говорю же, это был не я!

* * *

В каюте спали. Несмотря на растопленную печь, здесь было холодно. Палуба ходила ходуном. Ганзеец шумно сопел, привалившись к стене и сунув связанные руки между колен. Слева, замотавшись в одеяло с головой, калачиком свернулся Ян. Третий, и последний, лежак достался ученице колдуна – друзья придвинули его к печке. Жуга притворил дверь, подбросил угля, присел на край лежанки и некоторое время молча рассматривал спящую. Сейчас, вглядываясь в эти тонкие черты лица, такого хрупкого и живого в своей красоте, он почти готов был поверить, что ошибся, решив тогда на палубе, что она мертва. Почти, но не совсем... Или всё это ему пригрезилось? Вряд ли. Тело болело, и боль эта была настоящей. Он вздохнул, закрывая глаза, и память отбросила его на полдня назад; Жуга невольно содрогнулся и потряс головой. Нет, ошибки быть не могло: слишком уж страшен был миг, когда некто, гораздо более могучий, чем Жуга мог представить, вдруг явился ему на помощь.

– Жуга?..

Он вздрогнул и опустил взгляд. В приоткрытой дверце печки плясало пламя, искорками отражаясь в широко раскрытых глазах девушки.

– Зерги!

Та приподнялась на локтях, оглядываясь вокруг. Коснулась головы рукой и сморщилась, нащупав жёсткие от засохшей крови волосы.

– Где я?

Вопрос, сам по себе нелепый, прозвучал в темноте каюты на удивление уместно.

– Там, где и раньше. – Жуга придвинулся ближе. – На корабле.

– На корабле?

– Угу. Ты как себя чувствуешь?

– Я... Голова кружится. – Она подвигала головой, потёрла пальцами виски. – Что произошло?

– Ты что-нибудь помнишь?

Зерги нахмурилась:

– Помню? Драку. Моряк... трюм... Да, точно! Я упал и... ой...

Девушка вздрогнула и умолкла на полуслове. Глаза её испуганно расширились.

– Мой бог... – прошептала она, опуская руки и глядя на тонкие длинные пальцы. – Личина...

Жуга невольно улыбнулся:

– Можешь поверить, без неё тебе лучше.

Прежде чем Зерги успела ответить, скрип двери возвестил о появлении Яльмара. Варяг возник из темноты, словно невиданный рогатый зверь, притом двуногий. В руках у него были хлеб, сыр и колбаса.

– А, очнулась! – добродушно ухмыльнулся он, с порога заведя сидящую девушку. – Вот хорошо. Слазь с кровати – я поесть принёс.

Зерги отбросила одеяло и встала, пряча лицо.

– Мне... надо выйти, – глухо сказала она. Корабль качнуло, девушка еле устояла на ногах.

Жуга подскочил:

– Я помогу.

– Нет! Я... сама.

Дверь за ней закрылась.

– За борт не упади! – крикнул ей вслед Яльмар, топором нарезая колбасу, и подмигнул Жуге. Тот всё ещё смотрел на дверь, недоумевая. Повернулся к викингу:

– Куда она?

– Дык пиво... – усмехнулся Яльмар и развёл руками. – Сколько ты ей наливал?

– Кружку... – ошеломлённо ответил Жуга, посмотрел на Яльмара, и оба, не сдержавшись, расхохотались.

* * *

Никто не приплыл ни утром, ни вечером. Яльмар ничего не сказал по этому поводу, лишь стоял на палубе, глядя в небо и мрачняя с каждым часом.

– Что призадумался? – спросил Жуга, подошедши к варягу. – Или опять стряслось чего?

– А то не видишь? – проворчал тот и пояснил: – Ветер переменялся.

– Так, может, к берегу подойти попробуем?

Яльмар содрогнулся.

– Ты что, с ума сошёл? Хуже нет ничего, чем идти под парусом при северном ветре! Нас в щепки разнесёт! Видишь – даже ганзейцы, и те не рискнули сегодня приплыть. Да... Вот. – Он запахнул куртку и снова посмотрел на небо. – Пойду-ка я погреюсь.

Жуга проводил его взглядом и вздохнул. Покосился на море. Наверное, варяг был прав: волны и впрямь стали выше и раскачивали корабль всё сильнее. Вершины их запенились барашками. Становилось холодно.

Хлопнула дверь, и травник обернулся.

То была Зерги или как там её звали по-настоящему. Жуга так и не узнал, ни кто она, ни откуда: разговорить её не удалось. После всех этих событий её мучила жажда, но от пива сразу накатила апатия, и всю оставшуюся ночь девушка пролежала молча, закутавшись в одеяла и отвернувшись к стене. Лишь под утро, раздобыв невесть откуда иголку с ниткой, стянула куртку и занялась оторванным рукавом.

– Хвала Одину, кажись, оклемалась, – сказал по этому поводу Яльмар, сщеживая из бочонка очередную кружечку. – Если баба берётся за иголку – жить будет.

– Шить? – переспросил Жуга, толком не расслышав.

– И шить тоже, – снисходительно согласился варяг.

Вот и сейчас она, ни слова не говоря, подошла к борту и долго смотрела то на море, то на серые, занесённые снегом улицы. Её волосы свалились, зелёная, подбитая войлоком куртка была мятой и грязной, слева на спине расплылось громадное пятно засохшей крови. Но всё равно смотреть на неё было приятно. Жуга, во всяком случае, мог бы смотреть очень долго, не обращая внимания на снег и ветер. «А девчонка-то красивая, – подумалось вдруг ему. – Немудрено, что под личиной пряталась. Такой никто проходу бы не дал. И арбалет бы не помог...»

– Не смотри на меня, – сказала вдруг она.

– Это ещё почему? – Жуга опешил.

– Не надо. Не хочу, чтоб ты видел меня... такой.

– ?..

– Не притворяйся дурачком. – Зерги фыркнула и отвернулась. – Нашёл чего смотреть – лицо немытое, волосы нечёсанные... тряпки эти дурацкие! Кровь, грязь... губа разбита... даже помыться негде. Чего ржёшь, дурак?!

До этой секунды Жуга ещё сдерживался, но после таких слов и впрямь расхохотался. Зерги посмотрела на него с недоумением, пожала плечами и снова отвернулась.

– Тоже мне, страшилище, – сказал наконец Жуга, переводя дух. – Видал я и пострашнее. Ты ещё не знаешь, что я видал... А ты, кстати, очень даже ничего.

– Много ты понимаешь. – Она покраснела смущённо. – Молчал бы уж...

– То «не смотри», то «молчи», то дураком обзывают... – Жуга вздохнул в притворной обиде. – И мальчишка, помнится, был нахал, каких поискать, а девчонкой обернулся, так и вовсе того и гляди на шею сядет.

– Дурак ты, вот ты кто.

– Ну вот, опять... Ты другие слова-то знаешь?

Теперь уже Зерги не смогла сдержать улыбки.

– Ладно, хватит спорить, – сказала она. – Чего мы ждём?

– Лодки нет, чтобы к берегу плыть.

– А что, на корабле нельзя?

– Яльмар говорит, что нельзя.

– Почему?

– Ветер неподходящий – северный... Правда, он и вчера то же самое говорил... – добавил травник после недолгого раздумья.

– И завтра скажет, – усмехнулась Зерги. – Нашёл кого слушать! Варягам парус знаешь для чего?

– Нет... Для чего?

– От дождя прятаться! Они же к берегу иначе как на вёслах не подходят. А парус только в море, при попутном ветре ставят, да и то не всегда. – Она посмотрела на небо. – А ветер, кстати, западный.

– Что?! – Жуга вскинул голову, провожая взглядом облака, и вынужден был признать, что девушка права. С погодой творилось неладное.

– А хоть бы и так, – помолчав, сказал он. – Всё равно не резон тебе Яльмара ругать. Нехитрое дело – портовые байки слушать, а вот попробуй сама встань за руль!

Глядя, как меняется выражение её лица, Жуга понял, что стрела попала в цель – что-что, а корабли водить она не умела.

– Как же тебя всё-таки зовут? – спросил вдруг он.

– Всё тебе скажи... Угадай.

– Так ведь угадаю, – кивнул Жуга. – Хочешь?

– Н-нет... лучше не надо. – Зерги поёжилась и подняла воротник. – Знаешь, я, пожалуй, пойду.

Дверь за ней ещё не успела закрыться, когда на палубе показался Яльмар. Он деловито прошёлся туда-сюда, проверил, хорошо ли натянуты мачтовые канаты, и остановился на носу корабля, шумно втягивая носом воздух и заложив ладони за пояс.

– Ого! – сказал он, глядя на волны. – Гм... Западный ветер! Плохо дело.

– Хуже некуда, – уныло подтвердил Жуга, еле сдерживая улыбку. – Какой дурак поставит парус при западном ветре?

– Сообража-аешь! – Яльмар одобрительно потрепал друга по плечу. – При такой волне уж точно никто не приплывёт. Ну что ж, делать нечего. Пойдём опрокинем по кружечке.

Жуга вздохнул и обречённо кивнул:

– Пошли.

* * *

...Падение иногда длиннее, чем подъём, особенно если сотни клыков вцепляются в тело и близкая земля отдаляется, уходит, убегает бесконечно... бесконечно... Чёрный силуэт высокой башни, небо в грязных клочьях мяса, кровь во рту и на руках, кровь на воде, как давняя память – картина из прошлого, где у дельфина взрезано брюхо. Винтом кружась, глянцевитое тело уходит в глубину. Ниже... ниже... и вот уже скрылось совсем...

Удар!

Нет, меня так просто не убьёшь! Я сам строил этот замок, эти камни помнят тепло моих рук. Ну, подходите! Хоть поодиночке, хоть все сразу! А, проклятые твари, вам жутко не повезло!..

Глаза... Морды... Крики... Вой... Рассечённые тела... Дождь... Кровь... Жизнь утекает по капле, душа тяжелеет, как свинцовый шар в ладонях, и только – ветер! ветер!

Ветер...

Неужели всё?

Кажется, и впрямь – всё...

Всё.

* * *

Станным сном минула ночь, и снова наступил день, туманный и хмурый. Этим утром, обшаривая трюм, Жуга обнаружил длинный брус сухого красноватого дерева и, примостившись на корме, сподобился резать его ножом. В воду летели стружки. Зерги сидела рядом, поджав ноги и упираясь подбородком в колени.

– Сколько тебе лет, травник?

– Не знаю. – Жуга передёрнул плечом. – Не считал. Лет двадцать, наверное. А что?

– Ты не бреешь бороду.

– Не растёт.

– А травы твои где?

– Потерял... Лето настанет – новых наберу. – Он поднял голову. – А ты взаправду ученица колдуна?

– Не веришь? – Глаза её сощурились. – Думаешь, вру, да?

Жуга усмехнулся:

– Верю-верю всякому зверю, а тебе, ежу, погожу.

Зерги надулась и некоторое время молчала, склонив голову набок и задумчиво кусая губы. Жуга чувствовал себя неловко под пристальным взглядом её серых глаз и весь ушёл в работу, стараясь не смотреть в её сторону.

– А я знаю, кто ты, – сказала вдруг она.

Тот поднял бровь:

– Тогда ты знаешь больше, чем я.

– Ты – крысолов. Тот, из Гаммельна, который крыс увёл и в речке утопил. Угадала, да?

– Ох, люди! – Жуга мотнул кудлатой головой и рассмеялся. Прошёлся пятернёй по волосам, посмотрел девушке в глаза. – С чего ты взяла?

– Слухами земля полнится, – улыбнулась та. – И потом, кто б ещё смог такое проделать?

– Чего только не придумают. Не топил я их. Не было такого.

– Может, ты и детишек не уводил?

– Детей увёл, – кивнул Жуга. – Так получилось. Да только я же их обратно и привёл. А что ещё из Гаммельна слышать?

– Всего понемногу, – уклончиво ответила Зерги, глядя в сторону. – Звонарь от них ушёл, а нового так и не нашли. А ещё говорили, будто бургомистр ихний провалился.

– Что-о?! – Жуга опешил. – Это как?

– Да очень просто. Сел с семьёй за стол покушать, ну, все вместе и провалились. Со второго этажа на первый, а оттуда в подвал. Крысы пол подгрызли, – пояснила она, поймав его недоумённый взгляд.

– Что, только у него? – ошарашенно спросил Жуга. Девушка кивнула. – Вот те раз...

Он отложил недоделанный посох и долго молчал. Прошёлся пятернёй по волосам. Зерги придвинулась ближе, перехватив его руку в движении, и Жуга вздрогнул, ощутив холодное прикосновение. Тыльную сторону ладони травника наискосок пересекала розоватая полоска – память о вчерашней драке.

– Это что, вчера ножом?

– Угу.

– Больно?

– Нет. Уже затянулось.

– Хм! Надо же, как быстро.

Жуга кивнул в ответ. Он и сам заметил в последнее время, что раны его заживают с быстротой невероятной, порою просто пугающей. Что было тому причиной, он не знал, а думать об этом не хотелось.

– Ты метался во сне. Что тебя гнетёт?

Жуга ответил не сразу, собираясь с мыслями.

– Мне снятся собаки, – сказал он наконец. – Мне снятся звери. Мне снится, что твари с глазами как лампы вцепились мне в крылья у самого неба и я рухнул... Нелепо, как падший ангел. – Он посмотрел ей в глаза и продолжил: – Я не помню падения, я помню только глухой удар о холодные камни. Неужели я мог залететь так высоко и сорваться? Жестоко... – Он вздохнул и помотал головой, словно прогоняя видение. – Прямо вниз...

Зерги не ответила.

– Кто такие псы дождя? – помолчав, спросил Жуга.

Девушка вздрогнула. Взгляд её серых глаз сделался насторожённым.

– Ты думаешь, они существуют? – спросила она.

Жуга пожал плечами:

– Мне просто отсоветовали с ними встречаться.

– Псы дождя... – медленно произнесла она. Порыв ветра взметнул её золотистую, косо обрезанную чёлку. – Я только слышала про них. – Она закрыла глаза и заговорила, медленно, словно повторяя заученное: – Они приходят в ночь самого большого весеннего прилива. Злые, трусливые, вечно голодные, они бегут по следам твоей души, не зная устали, слюна капает с их клыков, и нет от них спасения ни днём ни ночью. Они разрушат всё, что тебе дорого, и даже если им самим ничего не нужно, тебе они всё равно ничего не оставят... – Глаза её открылись. – Если ты веришь в псов дождя, так, может, и в белых волков тоже?

– А чего не верить? – Жуга пожал плечами. – Я их видел.

– Ты их... что?!

– Я даже с ними говорил.

Потрясённая, Зерги умолкла и на сей раз молчала довольно долго. Жуга даже подумал, не обидел ли он её ненароком.

– Я не слыхала, чтобы кто-нибудь остался в живых после встречи с ними, – наконец сказала она. – Даже Веридис, и тот об этом не упоминал. Только в детстве, помню, я слышала песню...

– Спой.

– Я не умею петь, – потупилась та.

– Спой как умеешь. Пожалуйста.

Она запела. Сперва тихо, просто читая строку за строкой, но старые слова жили собственной жизнью, тянули мелодию за собой, голос девушки набирал силу, и вскоре песня стала действительно песней.

*Утром снежным белые волки
С утренним снегом, как беглые толки,
Выбегут в поле, следы разбросают,
Набегавшись вволю, бесследно растают.*

*Что вы ищете в выпавшем снеге?
Вам противен вкус нашего хлеба.
Вас гонит в зиму запах добычи —
Крови медвежьей и крови бычьей.*

*Вы – холодные снежные звери.
Неисчислимы ваши потери —
Гибнете сотнями в солнечном свете,
И жизнь ваша длится лишь до рассвета.*

*Жутким плачем расколется ночь —
Всё! Никто мне не сможет помочь:
Застынет под окнами бешеный вой —
Это снежные волки пришли за мной!*

*Лишь рассветёт, и – белые кости
Под сахарным снегом, как тонкие трости,
Вырастут в поле под музыку вьюги,*

*Их не разыщут ни волки, ни люди*¹¹.

Жуга поднял голову.

– Всё так, – пробормотал он, – всё так... Скажи, Зерги, в этой твоей «магии чисел» четвёрка что-нибудь значит?

– Четвёрка? – Она задумалась. – Пожалуй, да... Да. Четыре времени года, четыре стороны света, четыре стихии... А что?

– Твой учитель, он вроде магией стихий занимался? – Зерги кивнула. – Расскажи.

– Агриппа писал...

– Агриппа? Кто это? – нетерпеливо перебил Жуга.

– Один учёный. Он говорил, что в мире есть четыре основы телесных вещей, суть огонь, земля, вода и воздух. Из них образуется всё. Четыре стихии дают четыре формы совершенных тел: камни, металлы, растения и животные.

– Эх чего нагородил, – пробормотал Жуга, морщась и потирая запястье, где тусклой зеленью отблёскивал браслет. Кожу под металлом саднило. – Мудрёно. А ежели попроще?

Зерги тем временем углядела браслет.

– Ой! Красивый камень. То красный, то чёрный. Можно посмотреть?

– Смотри. – Жуга протянул к ней руку с браслетом. – Но только так. Последнее время я побаиваюсь его снимать.

– Почему? – Она коснулась браслета и отдернула руку, ощутив непонятное жжение. Нахмурилась, лизнула кончик пальца и провела им по зеленоватой поверхности, оставляя тонкую светлую дорожку. Жуга только сейчас ощутил её запах – тонкий, сладковатый, совсем не похожий на мужской. Ему вдруг подумалось, что раньше он бы его не различил.

– Как тебе сказать... – Он замялся. – Сразу и не объяснишь. Эта штука что-то делает со мной, как-то меняет меня, и я не знаю как.

– Двух подвесков не хватает, – словно не слыша его, заметила Зерги и подняла голову. – Что здесь было?

– Фигурка человека. И звезда.

– Жаль, что учитель погиб. Я не знаю, что это, но он мне не нравится. Снял бы ты его, что ли, от греха подальше.

Жуга покачал головой и опустил рукав.

– Лучше не надо, – сказал он. –хлопот потом не оберёшься. Звезду вчера в драке оборвали – всякий раз что-то случается после такого. И потом... есть ещё причина.

И он снова взялся за нож. Зерги молча смотрела, как Жуга поставил шест стоймя, отмерил его себе по переносье, надрезал и отломил лишнее, после чего вынул приготовленную полоску кожи и принялся оплетать его середину. До Зерги вдруг дошло, что паренёк не просто мастерит себе дорожную клюку – то был боевой тяжёлый посох-вертухай. Ей вспомнилось, что в каюте на огне стоит большущий медный ковш, где плавится свинец, и она окончательно уверилась в своей догадке.

– Думаешь, опять придётся драться?

– Бережёного Бог бережёт.

– Станный ты, Жуга, – помолчав, сказала она. – Ох, странный.

– Все так говорят, – не поднимая головы, ответил травник.

¹¹ Стихи Вячеслава Бутусова из песни «Белые волки».

* * *

Что не посмели сделать люди, сделали к ночи ветер и вода: якорный канат перетёрся. Яльмар и Жуга только начали задаваться вопросом, чего это корабль качает не так, когда дверь распахнулась и в каюту буквально влетел стоявший на стороже цыганчонок. Глаза у него были что твои блюда.

– Там это!.. – вскричал он, размахивая руками и тяжело дыша.

– Что? – вскинулся Яльмар, хватаясь за топор. – Гости пожаловали?

– Нет! Верёвка порвалась!

– Ну и хрен с ней. Чего орать-то?

– Большая верёвка! – выкрикнул Ян и, видя, что два дружка ничего не поняли, наконец нашёлся: – Которой корабль был привязан!

Повторения не потребовалось – Яльмар и Жуга со всех ног бросились наружу, едва не сбив по пути мальчонку. Зерги замешкалась, разыскивая куртку, и догнала их уже на палубе.

Янко был прав – якорь сорвало. Тяжёлые волны медленно, но верно несли корабль на береговые камни – ветер, как назло, переменялся и снова дул с севера.

– Один! – Викинг топнул ногой и посмотрел на небо. – Так нас и впрямь разнесёт...

– Парус надо поднимать! – крикнул Жуга, перекрывая свист ветра.

– Так ветер же!

– Ну так что, что ветер!

Зерги, словно нож, вклинилась между спорщиками.

– Нашли время ругаться! – вскричала она. – Сами управиться не можете, так моряка спросите – всё равно без толку в каюте валяется!

– Как же я раньше не догадался! – Жуга хлопнул себя по лбу и поморщился – свежая рана напомнила о себе. – Срывайте чехол, я сейчас!

И он скрылся за дверью.

Ганзеец появился, растирая затёкшие руки, посмотрел на небо и сразу переменялся в лице.

– Donnerwetter! – вскричал он. – Что вы стоите?!

И первым схватился за верёвку.

Парус поднимали все – и Курт, и Яльмар, и Жуга, и даже Зерги в меру своих слабых женских сил. Не дожидаясь, пока полотно наполнится ветром, Курт продел конец каната в бронзовое кольцо, в момент завязал его хитрым путаным узлом и проделал то же самое со вторым канатом, после чего метнулся на корму и навалился на румпель, разворачивая корабль по ветру.

– Что делать будем? – крикнул он. – В море не выйти – ветер!

– Правь к берегу! – распорядился Яльмар.

– Там же скалы...

– Правь, говорю, морда немецкая! Вон туда, где маяк! Берег там песчаный, и волна не такая крутая. Сядем на брюхо – всё лучше, чем утонуть.

Ветер крепчал. В вихре пены и брызг корабль мчался к берегу. Тяжёлый и неповоротливый, когт тем не менее оказался на редкость устойчивым судном. Жуга пробрался на нос и там, ухватившись за верёвку, молча смотрел, как вырастает прямо по курсу чёрная громада маяка. «Слишком быстро!» – мелькнула беспокойная мысль, и в этот миг тугое, полное ветра полотнище оглушительно хлопнуло, послышался треск и – почти сразу – крик ганзейца: «Парус! Порвали парус!» Корабль развернуло. Оставив руль заботам Яльмара, Курт бросился отвязывать канаты. Бешеный порыв ветра повалил корабль на бок, в трюм хлынула вода, а ещё через

мгновение страшный удар сотряс когг от килия до клотика. Обледеная верёвка выскользнула из пальцев, и Жуга полетел в темноту.

Холодная вода обожгла не хуже огня. Жуга вынырнул, крича и задыхаясь, и снова скрылся в волнах – плавал он из рук вон плохо. Тяжёлая туша корабля ворочалась совсем рядом, Жуга успел заметить, как что-то тёмное мелькнуло в воздухе, прежде чем очередная волна накрыла его с головой, и рёв прибоя поглотил его последний крик.

* * *

Темнота.

Долгий, пристальный взгляд. Лицо худое и очень длинное. Короткий ёжик стриженных волос. Тёмные, в глубоких впадинах глаза. Сурово сжатые губы.

Жуга впервые в этом сне был собой. Он смотрел в эти холодные глаза, и прошла, казалось, вечность, прежде чем он нашёл в себе силы сделать первый шаг.

– Кто ты? – спросил Жуга.

Молчание.

– Ты... Веридис?

Лицо дрогнуло.

«Нет».

– Чего ты хочешь?

«Я возвращаюсь. Меня одолели в нечестном бою. Я должен вернуться».

– Зачем ты приходишь ко мне?

«Мне нужно тело. Нужен ты. Ты или девчонка. Или вы оба».

– Вот, значит, как, – пробормотал Жуга. – Огонь в порту, дом волшебника и цыганская кибитка – всё только для того, чтобы мы с ней встретились?

«Не с ней. Со мной».

– Ты жесток.

«Я должен вернуться».

– Цыгане, волшебник и дюжина гребцов вместе с ладьёй – не слишком ли большая цена за твоё возвращение?

«Все части света могут гореть в огне, меня это не затронет. Я должен был вернуться».

– Меня ты не получишь.

«Тогда я заберу её».

– Зерги сможет за себя постоять.

Тонкие губы искривила улыбка.

«Ты уверен?»

Жуга промолчал.

«Ты сам позовёшь меня», – сказал голос и исчез.

* * *

Жуга открыл глаза и долго не мог понять, где находится. Он лежал в тепле и тишине, глядя вверх, на чёрные потолочные балки, откуда мягким пологом свисала ветхая рыбацья сеть. Пахло дымом. Потрескивал огонь в очаге. Слышно было, как за окном завывает ветер.

Жуга пошевелился и вдруг понял, что в кровати он не один – тёплое тело тотчас теснее прижалось к нему, а тонкая рука поправила латаное одеяло. Жуга повернулся и замер, увидев рядом знакомые серые глаза.

– Зерги?! – Он сел, порываясь встать. Голова закружилась. – Я...

– Лежи, дурачок, лежи, – улыбнулась та. – Мы здесь одни. Яльмара и цыганёнка я услала – пусть до рынка сходят, может, поесть купят.

– Но почему... ты...

– Иначе бы ты не отогрелся, море – оно не шутит.

– Где мы?

– В рыбацкой хижине.

– А что хозяйева?

– Нет хозяев. – Девушка помрачнела. – И видно, уж давно.

Жуга вздохнул и откинулся на подушку. Его знобило.

– Сколько времени прошло? – спросил он.

– С тех пор, как мы разбились? Ночь и ещё полдня.

– А с кораблём что?

– Нет больше корабля.

– А немец?

– Не знаю. – Зерги пожала плечами. – Сбежал, наверное. Когда на берег вылезли, он с нами был, а после пропал.

Жуга помолчал.

– Как вы меня вытащили?

– Волны выбросили. Считай, второй раз родился.

Левое запястье ещё чесалось. Жуга выпростал руку из-под одеяла. Браслет был на месте.

– Я не стала его снимать, – перехватив его взгляд, пояснила Зерги. – Хотя остальное пришлось.

Жуга покраснел. Близость юного девичьего тела опьяняла, исподволь, потихоньку разжигая огонь желания. Зерги улыбнулась:

– Ну, я гляжу, ты совсем уже оттаял.

– Извини. – Жуга сел и принялся выпутываться из одеяла.

– Глупый. – Лёгкая рука легла ему на плечо и потянула обратно. – Иди сюда...

* * *

Когда Яльмар, навьюченный, как осёл, сквозь дождь и ветер добрался до хижины, то обнаружил дверь запертой изнутри и, поразмыслив, решил не стучать.

* * *

– Как же тебя всё-таки зовут?

– А тебя? – вопросом на вопрос ответила Зерги. – Или хочешь, чтобы я поверила, будто так и звать тебя – Жуга?

Жуга пожал плечами.

– Когда-то звали по-другому, а потом... Я сам так решил.

– Опасная это вещь – прозвания всякие. – Девушка нахмурилась. – Нельзя с ними играть – как назовёшься, так и жить будешь.

– На себя посмотри. Зерги – а! о! – куда бежать... Тоже мне, имечко...

– Молчал бы уж, дурак.

– Уж и сказать нельзя... И всё-таки почему – Зерги?

– Просто так. – Девушка села, обхватив колени руками, и зябко поёжилась. Покосилась на очаг – поленья почти прогорели. – Вообще, это Веридис придумал. Я часто раньше в мальчишку рядилась, если в город надо было идти. Всё безопаснее. Попробуй по имени разбери,

парень я или девка. Вот. – Зерги вздохнула. – Арбалет жалко. Для меня сработан был, особо, на заказ. Веридис за него двести талеров отдал.

Жуга нахмурился.

– Ты говоришь о нём, как говорят об отце. Или о любимом.

– Ну, как сказать... – Зерги огляделась. – Я родилась в семье рыбака. Вот в такой же хижине. Потом... Отец как-то в море ушёл и не вернулся. Я его почти уж и не помню. Сколько-то лет мы с матерью пробавлялись тем, что море выбрасывало. Потом и мама умерла. А Веридис... он стал для меня всем. Понимаешь? Отцом, братом... Всем.

Тряхнув головой, она встала и подбросила дров в очаг. Пощупала сохнувшие на верёвке куртку и штаны, поморщилась недовольно: «Сырые!» Пробежала на цыпочках обратно, юркнула под одеяло и завожилась там, устраиваясь поудобнее. Жуга придвинулся ближе и подложил руку ей под голову.

– Брр! холодина... – Взгляд её упал на браслет. – Помнишь, ты говорил, будто он меняет тебя? Расскажи как.

– Да мало ли – как, – пожал плечами Жуга. – По-разному. Сразу и не поймёшь, а может, и вовсе кажется мне. Нюх, вон, острее стал, раны быстрее заживают... А ещё вроде как наговоры легче творить стало. Раньше, бывало, слов не напасёшься, а сейчас сами на место лезут. – Жуга задумался на секунду и прибавил с усмешкой: – Глядишь, этак и вовсе скоро станут не нужны. Да, кстати! Всё хотел спросить: не трудно тебе было мальчишкой притворяться?

– Не очень, – уклончиво ответила та.

– А труднее всего что?

– Ругаться!

Они глянули друг на друга и рассмеялись.

Дверь вздрогнула от мощного удара. Похоже, там, снаружи этот смех кому-то очень не понравился.

– Эй, вы! – грохотал Яльмар. – Может, хватит там? Холодно ведь, зашиби меня Мьёл-нир!

– Чёрт! – Зерги подпрыгнула и ошеломлённо посмотрела на Жугу. – Мы же про него совсем забыли!

Она прыснула, и оба снова покатались со смеху.

* * *

Ближе к вечеру Зерги обнаружила в куче хлама большущий, со сколотым краем горшок и загорелась идеей вымыться целиком, вытолкав ради такого дела уже обоих. Что до цыганёнка, то он как ушёл вчера вечером проведать своих, так и не воротился до сих пор.

Продрогнув на холодном ветру, Яльмар и Жуга решили пройтись.

– Совсем с ума сошла, – ворчал викинг, шагая вдоль кромки прибоя и поддавая сапогом мелкие камни. – Только-только из моря – и снова мыться! Делать ей нечего... А ну как сварится в этом котле?! Хотя бы ты присматривал за ней, что ли.

– Присмотришь за ней, как же, – усмехнулся Жуга. – Она сама за кем хочешь присмотрит. И чего ты, Яльмар, на неё так ополчился?

– Ничего я не ополчался, – хмыкнул тот. – Баба – она баба и есть. Что с неё взять? Её дело дома сидеть, детей нянчить да мужа из похода ждать. И нечего командовать.

– Слушай, Яльмар, а тебе лет сколько?

– Двадцать третья мне зима идёт, – ответил тот и почему-то покраснел.

Некоторое время они шли молча. Ветхая лачуга скрылась из виду, и вскоре впереди неясным силуэтом замаячил выброшенный на берег остов ганзейского корабля – без мачты, без руля и носовой башенки, разбитой в щепки.

– А вообще, боевитая девчонка, – несколько неохотно признал вдруг Яльмар. – И стреляет здорово, и плавает. Это ведь она тебя, дурака, из воды вытащила, когда ты искупаться решил.

– Зерги? – Жуга остановился.

– Она, она, – кивнул варяг и усмехнулся. – А ты не знал? Мог бы и догадаться. А иначе зачем ей одежду сушить?

У Яльмара был такой вид, словно он сам, лично запихнул обоих под одеяло. Жуга меж тем помрачнел.

– Слишком уж складно выходит, – задумчиво пробормотал он. – Как по писаному.

– А что?

– Да беспокоило мне. – Жуга поёжился и глянул на браслет. – Помнишь, как она разбилась?

– Зерги? Ну, помню. А что?

– Что-то страшное идёт за нами, Яльмар. И я никак не разберу что. Далеко ль до беды.

– Да ну тебя! – фыркнул викинг. – Сам себя изводишь почём зря.

– Как знать. – Жуга поднял ворот полушубка и посмотрел на небо. – Ого! Уже темнеет.

Пойдём назад.

– И впрямь пора. Чего ей там размываться? И так чистая. Пошли.

Жуга почуял неладное, ещё издали завидев распахнутую дверь хибары, и невольно ускорил шаги.

Яльмар не замедлил подтвердить его опасения.

– Она что, совсем сдурела? Дом же выстудит! – Он посмотрел на Жугу и добавил встревоженно: – Уж не случилось ли чего? Зерги!

Ответа не было. В молчании оба подошли ближе и переглянулись. Яльмар нахмурился и потянул из-за пояса топор.

– Глянь, что внутри. Я пока тут посмотрю, – вполголоса распорядился он и скрылся за углом.

Жуга кивнул согласно, вынул нож и переступил порог.

Внутри царил беспорядок. Кровать была опрокинута. Повсюду валялись черепки. Вода из разбитого горшка загасила костёр. Ни самой девушки, ни одежды её в доме не было. Исчезла и висевшая под потолком рыбацья сеть. Запасы снеди и воды остались нетронутыми.

– Чёрт, – выругался Жуга и закусил губу. – Накаркал.

Яльмар с топором в руках возник в дверях бесшумно, словно привидение.

– Нет никого снаружи, – объявил он. – Что у тебя?

Жуга покачал головой и обвёл рукой разгромленное помещение.

– Сам видишь.

Что-то звякнуло у викинга под ногой, Яльмар присел и поднял с пола подкову. Повертел её в руке, пожал плечами, огляделся и подобрал ещё две. Посмотрел с вопросом на Жугу.

– Чепуха какая... Что всё это значит?

Он нахмурился и вдруг, прислушавшись, бросил находку и вскочил с топором наготове. «Яльмар! Жуга!» – послышалось снаружи, и в раскрытую дверь, как палый лист на крыльях ветра, ворвался Янко-цыган. Влетел и замер на пороге, наткнувшись на Яльмара. В руках у него был большой не по росту посох, тот, что сладил для себя Жуга. Грудь мальчишки ходила ходуном – видно, бежал всю дорогу.

– Вы тут? Гляньте, я чего нашёл... – Он повёл посохом и осёкся на полуслове. Окинул взором разгром в доме и медленно переменялся в лице.

– Что стряслось?

– Зерги не видел? – спросил вместо ответа Яльмар.

– Нет...

Жуга поднял голову, посмотрел на викинга, на Янека и опустил взгляд. Взъерошил пятернёй нечёсанные волосы, вздохнул.

– Три подковы, – глухо сказал он и, отвернувшись, повторил негромко, больше для себя, чем для других: – Три подковы.

* * *

Всю ночь Жуга не сомкнул глаз, а наутро, взяв только посох и нож, вместе с Яльмаром направился в город. Янко увязался с ними, но Жуга прогнал его. Викинг был с ним солидарен – толку от цыганчонка немного, да и хватит его на один чих, если драться. А в том, что предстоит драка, Яльмар не сомневался. Он ни о чём не спросил товарища, лишь взял топор и двинулся следом.

А ветер между тем крепчал. Дикий, порывистый, он с хохотом и свистом носился по узеньким улочкам, срывая ставни с окон, черепицу с крыш и бешеным вращением терзая флюгера. Было слякотно и сыро, ноги вязли и скользили в снежной каше. Почти все лавки и мастерские по причине плохой погоды были закрыты, прохожих было мало, и Яльмар с Жугой пробирались к «Трём Подковам» в одиночестве.

– Что делать надумал? – спросил варяг, в молчании прошагавши полпути.

Жуга помрачнел.

– Поверишь ли, Яльмар, сам не знаю. Снова я на распутье, и что бы я ни делал, всё не так! Посмотрим, как дело обернётся.

– А по мне, так думать нечего. Главное – ввязаться в драку, а там видно будет.

Жуга покачал рыжей головой:

– Запретный это путь.

– Нет запретных путей, есть малодушные люди. А боги помогают сильным.

– Не лучше ли будет на суд дело вынести?

– Нет на них правого суда, – нахмурился Яльмар. – Не станет градоправитель время на чужие свары тратить – хватило б со своими разобраться. Только и осталось по шее немцу навалить. Боги! Да ты запросто можешь их спалить со всеми потрохами, ворлок! Ведь можешь же!

– Могу, наверное. – Жуга пожал плечами. – Только всё это не по мне. Должна же быть на этом свете хоть какая-то справедливость! Не по-божески это.

– Один! – Викинг сжал кулаки. – Какая может быть надежда на ваших богов, если даже вы сами себя баранами зовёте и пастуха себе ищете?! А с баранами ты знаешь что делают? Режут!

Тем временем впереди показалась вывеска с тремя подковами, и оба умолкли.

Дверь отворилась без скрипа. Жуга вошёл, отряхивая снег, осмотрелся и с первого взгляда заметил, что очень уж много здесь собралось моряков. В Галлене, как и в любом другом портовом городе, было предостаточно питейных заведений, но корчма корчме рознь, тем более при постоялом дворе. Моряки предпочитали те, что ближе, а здесь останавливались возчики, крестьяне, купцы с охраной из торговых поездов и прочий сухопутный люд. Но только не сегодня.

Жуга пригляделся и мысленно поправил себя: здесь были одни моряки и никого больше. Десятка полтора, а то и два. Ни рыбаков, ни мастеровых с соседних улиц, ни заезжих купцов, ни сговорчивых на ласки девчонок из местных. Никого. И даже человек, шагнувший затворить за ними дверь, оказался не кто иной, как пропавший Курт. Он молча задвинул засов и повернулся к Яльмару.

– Тебе не стоило приходить, норвег, – сказал он и кивнул на Жугу: – Капитан хочет говорить с ним.

– А ты мне не указывай, щенок! – огрызнулся Яльмар. – Или забыл, как предо мной на брюхе ползал, пощады просил? Рано радуешься. Не видать мне Вальгаллы, если я с тобой не поквитаюсь!

И Яльмар плюнул ему под ноги. Матрос отскочил, словно ошпаренный.

Жуга не сказал ни слова. Цепкий, внимательный взгляд его голубых глаз скользил по серым угрюмым лицам немецких мореходов, по узкому проёму деревянной лестницы, по запёртым дверям и окнам.

Из-за столика у камина, столь любимого Яльмаром, поднялся ещё один старый знакомец – щербатый долговязый Гельмут. Левую щёку его украшали четыре кровавые полосы. Жуга невольно усмехнулся – ногти у Зерги были что твоя бритва.

– Стой, где стоишь, варяг, – сказал он, подойдя. – А нет, так дай сюда топор.

– А пуп не треснет? – поинтересовался Яльмар.

– Дай, говорю. А то разговора не будет.

– Отдай ему топор, – бесцветным голосом сказал Жуга и шагнул вперёд, не дожидаясь, пока Яльмар исполнит его просьбу. Он прошёл вдоль столов и остановился у камина, где в компании двоих мордovorотов сидел за кружкой пива дородный немец, одетый в хорошо пошитый синий полукафтан дорогого сукна, из-под которого выглядывала белая рубашка. Все в корчме притихли.

– Это ты хотел меня видеть? – спросил Жуга.

Ганзеец смерил рыжего паренька взглядом и поджал губы.

– Ты разбил мой корабль, – вместо ответа сказал он.

– Где девчонка?

– Ты разбил мой корабль, – словно не слыша, повторил капитан.

– Твои люди сами затеяли свару. Нас привели насильно, корабль разбил твой человек.

Мои слова есть кому подтвердить. Твоё дело неправое.

– Меня это не интересует. – Ганзеец отхлебнул из кружки и со стуком опустил её на стол. – Корабль стоил мне полторы тысячи талеров. Верни мне их.

– Ты отпустишь девушку?

– Ты вернёшь мне деньги?

– Градоправитель разрешит наш спор.

Ганзеец повернулся к ближнему громиле.

– Прикончи девку, – распорядился он так спокойно, словно заказывал очередную кружку пива.

– Стой! – рявкнул Жуга, чувствуя, как закипает в груди слепая злоба, и снова повернулся к капитану: – Так вот вы, значит, как... Видно, правду говорят – нельзя с вами по-людски.

– Ты всё сказал? – скучающим тоном осведомился тот, встал и снова кивнул моряку: – Прикончи девку.

Далее Жуга не думал – руки всё сделали сами. Взмах посоха – и громила рухнул на пол с разбитой головой. Второй успел схватиться за нож, но тем всё и кончилось. Капитан проворно метнулся за камин, оттуда к бочкам, и прежде чем Жуга успел до него добраться, моряки опомнились и схватились за ножи.

Яльмар с криком «Один!» отшвырнул двоих ганзейцев, стоявших рядом, схватил тяжёлую скамью и с ней наперевес ринулся в драку. Моряки прыгнули в стороны, когда доска в три пальца толщиной с гулом рассекла воздух. Норвег лишь слегка зацепил злосчастного Курта, правда, и этого хватило, чтобы немца отбросило в угол, где он и остался лежать. Кто-то замахнулся на варяга его же топором, Яльмар не глядя швырнул в него скамью и выхватил нож.

Жуга метался меж столов, кружась волчком и никого не подпуская, ножи в руках матросов словно натыкались на стену. Посох, залитый свинцом, оказался страшным оружием – он мелькал то справа, то слева, проносился над полом, словно бы ища змею в траве, а через миг

выплетал узор над головой и бил, бил с налёту, ломая руки, выбивая суставы, зубы и глаза. Яльмара вдруг осенило, что он впервые видит бедовый горецкий *самопляс*, о котором только слышал, и то нечасто, и в этот миг углядел краем глаза, как долговязый Гельмут рванулся вверх по лестнице с ножом в руке.

Норвег бился сразу с троими, да ещё двое вертелись около, и бросить нож означало верную смерть. Яльмар сделал первое, что пришлось в голову. Шлем викинга взлетел, подброшенный мощной рукой, и настиг ганзейца на середине пути.

Он мог бы просто попасть и сбил бы с ног, не будь увенчан грозными рогами. Бросок был так силен, что один из них до основания вошёл немцу в спину. Тот выронил нож и повалился, цепляя перила.

А ещё через мгновение ярл завладел топором, и теперь уже травник понял, почему враги прозвали викинга Олав Страшный.

Оба пропустили момент, когда врагов меж ними не осталось – лишь десяток неподвижных тел в углах корчмы, залитый кровью пол и распахнутая дверь.

Яльмар опустил секиру.

– Посмотри наверху, – сказал он, вытирая пот и тяжело дыша. – И побыстрей, а то ещё стража нагрянет. А я пока тут покараулю...

Он огляделся, сунул топор за пояс и подошёл к Гельмуту. Рывком освободил застрявший в теле шлем, вытер кровь с изогнутого рога, вынул нож и принялся срезать кошель.

Жуга кивнул и двинулся наверх.

* * *

В первой комнате не было никого. Пустой оказалась и вторая. Открыв третью дверь, Жуга обнаружил там хозяина «Трёх Подков» вместе с женой и дочерьми. Женщины, и без того напуганные захватом корчмы и шумом снизу, испуганно притихли, заведя на пороге взъерошенного рыжего парня в драном полушубке, с окровавленным посохом в руках. Сам хозяин лежал на кровати с разбитой головой, живой, но без памяти. Жуга не стал ничего говорить и двинулся дальше, оставив дверь открытой. Повозившись с засовом, он открыл пятую и последнюю дверь и облегчённо вздохнул – Зерги была здесь, лежала на кровати, связанная по рукам и ногам. Рот ей для пущей надёжности тоже заткнули тряпкой. Жуга вытащил кляп, вынул нож и взялся за верёвки.

– Всё-таки пришёл... – занемевшим языком пробормотала Зерги и вяло улыбнулась. – Я уж думала, Яльмар тебя отговорил.

– Зря ты так. Он сейчас внизу.

– И вы что... всех? – Жуга кивнул. – Вдвоём?!

– Вдвоём. – Нож разрезал последнюю верёвку, и девушка села, растирая багровые запястья. – Ты как себя чувствуешь?

– Замёрзла. – Она зябко поёжилась и провела языком по сухим губам. – И пить хочется.

– Сейчас поищем чего-нибудь. Идти можешь?

– Могу... Ой, кажется, нет...

– Держись за меня.

Опираясь на Жугу, девушка кое-как дохромала до лестницы и остановилась в изумлении, заведя, какой раздрай учинили двое друзей.

– Господи... – пробормотала она, едва не наступив на тело Гельмута, и побледнела. Посмотрела на Жугу.

– Остальные сбежали, – хмуро сказал тот.

– Их же было десятка два! Вы запросто могли погибнуть!

– Они хотели тебя убить.

Яльмар сидел за столом посреди этого разгрома и сосредоточенно складывал столбиками трофейные талеры, время от времени хмурясь и шевеля губами. Завидев обоих, он помахал рукой и вылез из-за стола.

– Что два десятка собак против двоих мужчин! – фыркнул он. – Привыкли скопом нападать, вот и поплатились. А если б...

– Яльмар!!!

Девушка первая заметила движение и вскрикнула, предупреждая, но было поздно – лежавший в углу моряк вскочил и бросился на викинга со спины. Рука с зажатым в ней тесаком змеей метнулась вперёд, и две пяди отточенной стали со скрипом вошли варягу в бок по самую рукоять. Прежде чем Жуга понял, что произошло, и рванулся на помощь, Курт (а это был он) одним прыжком перемахнул опрокинутый стол, раскрыл дверь и пропал в пелене летящего снега.

Яльмар покачнулся, зажимая рану, оглянулся недоумённо и медленно осел на пол.

– Трусливая шавка... – пробормотал он. – В спину...

Жуга скинул и сунул варягу под голову полушубок, стянул рубашку, оторвал от неё две широкие полосы и опустил на колени. Яльмар протестующе двинул рукой.

– Не надо, – сказал он и поморщился. – Всё, Жуга. Отвоевался я. Не зря собака выла...

– Ты кончай такие штуки, ты давай не помирай! – прикрикнул на него травник и повернулся к Зерги: – Голову держи!

– Без толку... всё это... – Силы быстро покидали викинга. – Знаю я... эти ножи... – Яльмар закашлялся – горлом пошла кровь – и поискал рукой. – Топор... – сказал он, поймав вопросительный взгляд Зерги.

– Дай, – не глядя кивнул ей Жуга.

Девушка с трудом вытащила топор и вложила варягу в руку. Широкие пальцы сомкнулись на рукояти мёртвой хваткой. Яльмар приподнялся и сел, собрав последние силы.

– Один! – крикнул он, вскинул топор в последнем приветствии и рухнул недвижим.

Топор с тяжёлым стуком упал на пол.

Кровь перестала течь из раны.

Норвег был мёртв.

Жуга посмотрел на девушку, на посох, лежавший рядом, опустил окровавленные руки и отвернулся.

Сколько можно отвечать смертью на смерть? Поди теперь разбери, кто всё это начал. Вот ещё одна, ну а зачем? Или всё-таки не он это творит? А тогда кто? Кто?

Он посмотрел на Зерги – в глазах у девушки стояли слёзы – и вздохнул. Может, права девчонка? Где он теперь, тот Ваха-рыжий, что пришёл с Хоратских гор? Ищи ветра в поле... А кличка прирастает. Раз, два – и вот уже никто не помнит имени. Три, четыре – и вот ты сам его забыл. Пять, шесть – и вот уж нет имени вовсе, а лезет ниоткуда новое прозвание, и хорошо ещё, если ты сам его себе сыскал по сердцу, по уму, по совести. А назвался груздем, полезай в кузов – живи так, как назвали. Дело известное: вещь без имени – не вещь, а имя всегда попросит тела. А там и вовсе поминай как звали.

Тело. Приходящий-Во-Сне тоже говорил о теле.

Жуга потряс головою и сжал кулаки.

– Что ж, – сдавленно сказал он, – ты выиграл, колдун.

И медленно добавил, глядя в никуда:

– Приходи.

* * *

Чувство Силы возникло внезапно, словно кто-то в единый миг вытеснил Жугу прочь из его головы. Но на сей раз травник не просто наблюдал за тем, что происходит. Он запоминал. Запоминал, откуда идёт и куда вливается горькая серая струя неведомой мощи, а чужая память нащёптывала, как её вызвать. Запоминал, как с тихим шорохом сходятся края рассечённой плоти, как ищут и находят друг друга концы разорванных сосудов, как движется кровь и как маленькая молния терзает стынувшее сердце: бейся! бейся! И всё время кто-то еле слышно шепчет в голове, а у тебя или у Яльмара – не понять: дыши, дурак, дыши! теперь всё, теперь можно...

Теперь уже можно... позвать.

Первое, что Жуга увидел, вернувшись, были широко раскрытые глаза Зерги. Он опустил взор и еле сдержал радостный крик: норвег дышал! Там, где недавно зиял широкий разрез, теперь багровел неровный рубец.

– Ты... – Зерги коснулась викинга и посмотрела на Жугу. – Как тебе это удалось? – Внезапно её осенило, и девушка испуганно отдернула руку. – Скажи, я тогда тоже... вот так?

Сил говорить у Жуги не было, и он лишь кивнул в ответ.

– Ох... – Ладонь её метнулась ко рту. – А я-то не могла понять! – Она помолчала, прежде чем спросить о главном. – Так это был... он?

– Да.

– Мой бог... – Она запустила пальцы в волосы и отвернулась. – Ты всё знал с самого начала? Знал и молчал?

– Это ты вызвала его?

– Я не знала! – выкрикнула она. – Я... я...

Жуга кивнул. Всё встало на свои места.

– Ты хотела вернуть Веридиса, – сказал он. – Колдунья-недоучка, потеряла голову вместе с любимым человеком. Да... – Он посмотрел на Зерги. Та молчала, потупившись, и Жуга продолжил: – Ты открыла Путь, не подумав, что кое-кто уже лет двести ждёт у запертой двери. А потом...

– Я испугалась... – прошептала Зерги, в бессилии до хруста ломая пальцы. Опустила руки. – Просто испугалась. Он... он хотел...

– Я знаю. – Жуга кивнул. – Не вини себя. Я сам трижды открывал эту Дверь. Один раз мне помог Бог, один раз – человек, и один раз – эта штука. – Он поднял руку с браслетом. – А ты была одна. Ума не приложу, как тебе это удалось, хотя... – Он помедлил.

– Что?

– Ничего. – Жуга вздохнул и помотал головой. Взярошил волосы рукой. – Боль и отчаяние... Да. Они могут сделать многое. – Он посмотрел на Зерги. – Ты родилась и выросла здесь. Ты должна хоть что-то знать про этого... Кто он? Для чего вернулся? Что за битву проиграл?

– Я не знаю... Впрочем, погоди! – Она нахмурилась. – Ты сказал – двести лет?

Жуга пожал плечами.

– Может, меньше.

– Башня Ветров... – пробормотала Зерги и закусила губу.

– Что?

– Очень давно на месте теперешнего маяка стоял замок. Его построил один чародей. Сейчас уже никто не помнит его имени. Говорят, он хотел всех осчастливить и боги покарали его за гордыню. Да, кажется, так. Был бой – он один сражался с ними всеми. Про него ещё песня сложена. Подожди, сейчас... Вот!

*Ночь подняла над башиной чёрный свой стяг —
Свой истинный крест, свой подлинный флаг.
Три армии собрались на расправу в ночь —
Три чёрных начала, три дьявольских сна,
Три чёрных начала адских трёх рек.
Что мог с ними сделать один человек?..
Сойдёмся на месте, где был его дом,
Где трава высока над древесным углём,
И зароем нашу радость в этом чёрном угле,
Там, где умер последний человек на Земле...¹²*

— Вот как... — Жуга помрачнел. — Осчастливить, значит... Зря он за это взялся. Мог бы и сам понять — хоть маг, а тоже человеком начинал. А у людей вечная забава землю делить, кроить да штопать заново, огнём и сталью, волшебной и просто силой рук... А небо — вот оно, режь его ломтями. Что, не получается? Вот то-то...

— Что теперь?

— А теперь я пойду. — Жуга встал и надел полушубок. Подпоясался кушаком. Поднял посох.

— К-куда?

— Колдун внёс свою плату, пора и мне долг возвращать. — Он взглянул ей в глаза и вздохнул. — Сегодня ночь большого прилива. Теперь я должен выиграть эту битву. Выиграть или погибнуть.

— Но почему?! Ты же сказал, что взять тебя он не в силах!

— Зато в силах взять тебя.

— А он может?..

Ответить Жуга не успел. Яльмар сел рывком, дико вращая глазами, лихорадочно ощупал себя с ног до головы и вытаращился на Жугу.

— Один и Фрея! — прохрипел он. — Ты?!

— Я. — Жуга невольно улыбнулся.

Яльмар спешно задрал на боку рубаху и поскрёб ногтем багровый рубец.

— Боги! Ты воистину великий ворлок!

— Как ты себя чувствуешь?

Яльмар отмахнулся, встал, расшвыривая скамейки, и двинулся к бочкам.

* * *

Снаружи бесновался ветер. Мело. Дождь со снегом пополам сменился сухим нездешним порохом поздней метели. Улицы опустели окончательно. Галлен затих в холодном сне, укрытый серым покрывалом зимних туч. Темнело. Часы на ратуше пробили шесть и смолкли, словно испугавшись собственного голоса, и только с берега доносился тяжёлый размеренный грохот прибоя.

По снегу, летящему с неба, шли трое: Жуга впереди, Яльмар и Зерги следом. Травник шёл без шапки, с босой головой. Казалось, он совсем не обращает внимания на снег и ветер. Девчонка же, наоборот, подняла капюшон. Последним шёл варяг. Он ещё не совсем оправился от удара, шатался, но остаться в корчме отказался наотрез.

— Ещё чего! — фыркнул он, едва Жуга об этом заикнулся. — Чтоб я да тебя, да одного... И думать не моги!

¹² Стихи Ильи Кормильцева из песни «Последний человек на Земле».

Яльмар осушил пару-тройку кружек пива, сжевал что-то на кухне и снова рвался в бой. Куртка его заскорузла от крови, но варяг не обращал на это внимания. Если б не разрез на ней, длинный и неровный, можно было подумать, что никакой раны нет.

Что касается Зерги, то с нею говорить и вовсе было бесполезно – в одной из комнат отыскался её хваленый самострел, и при виде того, как загорелись её глаза, Жуга понял: всё – кричи не кричи, всё едино увяжется следом. Так оно и вышло. Бедовая деваха с радостным криком схватила своё сокровище, проворно сунула ногу в стремя – механизм щёлкнул, натягивая тетиву, – и вскинула арбалет к плечу. Фунтовая стрела с глухим ударом вошла в бревенчатую стену по самую пятку. Зерги усмехнулась, отбросила рукою волосы с глаз и повернулась к травнику.

– Я с тобой, – коротко сказала она.

Спорить Жуга не стал.

Городская стража так и не явилась.

– Куда идём? – спросил Яльмар.

– До маяка. – Жуга вдруг посмотрел на небо. – Не зря спешил колдун, ох, не зря... – Он поёжился. – Не опоздать бы.

– Он... где сейчас? – повременив чуток, спросила Зерги.

– Где-то рядом, – пожал плечами Жуга.

Зерги надулась:

– Не смешно.

– А я и не шучу. Он тут, со мной.

Жуга шёл без всякой хромоты, худой, поджарый, нёс посох под мышкой. Холодный ветер трепал его рыжие волосы.

– Это как? – опешил Яльмар.

– Так. – Жуга пожал плечами. – Дверь открыть – половина дела. Чего стоит душа без тела в этом мире? Дым-туман, одно название... Сколько их таких вокруг! Кабы все они силу имели, житья бы от них не было. Дух, он ведь телом силен.

– Но как он тогда всё поджёт?

– Господи! – Жуга остановился и так резко обернулся, что варяг с девчонкой чуть с разбегу на него не налетели. – Да неужели вы ещё не поняли, что сами дали ему силу? Он ведь искал, долго, упорно искал, а попадались крохи. Искорки. Порой и этого хватало, чтобы дело сдвинулось. Цыганчонок подпалил свою кибитку, ясно вам? Цыганчонок. И дом волшебника сожгла ты, Зерги. А ты, Яльмар, спалил свою ладью.

– Что?! – поперхнулся викинг, отшатнувшись. – Да ты в своём уме? Клянусь Одноглазым, не слышал я большей нелепицы! Чтобы я свой драккар!..

– Ну, не нарочно, конечно.

Травник не договорил. Сквозь шум прибоя донёсся топот, и все трое обернулись. Яльмар было потянул из-за пояса топор, но тут же плюнул и сунул его обратно: из плотной снежной завесы вынырнул запыхавшийся Янек.

– Подождите! Я с вами!

– Тебя мне только не хватало! – Жуга схватился за голову и отвернулся. – Я – это понятно, я обещал, но вы-то куда лезете?! Не надо вам идти, слышите? Не надо!

– Глупо идти в бой одному, – хмуро сказал варяг.

– Мне помогут. Три ветра будут там со мной.

– Три? – спросила Зерги. – Почему только три?

Жуга посмотрел ей в глаза.

– Я – четвёртый ветер, – просто сказал он.

* * *

До маяка добрались быстро – дорога шла под горку, даже ветер не так досаждал. Взошла луна. Тяжёлые волны бились у самого подножия чёрной башни – большой прилив! Огонь пылал высоко вверху, сигналиа кораблям, потерянным в ночи, да только не было в море кораблей. Прибой доламывал остов выброшенного на берег когга, другой корабль всё ещё стоял на рейде. На миг Яльмару показалось, что на палубе блеснул огонёк, но только на миг. Сколько он ни таращил глаза, разглядеть больше ничего не удалось.

В башне царила темень. Жуга задержался у входа, осматриваясь, и уверенно двинулся вверх по ступенькам. Никаких ворот внизу не было и в помине, но на первой же площадке путь преградила массивная дверь из сосновых досок, запертая изнутри. Жуга стукнул в неё пару раз кулаком и сразу понял, что вряд ли кто расслышит этот стук за грохотом прибоя.

Широкая ладонь Яльмара легла ему на плечо.

– Дай я.

Тяжёлый обух топора ударил гулко раз, другой, и вскоре с той стороны послышались шаги. Лязгнул засов, и в проёме приоткрывшейся двери возникла тёмная сутулая фигура с фонарём в руке. Неверный жёлтый свет выхватил из тьмы лицо, худое, всё в морщинах, как печёное яблоко, и тёмное от угольной пыли.

– Многие лета тем, кто живёт во тьме, – глухо сказал Жуга. – Впусти нас, старик.

Тот молча посмотрел на него, перевёл взгляд на Яльмара, на Зерги.

– Кто вы такие? Вас здесь не ждут, – хрипло сказал он.

– И всё же впусти нас. Мы проделали долгий путь.

– Я сказал... – начал было старик и осёкся на полуслове. Жуга шагнул вперёд. Ни Зерги, ни Яльмар, ни тем более Янек не видели в тот момент его лица, но всем троим показалось, что и голос и фигура Жуги изменились. Фонарь в руке зрителя поднялся выше, старик сощурился подслеповато, разглядывая незнакомца, вдруг отшатнулся и, прежде чем кто-то успел сделать шаг, захлопнул дверь и с лязгом задвинул засов.

– Проклятие! – Жуга ударился плечом и сжал кулаки.

Яльмар намётанным глазом окинул дверь и хмыкнул: петли широкие, доски крепкие, в два ряда, вдоль и поперёк. Дело сложное, но если постараться...

– Дай я попробую. – Он снова вынул топор.

– Стой, где стоишь! – коротко бросил Жуга.

Голос его хлестнул бичом, заставив варяга замереть на месте, он даже удивиться не успел. Жуга помедлил краткий миг, негромко что-то произнёс, дважды глубоко вздохнул и... шагнул вперёд.

Брызнули щепки. Зерги ахнула, Янек вскрикнул испуганно, и даже у видавшего виды варяга отвисла челюсть при виде того, как Жуга прошёл сквозь дверь, оставив узкий неровный пролом с лохматыми краями. На краткий миг оставшиеся трое ощутили, как потоки силы сквозняком пронзили их и умчались прочь. Друзья переглянулись и молча полезли следом. Жуга меж тем шагнул к онемевшему зрителю и протянул руку за фонарём.

– Дай, – требовательно сказал он. Зритель повиновался. – Почему ты закрыл дверь?

Старик пожевал впалым ртом. Поднял голову, посмотрел на Яльмара, на Жугу и потупил взор.

– Испугался.

– Что ж, ответ правдивый. – Жуга усмехнулся. – А теперь уходи. Я не держу на тебя зла.

Ни слова не говоря, зритель спешно шагнул за порог и исчез в темноте. Жуга протянул фонарь варягу.

– Возьми. Ступеньки крутые.

– А как же ты?

– Я и так всё вижу.

Они поднимались осторожно, медленно, чувствуя ладонями, как вздрагивает при каждом ударе волн холодный камень старых стен. Перил не было, узкая каменная лестница обрывалась в пустоту: башня оказалась полой. С верхней площадки спускались канаты подъёмника. Мощный поток воздуха шёл снизу вверх, словно в печной трубе. Впрочем, это и была труба – иначе пламя наверху давно б погасло, сбитое дождём и ветром.

Вершина башни объявилась неожиданно – огороженная зубчатой стеной площадка шесть на шесть шагов и обжигающий огонь посередине. В углу, заботливо укрытые промасленным чехлом, стояли припасённые клетки с углем.

Жуга словно забыл о спутниках. Он прошёлся туда-сюда, остановился у восточной стены и взялся за лопату. Подбросил угля в огонь, встал к нему спиной и поднял посох. Он стоял неподвижно, глядя в темноту, и Зерги не могла взять в толк, как он выдерживает обжигающий жар с одной стороны и леденящий холод ветра с другой, затем будто кто шепнул на ухо: «Не так! Смотри по-другому!» Вспомнились уроки Веридиса. Короткий наговор – и ей внезапно стало видно, как весь этот жар, сплетаясь в тугой, невидимый глазу жгут, уходит в темноту из рук, держащих посох. Жуга молчал, стиснув зубы и закрыв глаза, пот градом катился по его лицу, высыхая на ветру, и Зерги вдруг поняла.

Это был *вызов*.

На дальних берегах, в пустотах гор, в пучине океана, в чаще леса открывали глаза спящие твари – призраки былого. Поднимались и неслись, расправляя крыла, спешили на бой, чуя издали Древнюю Кровь.

Все континенты могут лежать на дне, но древняя ярость от того не уменьшится. Не враги, так призраки врагов придут на битву. Теперь Зерги понимала, что чувствует Жуга – колдун ведь тоже был один в той битве. Кто знает, кому перешёл дорогу павший чародей, в чьи дела вмешался – людей, богов?... Да и так ли это важно? Он потерял всё разом – жизнь, жену и нерождённого сына, о каком покое могла после этого идти речь?

И он вернулся.

«Искорки», – припомнилось вдруг ей. Малые крохи. Она посмотрела на Жугу и почувствовала, как по спине забегали мурашки. Если они – варяг, цыган и ученица колдуна – лишь искорки в ночи, то кто этот рыжий странник, вышедший за них на бой?

А в следующий миг пришли *они*.

* * *

Нападавшие стали видны внезапно, словно подняли заслонку, их скрывавшую. Их было много, бесконечно много самых разных существ. Казалось, сам воздух оцетинился когтями и клыками. Бились крылья, кривились слюнявые пасти. Зерги не знала, куда смотреть, да и не хотелось смотреть – ей было страшно смотреть на этот жуткий нескончаемый поток. Где, когда, зачем и кто их сотворил? Или...

Или они были всегда?

Взор не мог оторваться от этих полчищ – была в их уродстве некая чуждая, дикая и ужасная красота – красота бесконечной ярости и страха, ибо, в конце концов, от чуда до чудовища тоже всего один шаг.

Посох Жуги взметнулся, принимая удар, и первые ряды врагов исчезли, сметённые огненным потоком. «Я – четвёртый ветер!» – вспомнились девушке слова рыжего странника, а в следующий миг костёр начал угасать. «Огня!» – не оборачиваясь, страшным голосом вскричал Жуга. Яльмар огляделся суматошно, метнулся в угол, схватил в охапку корзину с углем и вывалил в костёр почти половину.

Зерги не помнила, сколько времени длился бой, помнила только, как Жуга вдруг пошатнулся, и тварь – маленькая, не больше крысы, но с огромной пастью, – прыгнула ему на спину.

Больше она не думала. Арбалет сам взлетел к плечу, стрела настигла бестию в прыжке и унесла в темноту.

– Не смей! – Жуга обернулся и встал, отбиваясь, огромный, страшный. – Это... моя... битва! Или хочешь... погибнуть тоже?!

Но было поздно – Яльмар одним прыжком достиг южной стены, через которую валили всё новые монстры, руна грома блеснула на лезвии, и в следующий миг викинг с диким криком «Один!!!» врубился в самую гущу врагов, разя направо и налево.

А через миг оглушающе хлопнул бич, сметая тварей с северной стены.

Отступать было поздно: они стали четырьмя.

...Порывы западного ветра, крутящийся огненный посох, бросок и отскок, удар за ударом туда, где никто не ждёт...

...Тяжёлый, страшный удар ледяного топора с бескрайних северных равнин, сполохи на лезвии, вечная стылая выюга-пурга, костенелые пальцы, мороз до костей, до кончиков...

...Гибкий перехлест южных ураганов, танец змеи и хлыста, чёрный завиток хвостатой бури, срывающей крыши с домов, секущий глаза песчаной плетью пустыни...

...Восточные грозы, косою завесой летящий ливень белых стрел, и молнии, которые таятся в чёрном колчане...

Ветер! Холодный чистый ветер собирал свою жатву!

Далеко внизу мелькнуло белое пятно поднятого паруса: корабль в гавани снялся с якоря. Ганзейцы уходили в шторм. Жуга усмехнулся. Камень на его браслете пылал. Восьмилучевая звезда – роза ветров. Они сами выбрали свою судьбу, сорвав её с браслета. Этот корабль не утонет, ему суждена другая судьба. Ему долго не увидеть берегов. Очень долго.

Может быть, вечно.

Жуга крепче сжал посох, смерил прищуром глубокие пасти и вновь обернулся к стене.

Они стояли у огня, на вершине башни, плечом к плечу, отбивая атаку за атакой.

Четверо.

Вместе.

И почему-то на сердце у них было очень легко.

* * *

В старом доме на улице жестянщиков, в маленькой комнатке под самой крышей проснулся мальчик. Он долго лежал без сна, с замиранием сердца прислушиваясь к грохоту за окном, затем набрался храбрости и выглянул наружу, в любой момент готовый юркнуть обратно в спасительную темноту старого одеяла.

– Мама? – робко позвал он, шурясь на пламя свечи.

Мать, худая темноволосая женщина с серыми глазами, самый ласковый и добрый человек в мире, отложила вязанье, поправила на плечах тёплую серую шаль и подошла к кровати.

– Что, сынок?

– Мне страшно, мама! – пожаловался он. – Что гремит?

Женщина вздохнула.

– Это гроза.

Глаза мальчишки округлились.

– Разве зимой бывает гроза?

– Бывает. – Она улыбнулась. – Это зимняя гроза.

– А нас не убьёт?

– Не бойся. – Она подоткнула одеяло, наклонилась и поцеловала сына в лоб. – Она нас не достанет. Спи.

Успокоенный, мальчик откинулся на подушки.

– Только ты посиди со мной, – попросил он. – Ты не уходи.

– Я здесь. – Она улыбнулась. – Я рядом.

Он долго лежал без сна, испуганно вздрагивая всякий раз, когда снаружи особенно громко бухало, но вскоре глаза его против воли начали слипаться, он зевнул раз-другой, улыбнулся и вскоре засопел. Мать посидела у кровати, осторожно высвободила руку из цепких детских пальцев и подошла к окну. Сдвинула занавеску и долго смотрела, как бьют раз за разом в вершину старой башни слепящие стрелы молний – прямо в огонь маяка. Вздохнула, перекрестясь, сняла щипцами нагар со свечи и снова взялась за рукоделие, но работа не шла.

Она родилась в этом городе и прожила всю жизнь, но никогда не видела ничего подобного. Ей было по-настоящему страшно.

И сотни мужчин и женщин в Галлене вздыхали, молились, ждали и не могли дожидаться, когда же, ну когда настанет утро...

* * *

Был день. Настоящий, солнечный, почти безветренный – из тех ласкающих душу дней, что иногда случаются среди зимы, хотя до весны ещё далеко. Жители Галлена открывали окна и двери, недоверчиво косились на небо, но нет – ни единое облачко не нарушало хрупкую синеву до самого солнца. Море искрилось мелкими блёстками, сменивши гнев на милость. Волны лениво набегали на берег, вороша песок и гальку, и с тихим шорохом откатывались обратно. Ожил и загомонил, сперва робко, затем в полную силу притихший рыбный рынок, на берегу уже расправляли сети рыбаки, и мало кто заметил исчезновение ганзейских кораблей – ушли и ушли, и бог с ними.

Обрывистый каменный нос далеко выдавался в море, скрывая и город, и порт, и даже башню маяка. Голые скалы здесь сменялись травянистыми пустошами, кустарником и чахлым редколесьем. На плоской бесснежной вершине холма сидели двое – рыжий парень в полушубке, с посохом в руках, и девушка, одетая в мужские штаны и зелёную куртку. Слышался негромкий разговор.

– Яльмар корабль покупать надумал. Знаешь?

– Знаю. – Парень кивнул. – Он мне уже похвастался. Сторговал чуть ли не за полцены какой-то кнорр или как там его... С собой звал, да я отказался – не по душе мне море. Мне бы лес да горы, а если уж вода, так мне и озера хватит.

– Бр-р... – Девчонку передёрнуло. – Не люблю лес. Всё время кажется, будто за тобой следят из-за деревьев.

– А я, наоборот, не понимаю, что ты в море находишь.

– Ты здесь летом не бывал. Вот где красота! Море тёплое, ласковое. Выйдешь поутру, посмотришь, и душа не нарадуется, до чего ж хорошо!

– Может, ещё побываю, – вздохнул он и посмотрел на собеседницу. – А ты куда теперь? Или в город вернёшься?

– Вернусь, – кивнула та.

– А жить где? Хотя постой... – Жуга нахмурил лоб. – Та лачуга, где мы ютились... Неужто твой прежний дом? Ну, конечно! – Он хлопнул себя по лбу. – А я-то голову ломал, откуда там дрова, вода, одеяла... Ну останешься, а дальше что?

Девушка пожала плечами.

– Попробую ещё раз.

– Ещё раз что? Уж не Веридиса ли вернуть?

– Да. Не смотри на меня так. Я теперь сильнее и, наверное, умнее, чем была.

– Ты гонишься за мечтой. Может, даже за несбыточной.

– Я знаю, – негромко сказала Зерги и вздохнула. – Но это лучше, чем вообще не знать, о чём мечтаешь. – Она вдруг встрепенулась. – Скажи, Жуга... в тот раз, помнишь, ты говорил, что трижды открывал Дверь... Для кого?

– Всякое бывало, – уклончиво ответил тот. – Не хочется вспоминать.

– Ну всё-таки! Хотя бы в первый раз – для кого?

– Для себя.

Девушка закусила губу и потупила взор.

– Значит, ты тоже побывал там? – Жуга не ответил. – Ну а потом?

– Потом – для друга, но это вообще другая история. А в третий раз... Мне бабка-травница помогла. Мальчонку мы одного *вернули*, да только сама она вместо него ушла. Вот такое вот... – Он сжал пальцы и умолк. – Не надо тебе с этим делом играть. Раз обожглась, и хватит. Вдругорядь так не повезёт.

– Я буду осторожной. Обещаю.

Некоторое время лишь ветер и шелест прибоя нарушали тишину. Наконец Жуга поднял голову.

– Зерги...

– Что?

– Я хочу быть с тобой, – сказал он. – Ты знаешь, я давно хотел сказать... Не знаю...

– Не надо, Жуга.

– Почему?

– Всё ушло. Это был сон. Забудь, не вспоминай об этом. Так будет легче и тебе и мне.

– Мне будет трудно тебя забыть.

Та пожала плечами.

– Не забывай.

– Мне больно будет вспоминать.

– Не вспоминай.

– Но я так не могу! Тебя послушать, так всё проще некуда, а я всё никак не научусь прощаться с теми, кого любил... Прости.

– Незачем просить прощения – это я, дура, всех запутала, и себя, и тебя тоже. А всё оказалось не так. Я всё ещё люблю его.

– Как мне вернуть тебя?

– Заколдуй меня, – предложила та. Серые глаза смотрели прямо и серьёзно, почти просительно. – Приворожи. Ведь ты можешь.

Тот помотал головой.

– Это будет нечестно.

– Зато просто и легко. Ты же знаешь моё имя. Или нет?

– Знаю. – Жуга кивнул и улыбнулся грустно. – Знаю, *Алина*. Чтобы вернуть человека, всегда надо знать его истинное имя.

Зерги прищурилась в лукавой усмешке.

– Ты ошибся всего на одну букву.

– Да неужели? – Жуга склонил голову набок и придвинулся поближе. – Сказать, на какую, или не надо?

– Ну и хитрила ты! – Зерги рассмеялась и замахнулась в притворном гневе. Жуга поймал кулак на полпути, и оба, сцепившись, с хохотом и визгом покатались вниз по склону – небо и земля закружили в безумной карусели – и остановились только возле самой воды. Сели, отряхиваясь и отплёвываясь, продирая залепленные снегом глаза.

– Дурило гороховое! – буркнула Зерги, выскребая из-за шивороты мокрый снег. Выскребла, швырнула в травника. Тот увернулся.

– Ну так с кем поведёшься...

– Ну тебя! Смех один с тобой.

– Хорошо хоть не слёзы. – Он вздохнул и улыбнулся. – Грустная у нас с тобой вышла история. С несчастливым концом.

– Это только в сказке всё хорошо кончается. В жизни весёлого мало. Каждый ребёнок едва родился, а уже плачет. Хоть бы один засмеялся. – Зерги придвинулась ближе, протянула руку, взъерошила его рыжие волосы. Холодные пальцы тронули шрам на виске. Жуга молчал, глядя девушке в глаза. – Глупый, глупый маленький лисёнок... – Она улыбнулась. – Что тебя тянет? Куда ты идёшь? Что за мечты тебя влекут?

– Если б я знал это сам... Да и нет у меня никаких мечтов... мечтей... мечт... тьфу ты, чёрт! – Вконец запутавшись, он рассмеялся и взял её руку. Прижался щекой к ладони и умолк.

Зерги задумалась, вспоминая, и вдруг встрепенулась.

– Что?

– Да так... Вспомнилось одно старинное присловье. Подумалось вдруг: а ну как тебе пригодится.

– Какое присловье? – Жуга насторожился.

Зерги улыбнулась и прочла:

*Четыре есть зверя и времени года,
У каждого место своё и порода:
Волков встретишь к помощи,
Псину – к беде,
Медведь спросит строго и плату возьмёт,
А лисы помогут, да всё не тебе.*

– Как-как? Помогут, да всё не тебе? – Жуга задумчиво потёр подбородок. – Интересно... хоть и не совсем понятно. Там было ещё что-нибудь?

Зерги пожала плечами.

– Может, было, я не помню.

Взгляды их встретились, и оба сразу умолкли.

– Береги себя, – неловко сказала Зерги.

– Мы увидимся снова? – спросил, помолчав, Жуга.

– Кто знает? – ответила она и тихо повторила: – Кто знает...

Жуга ничего не сказал.

Они стояли, мокрые, в снегу, стояли и смотрели друг на друга.

А ветер пел высоко вверх свою вечную песню.

Они стояли и смотрели.

А ветер пел высоко вверх.

Они стояли.

А ветер пел.

Они...

...и ветер.

Оправа: Говорящий

6

На сей раз медведь молчал довольно долго.

«Это тоже стихи?» – спросил он наконец.

– Какие?

«Про меня и про других».

– Да.

«Нам, сухопутным, рыбу не понять, и плавать поверху на деревянных досках тоже дело глупое. Хотя откуда вам быть умными? А пиво ваше доводилось мне пробовать. Горчит, но вкусно, пахнет хмелем и приятно животу. А женищина... Гм... Трудно разобраться. И почему-то мне немного больно. Ах-р!!! Ну конечно – боль! Вот, вот чему сродни вся ваша дружба. Да. Это я понимаю. А тебе? Тебе разве не было больно?»

– Издеваешься? Конечно, было.

«Так почему ты не бросил это всё?»

– Легко тебе говорить! – Травник уселся поудобнее. – Что ты знаешь о любви? У вас, зверей, всё просто – вы ищете себе пару, только если настанет такое время, гон. А после гори оно огнём! Своих детей сожрать готовы.

«Не говори мне про огонь!»

– Хорошо, не буду. Но сам посуди, разве я не прав?

«А разве вы порой не убиваете своих детей?»

Жуга промолчал. Затем заговорил, медленно, нехотя:

– Я пробовал забыть. Я был в отчаянии. Хотел начать жить заново. Не вышло. Это сильнее меня.

«Не надо злиться. Просто я хочу понять, зачем ты всё это делаешь. Когда ты сам поймёшь себя, вопросы станут не нужны».

Травник поднял взгляд на зверя.

– А может, я тоже один из вас? Такое возможно?

Медведь покачал головой:

«В тебе нет волчьей прямоты, зла псов и жадности медведя».

– А как насчёт лисиц?

Враг моего врага

Всю ночь, весь день и всю вторую ночь мела метель, вздымая юбками в прощальной кутерьме лежалый серый снег, кружилась вихрем, провожая зиму-госпожу последней пляской, и лишь к утру на третий день уgomонилась наконец.

В густом лесу царил тишь. Снег лежал на поляне повсюду: на старых пнях, торчащих тут и там, на согнутых ветвях деревьев, на плоских, щербатых от времени камнях старого дольмена. Был снег тяжёлым, ноздреватым, каким ему и полагается быть в конце февраля, и уже не хрустел под ногой здоровым зимним огурцовым хрустом, только проседал со скрипом, тяжело, неприятно.

Всходило солнце.

Сорока на ветвях суматошно завертела головой, слишком поздно услышав шаги, расправила крылья и взлетела, стрекоча, сверкая белыми боками. Мелькнула меж деревьев и уселась на макушке высокой ели, с любопытством глядя вниз, где показались люди.

Двое вышли на поляну одновременно с разных сторон, один с севера, другой с юга. Шагнули на нетронутый снег и остановились, молча глядя друг на друга.

Они были похожи, эти два странника. Очень похожи. Перепутать их было проще простого – оба рыжие, кудлатые, худые телом и лицом, обоим можно было дать на вид лет двадцать. Они могли бы быть братьями, и даже шрам, косой чертой пометивший висок пришельца с юга, в точь повторял такой же у второго странника.

Но была между ними и разница.

Пришедший с севера одет был в старый полушубок, местами порванный и кое-как зашитый, выглядел усталым, словно после долгого пути. Бог знает, где и как провёл он нынешнюю ночь, спасаясь от холода и ветра, вероятно, где-нибудь в стогу. В буйных рыжих волосах, не знавших гребешка по меньшей мере две недели, застряли ломкие золотистые соломинки. В руках его был посох, за спиной котомка.

Второй казался моложе, волос имел покороче, шёл налегке, а одет был совершенно не по погоде – в серые домотканые штаны, рубаху и мохнатую безрукавку белой овчины. Имей сорока чуть больше соображения, чем отпущено глупой птице, её непременно удивила бы ещё такая нелепость: следов на снегу он не оставлял.

Они сошлись посреди поляны и встали там, лицом к лицу, где замерли в извечном хороде серые круги руин. Странник с юга первым нарушил молчание.

– Зачем ты здесь? – спросил он тихо.

– Пришло время, – медленно ответил другой, – и я вернулся.

– Всё возвращается на круги своя, – кивнул парень в безрукавке. – Чего ты хочешь теперь? Помощи?

Тот покачал головой.

– Совета, – сказал он.

– Глупо спрашивать совета у себя самого.

– Не так уж и глупо. Ты – это не совсем я, а я – совсем не ты. Ты можешь войти туда, куда я и заглянуть боюсь.

– Так чего ты хочешь? – помедлив, повторил вопрос пришелец с юга.

– Я стал другим.

– Всё меняется. Даже камни не вечны.

– Да, но... – Странник с посохом помедлил. Прошёлся пятернёй по волосам. – Это что-то другое, – наконец сказал он. – Я не тот, кого раньше звали Ваха-рыжий. Но... я и не Жуга. Или нет, не так. Жуга – это не совсем я.

Странник с юга поднял бровь:

– Почему тебя это тревожит?

– Я стал злым. Я убиваю.

– Справедливо?

– Не знаю, – ответил тот и тихо повторил: – Не знаю. Но я больше не хочу. В моей душе печаль и пустота.

– Это бывает.

– Я уже забыл, каким бывает счастье.

– А вот это уже хуже. Что ты помнишь?

– Боль.

– А ещё?

– Страх. Печаль. И снова боль. Даже любовь, и та для меня обернулась болью. Порой мне кажется, что я чувствую разлуку раньше встречи. Я мечусь туда-сюда, и всё чаще Сила вертит мной как хочет.

– Ты же всегда знал, где нужно остановиться.

– А теперь не знаю. – Он поднял взгляд. – Я просто устал от всего этого. Я больше ничего не могу дать. Я больше ничего не хочу брать. Мне хочется отбросить своё имя.

– Опасно даже просто взять себе имя. Ещё опаснее играть с ним в такие игры.

– Пускай.

– Разок ступив на этот путь, уже нельзя вернуться. Ты потеряешь больше, чем найдёшь.

– Пускай.

– У каждого своя ноша.

– Может быть. Но что за радость нести её без толку?

– Так ли уж без толку? – усомнился странник с юга.

– Пока я только убивал.

– Помогая другим!

– Так можно оправдать всё что угодно! Я так не хочу.

– А *как* ты хочешь?

– Мне надо знать, стою ли я хоть чего-то сам по себе.

– Ты видел, как растёт трава. Ты видел тени на воде и танец ветра под луной. Неужели тебе этого мало? Многие умирают, не узрев и малой толики этой красоты.

– Я видел горе, кровь и разрушения.

– Ты познал дружбу и любовь.

– Я познал разлуку и предательство.

Странник с юга покачал головой:

– С такими мыслями ты не найдёшь своего пути. Ты сам себе враг.

– Пускай так, – кивнул парень с посохом. – Но что мне теперь делать?

– Ищи того, кто враг твоего врага.

– Но ты исполнишь мою просьбу?

– Будь по-твоему.

Странник в безрукавке склонил в согласии рыжую голову и медленно растаял в воздухе. Воцарилась тишина. Тот, кого раньше звали Жуга, остался стоять, опираясь на посох, затем вздохнул, огляделся и медленно двинулся в лес, обходя седые камни.

Возле большого куста лещины он задержался, за приметив на ветке два орешка, невесть как уцелевших с осени. С минуту он молча на них смотрел, чему-то улыбаясь, сорвал их и скрылся за деревьями.

* * *

Пушистый заяц в зимней шубке вылетел стремглав на середину поляны и замер столбиком, торчком наставив уши. Вздрыгнул, услышав далёкий охотничий рог, рванул бегом и запетлял меж деревьев. Шум нарастал, приближаясь. Прошла минута, другая, и вдруг из-за кустов, захлёбываясь лаем, выкатилась свора. Злые вислоухие гончие мчались быстро, летя в прыжке над мокрым снегом. Закружили меж камней безумным колесом – след здесь раздвоился – и вскоре, выбрав из двух цепочек следов одну, продолжили погоню.

Роняя снег с еловых лап, показались трое всадников.

– Заяц, Ваша Милость, – с почтением в голосе сказал один из них – немолодой высокий ловчий. Оглядел поляну и нахмурился, задержавши взор на каменных кругах.

– Заяц! – фыркнул разгорячённый скачкой дородный мужчина в богатом, шитом золотом охотничьем кафтане. Метнул на ловчего сердитый взгляд из-под косматых сдвинутых бровей. – Какого чёрта! Ни оленя, ни вепря твои глупые псы не способны поднять! Разве это охота?!

Третий всадник – самый молодой и тяжелее всех нагруженный – почёл за благо промолчать.

– День только начался, пан Владислав... – Ловчий виновато развёл руками и поднял рог, висящий на ремне. – Отозвать собак?

– Чёрт с ними, – буркнул тот. – Какая-никакая, всё пожива. Поехали... Эге! – Он вдруг остановился посреди поляны. – А это что за след?

– Похоже, человек... – несколько неуверенно сказал ловчий, наклонился к истоптанному снегу и двинул коня на край поляны.

– Какой человек? Что он делает в моём лесу? Откуда?!

– Вся челядь погналась за той лисой, мой граф, – подал свой голос юный оруженосец, – так что этот точно не из наших.

– Собаки взяли его след! – воскликнул удивлённо ловчий.

– Отлично! – Пегие усы пана Владислава встопорщились в недоброй усмешке. Он поравнялся с ловчим и хлопнул его по плечу. – За ним!

Издалека донёсся приглушённый лай. Граф прислушался и кивнул удовлетворённо.

– Кришан! – Он обернулся к юноше. – Сзывай всех – поглядим, что за дичь нам попалась.

Оруженосец поудобнее перехватил копьё и поднял рог. Тяжёлый трубный звук гулко разнёсся в зимней тишине и замер меж ветвей. С востока ветром донесло ответный зов, и парень тронул лошадь быстрым шагом, догоняя господина.

Сорока встрепенулась, осыпая снег с ветвей, взлетела и направилась за ними – посмотреть на новую забаву.

* * *

На краю леса собаки нагнали худого рыжего парня с котомкой. Тот встал спиной к дубовому стволу и преловко отбивался посохом – одна собака дёргалась, скуля и зарывая морду в снег, другая ковыляла на трёх лапах, но остальные взяли путника в кольцо и с хриплым лаем прыгали около. Время от времени то одна, то другая бросалась вперёд и отскакивала. Полушубок странника был продран, на штанах ниже колена расплылось кровавое пятно.

Завидев эту схватку, граф рассвирепел.

– Моих собак лупить! – взревел он. – Запорю гада! Эй, Варга! Отзови псов!

Ловчий крикнул. Собаки неохотно отступили и легли на снег, ворча и огрызаясь. Сам ловчий прыгнул с коня и занялся ушибленной псиной. Рыжеволосый парень у сосны опустил посох.

– Здоров будь, пан вельможный, – сказал он и умолк, дыша тяжело и сбивчиво.

Оруженосец тронул коня шагом и подъехал ближе, наставив на странника тяжёлое копьё.

– А ну-ка, брось дубину, смерд.

Посох упал в снег. Оруженосец Кришан спешился, воткнул копьё в снег и подошёл к незнакомцу, поигрывая плетью.

– Кто таков? Как звать?

Сказал, будто плюнул. Парень молчал, угрюмо нахмурясь.

– Отвечай, когда спрашивают! Или имя своё позабыл со страху?

Тот молчал.

– Стало быть, позабыл! – усмехнулся Кришан. – Ну а про то, что в угодах графских промышлял, небось тоже не знаешь?

– Я не промышлял, – ответил глухо тот. Взгляд его синих глаз, колючий, как репей, задержался на графе. – А что в лес твой ненароком забрёл, так то без злого умысла...

Граф сделал знак рукой. Плеть свистнула, ударив парня по ногам, и тот невольно рухнул на колени. Кришан шагнул вперёд, схватил его за волосы и развернул лицом к себе.

– Его светлость графа Цепеша, – рявкнул он, – надлежит звать «Ваша Милость» и никак иначе! Понял, смерд?

– По... нял...

– Не слышу?!

– Понял... Ваша Милость... – процедил сквозь зубы тот.

– Так-то лучше! – усмехнулся граф Цепеш. – А ну, встань!

Рыжий медленно поднялся.

Из-за деревьев донёсся шум, и вскоре с топотом и звоном накатила кавалькада. Разгорячённые, потные, всадники закружили, сбивая снег с деревьев. Бока коней дымились паром. Один спешил, другой подъехал ближе, поднял на руках лису. Граф одобрительно кивнул и снова повернулся к страннику.

– Чей ты холоп? – спросил он.

– Ничей, – ответил хмуро тот. – Я с гор, а там не делят землю.

– Гляди – строптивый! – Граф нахмурился. – Значит, говоришь, пришлый... Чем промышляешь? Отвечай!

– Травник я.

– Вот как? Ага... Михай! Проверь его мешок.

Михай, дородный чернявый парень из тех, что подросли позже, проворно соскочил с коня, содрал у парня с плеч котомку и по локоть запустил в неё руку. Пошарил, вынул горсть зелёной трухи, понюхал и бросил обратно.

– Травы, пан Владислав! – доложил он и вывернул мешок.

Что-то круглое, гораздо более тяжёлое, чем травы, мелькнуло в воздухе и улетело в снег, оставив ямку. Странник рванулся и замер, чуть не напоровшись на нож в руках оруженосца.

– А ну, тихо! – угрожающе сказал Кришан. – Тихо, смерд! А не то...

Михай поскрёб в затылке и полез раскапывать снег. Вынул и вытер находку о рукав. В руках у него оказался браслет с чёрным камнем и семью фигурными подвесками по ободу.

– Бранзулетка, пан Владислав!

– А ну, подай сюда...

Владислав Цепеш повертел браслет в руках, подёргал за одну подвеску, за другую. Полюбовался камнем, усмехнулся.

– Забавная вещица... Где украл? – осведомился он.

– Это моё, – ответил рыжий.

Граф рявкнул, наливаясь кровью:

– Ты что же, врать мне вздумал?! – Рука его рванулась кулаком, сорвав висюльку на браслете; парень вздрогнул. – В моём лесу травы собираешь, моих собак побил, а теперь ещё и врешь?!

– Я не вру, – подняв упрямо голову, сказал тот. – Это моё.

– Вяжите подлеца! – распорядился Цепеш.

Два дюжих молодца мгновенно сбили парня с ног, уткнули в снег лицом и скрутили ему руки за спиной.

– Куда его, Ваша Милость? – спросил один.

– Везите в замок. Травы тоже заберите. – Граф перехватил колючий взгляд рыжего бродяги и ухмыльнулся. – Браслет покамест я себе возьму: а ну как истинный хозяин объявится? А ты не горюй: тебе другой подыщем... даже два!

Он хохотнул. Челядь тоже засмеялась. Граф обернулся к ловчему:

– Эй, Варга! Что, псы твои ещё способны бегать? Давай подымай их!

Тот вскинул рог и затрубил, граф пустил вскачь коня вослед собакам, и вся охотничья орава с гиканьем и свистом умчалась.

Два всадника остались на поляне. Они не торопясь перекусили, глотнули вина из фляги и, перебросив пленника поперёк седла, двинулись к темневшему неподалёку замку. Спешить им было некуда – лишь в редких случаях графская охота оканчивалась засветло.

* * *

Странник молчал, качаясь вверх и вниз на крупной лошади. Руки, связанные за спиной, выворачивало из суставов, лука седла врезалась в бок. Хотелось пить. По счастью, лошади шли шагом, но всё ж к концу пути боль поглотила все другие чувства.

Громада замка вырастала медленно. Рыжеволосый странник видел в своей жизни замки, но этот затмевал всё, виденное ранее. То была Поэнари – личная крепость Влада III. Деревья перед ней вчистую были снесены версты на полторы во все четыре стороны, наверное, чтобы тайком не подобрался враг. Стены, высокие и неприступные, венчались мощными квадратами зубцов. Вокруг был ров с водой, застылый в серый лёд и заметённый снегом. Шесть башен разной высоты смыкали стены по углам, а в самой середине, словно замок в замке, высились четыре сросшиеся башни преогромной цитадели.

Во дворе было тихо, да и некому было шуметь – два стражника в воротах, конюх, подбежавший расседлать коней, да женщина, шедшая с пустой корзиной, – вот и весь народ. Если кто и был ещё, предпочитал сидеть в тепле. Снег, чёрный и истоптанный, лежал во всех углах. Полоскалось бельё на ветру. Пахло дымом и горелым молоком.

Странника стащили с коня.

– Что граф? – спросил, зевая, конюх. – Ещё охотится?

– Угу, – с ленивой неохотой отозвался один из всадников. – Отведи коней да разыщи Хорию. И живей, а то мы и так устали, да стоять ещё...

Тот кивнул, увёл лошадей на конюшню и скрылся в замке.

Здесь все были какие-то сонные – и всадники, и этот конюх, и два стражника у входа. И даже Хория – кузнец лет сорока, до глаз заросший чёрной бородой и широченный, как сундук, казалось, тоже только встал с лежанки, а может, так оно и было. Был миг, когда страннику почудилось, что он сам уснул и видит сон – бредовый, страшный, но всё же сон, однако миг прошёл, вернулась боль в заломленных руках, и наваждение сгинуло.

– А что с ним делать? – спросил кузнец.

– В подземелье.

– А, ну-ну...

Пленника толкнули в полутёмную кузницу, развязали ему руки и содрали с плеч тулуп. Держали крепко и умело – толком не пошевелились. Хория затеплил трут и долго раздувал огонь, сопя и кашляя, затем накинул жжёный войлочный передник, мехами раскалил две малые заклёпки и нашарил на стене браслеты кандалов. Длинная цепь, зазвенев, потянулась по камням. Кузнец смерил взглядом железные кольца, кивнул и всё так же безразлично потребовал:

– Руки.

Наручники он заклепал почти не глядя – привычная, видать, была работа, – и после, положив углей в горшок, направился к подвалам. Рыжего парня под руки тащили следом. Спустились узкой лестницей. В стене обнаружился горелый факел, кузнец зажгёт его и потянул за ржавую скобу, отворяя старую, белёсую от мёрзлой плесени дверь. Шагнул вперёд и оглянулся:

– Куда его?

– Да всё равно куда, – ответил стражник, державший цепь от наручников. – Вон туда хотя бы.

Кузнец замялся:

– Туда не надо бы – там баба.

– Да не один ли чёрт! – ругнулся стражник. – Сади, где знаешь!

В подвале было сыро и темно. Свет факела плясал над головой. Со всех сторон давил холодный дикий камень, казалось, неровная кладка потолка вот-вот обрушится. Хория выбрал третью дверь. Замков здесь не было, лишь толстые тяжёлые засовы. Дверь вела в темницу – комнатку пять на пять шагов с земляным полом и двумя лежаками. На одном бугрился ворох серого тряпья, от которого к кольцу в стене тянулась цепь. В окно, настолько маленькое, что решётка там была бы лишней, сочился тусклый зимний свет. Кузнец ушёл и вскоре вернулся с инструментом. Цепь закрепили на кольце и удалились.

Воцарилась тишина.

Тот, кто назвался травником, постоял с минуту, размышляя, окинул взглядом пол и потолок, покосился на окошко. Шагнул к двери – цепь натянулась, не пуская. Понятно стало, почему на двери нет замка. Он опустился на лежак, рассматривая руки, поскрёб ногтем ещё тёплые головки заклёпок. Ковка была прочная, глухая – такую и зубилом не сразу собьёшь. Там, где обожгло железом, кожа вздулась волдырями. Травник вздохнул и выругался.

Куча тряпок на соседнем лежаке задвигалась, явив на свет заросшую пегими космами голову. С минуту узники молча рассматривали друг друга.

– Ты кто? – спросила наконец голова. – Холоп или кто ещё?

– Странник я, – помедлив, ответил рыжий парень.

– И за что тебя сюда?

– Попался графу на охоте под горячую руку.

– Понятно.

Обладатель головы неловко выпростал наружу руки, тоже скованные, и сел, кутая в рваное одеяло худое, прикрытое грязными тряпками тело. Поёжился, поскрёб ногтями в бороде.

– Слышь, рыжий. – Он покосился на окно. – Что там сейчас, снаружи?

– День.

– Нет, а вообще?

– Вообще – зима, – ответил тот. – Февраль.

– Февраль... – задумчиво повторил узник. – Уже февраль... – Он посмотрел на своего нежданного собрата по несчастью и вздохнул. – Я – Миклош, а тебя как звать?

Ответа не последовало.

* * *

С приездом графа что-то изменилось. Наверху забегали, засуетились, но вскоре снова всё притихло. Под вечер появился стражник и принёс еду – миску чечевичной каши, а для странника приволок драное одеяло, без которого к утру тот наверняка замёрз бы насмерть. А после все о них забыли. Время замерло для узников. Им, погребённым заживо в каменном мешке, оставалось только разговаривать друг с другом. Раз в сутки заходил хромой тощий тюремщик, приносил еду. Их день тянулся бесконечно, серый и унылый. Ночь приходила к ним без сна холодной стыллой дремой. Ложились спать спиной к спине – так было теплее, и хоть не давали при этом покоя многочисленные блохи, ничего не поделаешь – приходилось терпеть.

Истосковавшийся по людям Миклош говорил много и охотно. Как выяснилось вскоре, сам он угодил сюда за то, что осмелился рубить дрова в графском лесу.

– Ну а как не рубить? – вопрошал он. – На всю зиму хвороста разве напасёшься? А зима нынче вона какая... Я и пошёл. Дёрнул же чёрт этих собак рядом проехать – услышали топор.

Четвёртый месяц уж я тут, всё жду – вдруг отпустят. Как там жена, дети – ничего не знаю. – Он вздохнул. – Ладно, успел я им две поленницы сложить, прежде чем графские холоуи меня подловили. Хотел уж третью, чтоб наверняка, да вишь, перестарался. Жадность погубила. В другой раз лучше с пилой пойду – её не так слышать.

– А знаешь, эту крепость как построили? – в другой раз вопрошал старик. – Не знаешь? Ну! Это ж такое дело было! Лет десять назад собрались богомолыцы, стало быть, на Пасху, в Тырговиште. Ну. А пан Владислав всех их повязал и объявил: пока вы, говорит, мне замок не постройте, не видать вам ваших очагов! Так и сказал. А с графом Цепешем какие шутки... Пришлось работать. Так мы, когда строительство окончили, все голые ушли. Работали от восхода до заката, вся одежда в клочья. И новую купить денег не было – он же не платил. Добро хоть кормёжка была...

Странник молча всё выслушивал и лишь однажды спросил:

– А много ли народу в этих подвалах?

– В темнице-то? Да много кто сидит. – Миклош покачал головой и поёжился. – Да и тем, считай, повезло – годков этак с пять тому назад ох и лютовал он! Была у него такая забава – на кол людей сажать. Не счесть, сколько народу перевёл. Чтоб он сдох, проклятый дракул!

В первую же ночь странник попытался избавиться от оков и неожиданно для себя понял, что непонятно как утратил свой дар. Он знал, что стоит найти нужное Слово, и цепи слетят с него шелухой, но Слово не хотело приходить. И вообще – не было никаких слов. Он ходил по темнице туда-сюда вдоль лежака, насколько позволяла цепь, а чаще сидел неподвижно, вспоминая, но без толку. Что-то важное ушло вместе с именем и больше не вернулось. Он бросил свою Силу и сам теперь был как тот рифмач, что больше не может сложить и двух строчек.

– Жуга, – сказал он в темноту, прислушался к себе и тихо повторил: – Жуга...

Чужое слово замерло в холодном воздухе, не породив в душе ни отклика, ни эха.

«Всё возвращается, – подумалось ему. – И, помнится, я сам себе об этом говорил. Я снова выбираю имя. Там, на поляне, я узнал вопрос. Но где искать ответ? Чего мне надо от себя? И кто он, враг моего врага?»

– Я выберусь, – сказал он сам себе и сжал кулаки. – Клянусь, я выберусь отсюда. Хотя пока ещё не знаю как.

* * *

Прошло уже больше двух недель с того момента, как на графской охоте полонили рыжего пришлеца. Новый день начался для узников как обычно, но к полудню в коридоре вдруг послышались шаги, слишком громкие даже для тюремщика – то явно были сапоги, тяжёлые, подбитые гвоздями. Лязгнул засов. Дверь отворилась, и в темницу, роняя с факела горящую смолу, шагнул Кришан – оруженосец графа Цепеша. Следом шёл кузнец с молотком и зубилом.

– Которого? Рыжего? – спросил он, оборотившись на Кришана.

– Его, – кивнул тот.

Травник поднял голову и исподлобья оглядел обоих, но спрашивать ничего не стал. Он похудел, осунулся и выглядел ещё нескладнее, чем раньше. Шею и руки исполосовали расчёсы, под глазами набрякли круги, грязные волосы сбились в колтун. Кузнец нацелил на кольцо зубило, в три удара сбил заклёпку, отошёл. Кришан поднял упавшую цепь и намотал её на кулак. Покосился на пленника.

– Ты взаправду знахарь или врал? – спросил он.

– Если и знахарь, то что?

– Отвечай, когда я спрашиваю!

– Да. Я знахарь.

Кришан передал факел кузнецу.

– Жди здесь, как обычно, – распорядился он. – Инструмент не убирай. А ты давай шагай. – Он подтолкнул рыжего в спину и двинулся следом.

Поднявшись по извитой узкой лестнице, они выбрались из подземелья и долго шли кривыми коридорами вдоль серых стен. Травник попытался запомнить дорогу, но по пути им встретилось столько дверей, а коридоры были так похожи, что вскоре он запутался и бросил это дело. Наконец оба добрались до массивной дубовой двери в одной из башен. Стены здесь были с кривизной, а в окошко виднелся далёкий заснеженный лес. Кришан остановился.

– Граф вчера занемог после трапезы, – угрюмо буркнул он. – Вина перепил или ещё что. Животом мается.

– Я думал, у графа имеется собственный лекарь, – криво усмехнулся пленник.

Оруженосец вскинулся и вдруг без разговоров ударил его кулаком в лицо. Рыжая голова мотнулась, губы странника окрасились кровью. Кришан потянул к себе цепь.

– Для тебя граф – «Ваша Милость», или ты забыл уже? – прошипел он. – А забыл, так запомни снова, смерд! А лекарь был, да только болтал много. Пришлось язык ему отрезать... вместе с головой. – Он вынул из ножен узкий, как ивовый лист, стилет и поиграл червлёным лезвием у травника перед глазами. – И не вздумай выкинуть коленце – уж я с тобой в момент расправляюсь. Ну, пошёл!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.